

ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

№ 4(28)

2022
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2022 № 4(28)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

Е.Ф. Ивашкевич (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурценков, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включён в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Bochkov A.A., Gurshchenkov P.V., Bochkova G.Sh. Conceptual and Methodological Foundations of the Development of Modern Law in Belarus and Russia in the Context of Digitalization 3

Goncharov V.V. Public Chambers (Councils) in Municipalities in Russia as a Subject of Public Control 11

Молчанов К.А. Цели и задачи надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде: теоретические аспекты 17

ЭКОНОМИКА

Богатырёва В.В., Капусто А.В., Костюкова С.Н. Игровые методы в обучении предпринимательству молодежи и оценка их эффективности 23

Горячева С.М., Бондаренко Е.М. Направления развития распределительной логистики по производству обуви в Республике Беларусь 35

Квасникова В.В., Чернавина Н.А. Исследование потребительских предпочтений на льняную одежду на зарубежных рынках 41

Янкевич Е.М., Карпович А.О. Оценка совокупного потока посетителей региональной туристической дестинации посредством использования языка программирования Python 53

Павлыш Э.В., Грибко Л.В. Методы оценки человеческого капитала организаций 64

ПСИХОЛОГИЯ

Стреленко А.А. Связь невербальных компонентов социально-перцептивных образов с жизнеспособностью у матерей 72

Богомаз С.Л., Ильин Е.А. Терминологическое поле исследования психологических механизмов формирования социальной идентичности личности в традициях патриотической культуры ... 81

Оленина О.Е. Роль личностной тревожности в выборе копинг-стратегий поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья 88

Круглова Н.В. Предикторы конструктивного взаимодействия у детей младшего школьного возраста 93

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2022 № 4(28)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
E.F. Ivashkevich (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenschchik,
L.F. Tratshevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:
T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

Бочков А.А., Гурщенков П.В., Бочкова Г.Ш. Концептуально-методологические основы развития современного права Беларуси и России в условиях цифровизации 3

Гончаров В.В. Общественные палаты (советы) в муниципальных образованиях в России как субъект общественного контроля 11

Molchanov K.A. Goals and Objectives of Supervision and Control over Labor Legislation Compliance: Theoretical Aspects 17

ECONOMICS

Bogatyreva V.V., Kapusto A.V., Kostiukova S.N. Game Methods of Teaching in Entrepreneurship Training and Evaluation of their Efficiency 23

Goryacheva S.M., Bondarenko E.M. Directions of the Development of Shoe Manufacture Distribution Logistics in the Republic of Belarus 35

Kvasnikova V.V., Chernavina N.A. Research of Consumer Preferences for Linen Clothing in Foreign Markets 41

Yankevich E.M., Karpovich A.O. Evaluation of the Cumulative Flow of Visitors to a Regional Tourist Destination Using the Python Programming Language 53

Pavlysh E.V., Gribko L.V. Methods of Evaluation of the Human Capital of Organizations 64

PSYCHOLOGY

Strelenko A.A. Relation of Nonverbal Components of Mother Social-Perceptual Images with Vitality 72

Bogomaz S.L., Ilyin E.A. Terminological Field of the Research of Psychological Mechanisms of Shaping Social Identity of a Person in Traditions of Patriotic Culture 81

Olenina O.E. The Role of Personality Anxiety of People with Disabilities in Choosing Behavior Coping Strategies 88

Kruglova N.V. Predictors of Young Schoolchildren Constructive Interaction 93

УДК 340.11(476+470+571):004

Conceptual and Methodological Foundations of the Development of Modern Law in Belarus and Russia in the Context of Digitalization

Bochkov A.A., Gurshchenkov P.V., Bochkova G.Sh.

Educational institution "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

The development of modern law in the Republic of Belarus and the Russian Federation through the prism of studying doctrinal, comparative legal, legislative and law enforcement aspects has important methodological, theoretical and practical significance.

The aim is to identify the conceptual and methodological foundations of the development of the law of Belarus and Russia in the conditions of digitalization, to determine the directions of improvement and application.

Material and methods. *The research material was the normative legal acts of the Republic of Belarus and the Russian Federation, scientific and educational literature devoted to the methodological and conceptual characteristics of the main trends in the development of law in the conditions of digitalization. Methodology is a pluralistic approach combining dialectical-materialistic, synergetic, existential and multidisciplinary methods, methods of interpretation of law, comparative studies, legal modeling.*

Results and their discussion. *The transformation of the legal systems of our countries needs a doctrinally developed meta-theory of law in new digital conditions, a pluralistic methodology combining traditional and digital methods of unified humanitarian, natural science and technical knowledge; there is a need for electronic mechanisms of law enforcement as well as intersectoral legal complexes in socially significant spheres of public life as an important element of the legal system requiring further study of their effectiveness. We propose to officially recognize the sources of law on electronic media on a par with paper; to conceptually develop and legislate the conditions for the use of digital technologies in regulatory, law enforcement, administration of justice.*

Conclusion. *Irreversible global changes in the world, which are tectonic in nature, dictate the need to increase the socio-economic activity of citizens, the introduction of their own innovative technologies, import substitution, strengthening the unity and support of the government by the people both within the Russian Federation and the Republic of Belarus, and within the Union state.*

The tense foreign policy situation and the need to solve domestic problems require improving the content, reformatting the law at the doctrinal, legislative and law enforcement levels in the new digital reality. To do this, we need to combine our own critical technologies with the human potential of a consolidated state-civil society. The rules of a new world order are created by strong, sovereign states. The sovereignty of a State cannot be partial, fragmentary. It includes legal, social, political, scientific, economic, technological, military, cultural aspects.

Key words: *law; digital technologies; innovative determinism; convergence; metatheory of law; trends in the development of law.*

Концептуально-методологические основы развития современного права Беларуси и России в условиях цифровизации

Бочков А.А., Гурщенков П.В., Бочкова Г.Ш.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Развитие современного права в Республике Беларусь и Российской Федерации через призму изучения доктринальных, сравнительно-правовых, законодательных и правоприменительных аспектов имеет важное методологическое, теоретическое и практическое значение.

Цель – выявить концептуально-методологические основы развития права Беларуси и России в условиях цифровизации, определить направления совершенствования и применения.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты Республики Беларусь и Российской Федерации, научная и учебная литература, посвященная методологически-концептуальным характеристикам основных тенденций развития права в условиях цифровизации. Методология: плюралистический подход, объединяющий диалектико-материалистический, синергетический, экзистенциальный и мультидисциплинарный методы, методы толкования права, компаративистики, правового моделирования.

Результаты и их обсуждение. Трансформация правовых систем наших стран нуждается в доктринально разработанной метатеории права в новых цифровых условиях, плюралистической методологии, объединяющей традиционные и цифровые методы единого гуманитарного, естественно-научного и технического знания; необходимы электронные механизмы правоприменения; межотраслевые правовые комплексы в социально значимых сферах общественной жизни как важный элемент системы права, требующий дальнейшего изучения их эффективности. Предлагаем официально признать источники права на электронных носителях наравне с бумажными; концептуально разработать и законодательно закрепить условия применения цифровых технологий при нормативной, правоприменительной деятельности, отправлении правосудия.

Заключение. Необратимые глобальные изменения в мире, носящие тектонический характер, диктуют необходимость повышения социально-экономической активности граждан, внедрения собственных инновационных технологий, импортозамещения, усиления единства и поддержки народом власти как внутри Российской Федерации и Республики Беларусь, так и в рамках союзного государства.

Напряженная внешнеполитическая обстановка и необходимость решения внутринациональных проблем требуют совершенствования содержания, реформирования права на доктринальном, законодательном и правоприменительном уровнях в условиях новой цифровой реальности. Для этого нужно соединить собственные критические технологии с человеческим потенциалом консолидированного государственно-гражданского общества. Правила нового миропорядка создают сильные, суверенные государства. Суверенитет государства не может быть частичным, фрагментарным. Он включает правовые, социальные, политические, научные, экономические, технологические, военные, культурные аспекты.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, инновационный детерминизм, конвергенция, метатеория права, тенденции развития права.

The relevance of the topic is determined by the need to transform law under the influence of digital conditions and internal trends in its development, which is of strategic importance for statehood and the destinies of peoples. The purpose is to study problematic issues, analyze conceptual and methodological approaches and trends in the development of modern law in the Republic of Belarus and the Russian Federation, and develop the main directions for its improvement. The objectives are to show the need to change the law affected by digitalization; to substantiate the role of convergent methodology in cognizing and improving state-legal reality; to identify new legal tools of digital society.

The change in modern law has constitutional foundations due to the new versions of the Constitution of the Republic of Belarus (adopted at the republican referendum on February 27, 2022) and the Constitution of the Russian Federation (approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). This is also due to the need for solving the most acute national and international problems of the digital society within the

framework of the new emerging world order, taking into account internal laws, trends in the development of state-legal reality.

In order to create a highly developed, competitive welfare state, to respond to the challenges of the time, it is necessary to combine the potential of the human capital of a consolidated state-civil society with new end-to-end technologies. Irreversible global changes in the world, which are of tectonic nature, require increased economic activity, the introduction of competitive technologies, import substitution, strengthening the unity and support of the government by the people both within the Russian Federation and the Republic of Belarus, and within the Union state.

The aim is to identify the conceptual and methodological foundations of the development of the law of Belarus and Russia in the conditions of digitalization, to determine the directions of improvement and application.

Material and methods. The research material was the normative legal acts of the Republic of Belarus

and the Russian Federation, scientific and educational literature devoted to the methodological and conceptual characteristics of the main trends in the development of law in the conditions of digitalization. The research methods include a pluralistic approach combining dialectical-materialistic, synergetic, existential and multidisciplinary methods, methods of interpretation of law, comparative studies, legal modeling.

Results and their discussion. Methodology as the basis of “smart” cognition and management of legal reality. It is the method that illuminates the path to truth. It should proceed, first of all, from the subject of study, reflect the objective laws of social life, follow from the achievements of practice, be scientific, proven, real.

In the broadest sense of the word, methodology is a system of attitude, worldview, world-building, existing at rational and irrational levels, including certain doctrines, research approaches, principles, methods, constructions. This is any science, theory, concept, conceptual and legal knowledge about law and state, through the prism of which they cognize reality and build the desired picture of the world. Methodological foundations of modern jurisprudence are the juridical transformation of philosophical and ideological approaches, fundamental concepts of legal understanding, general and private (private law) methods [1, p. 5].

The pluralistic methodology is based on a dialectical-materialistic method of studying the changing state-legal matter in its real, true connections and relationships, which helps to identify social patterns, interests and needs of the masses and transfer them into the legal plane in order to optimize management. It is necessary to identify these patterns and create a mechanism for their transformation into legal laws. The social dynamics for the most part outstrips the legal one, and is unable to foresee the consequences of the actions being carried out (the collapse of the USSR, the “color revolutions” in Ukraine, Armenia, Georgia, the expansion of NATO, economic sanctions against Russia, Belarus, etc.). To do this, you need to use ICT and BigData, technologically process big data [2, p. 170–178].

Methodological pluralism is aimed at objective cognition of legal reality in its integrity, inconsistency, multi-aspect, alternative. At the same time, one should agree with Professor O.V. Martyshin that pluralism is good if it increases the level of research, relies on solid cultural traditions, is combined with a serious struggle of ideas, polemics, intolerant of unprofessionalism, pseudoscience, hack work [3, p. 21].

The methodological basis of jurisprudence is the interdisciplinary doctrinal development of the meta-theory of law in the new digital conditions, its legislative consolidation and law-realizing embodiment.

The theory of convergence, the penetration of mutually exclusive concepts integrated into each other, the use of the principles of uncertainty, complementarity, discreteness, the inclusion of personal and existential experience will help to better understand the state-legal matter and build a program for its social and economic improvement [4, p. 13–15].

A holistic view of probabilistic self-organizing systems within the framework of innovative determinism, synergetics, futurology, cognitive science will allow us to consider paradoxical problems from the viewpoint of the laws of dialectics. If the interdisciplinary method is a sum of borrowings, technologies and methods of various disciplines, then the transdisciplinary method acts as a functional synthesis of methodologies of natural, technical and social sciences. It pushes the logical meta-frames, combines the subject of study with the methodology, the individual experience of the researcher, considers it on rational-irrational, intuitive levels.

The cognition of law and state in the “borderline situations” of war, unprecedented economic sanctions, the struggle for national security and state independence allows us to comprehend the existential essence, to see the true face of the state-legal institutions of the new world order.

Law, as a complex, multifaceted, dialectically contradictory social organism, is characterized by: discontinuity and continuity; convergence and divergence; innovative change and stability, traditionalism; continuity, conservatism and cyclicity; linearity and nonlinearity; organization and chaoticism, determinism and synergy; interdisciplinarity and multidisciplinary.

The determining factor in the development of digital society is innovative determinism, based on breakthrough technologies in the economic, political, social and legal spheres. A special place in this process is occupied by jurisprudence as a synergy of science, education and practice. Legal problems most often arise from economic, social, political ones, outside the legal life (V.N. Zhukov). Economic analysis of law should precede its development and implementation, and the market economy, in turn, must take into account the influence of non-economic factors: social, psychological, legal, national [5].

Recently, much attention has been paid to the study of smart regulation, better regulation, less regulation, self-regulation of law. This is due to the desire to get the greatest effect at the lowest cost, to use the hidden potential of innovative resources and people’s law-making. However, the essence, mechanisms of formation and implementation

of the legal management of these processes, the unification of political will, organizational unity of the government and the people are not disclosed enough. A smart management system relies on a developed subjective factor, digital technologies, openness, accessibility of regulatory and law enforcement material, legal experiment and legal modeling, direct and feedback from addressees, minimizing unjustified administrative impact. It is important to use optimal legal tools, self-regulation mechanisms, clean “green” technologies, use information and environmental openness, delegate state powers to representatives of business communities, enable flexible law enforcement, etc. [6, p. 14–25].

It is necessary to overcome the segmentation of regulatory methods and create new unifying legal norms: recommendatory, exemplary, model, program-target, standards, norms-self-obligations [7, p. 7–8].

Without completely abandoning the “hard” law of the state in emergency situations, for the development of civil society, economic, business law, special attention should be paid to improving the “soft” law. “Soft” law requires innovative variability, complementing legal methods with quasi-legal regulators: directions, methods, directives, concepts. It is necessary to use more actively doctrines, informal sources of law, legal principles (as concentrated ideas and norms), general means of legal influence (goals, standards, values, traditions, constructions, constitutional concepts, axioms of law) strategic programs, intersectoral complexes, program laws, integrative codes, standards of contractual self-regulation, etc. [8, p. 458–467].

Trends in modern law. Digital law is increasingly invading the main spheres of public life (power, property, distribution, legal responsibility, citizens’ rights and freedoms). The new digital society needs a new doctrine, the memetics of legal responsibility, legislatively fixed and effectively implemented with the help of an electronic law enforcement mechanism [9, p. 3–12].

Digitalization changes the sphere of legal influence, expanding private-network law and limiting public-state law, which concentrates its influence on “nodal points of growth” [10, p. 4]. The transformation of law requires digitizing legal techniques, forms (sources) of law, using information and communication technologies, educational platforms in the training of lawyers, developing special legislation on the electronic state, artificial intelligence (AI) and robotics [11, p. 135].

Information law is turning into the most rapidly developing complex public-private mega-industry. Information technologies through electronic voting, electronic discussion, electronic democracy,

electronic state allow optimizing the management process. Practically directed technical intelligence, in the conditions of capitalization and commercialization of social relations, creates favorable conditions for the growth of material well-being, however, it can generate prerequisites for the spiritual and moral degradation of a person and society as a whole.

The ongoing desocialization of society atomizes, individualizes consciousness, focuses it on the interests and needs of a particular person. Technologies come into conflict with the development of consciousness, intellectual and spiritual activity of the individual. Getting used to automation, a person loses the skills of adequate, logical thinking, critical analysis, independent decision-making, turning in fact into a biosocial appendage of the machine. Information can be imposed, even against the respondent’s wishes, turning into information pressure and violence. As a result, under the influence of the Internet, a person is deindividualized turning into a group person. There is a danger of programming and zombie behavior, especially at the mass level. Often the information is not verified, does not rely on verified facts aimed at distorting reality. Whoever owns the sources of information owns the world. It is necessary to filter (censor) information on the Internet that harms civil rights and state sovereignty.

Reasonable, legal, legitimate, just law combines individual freedom and collective solidarity (V.D. Zorkin), acting as a synthesis of freedom and equality (V.S. Solovyov).

The dialectical interdependence of form and content of law has its own specifics at the legal level, constituting depth and mystery, unity and contradiction of proper and possible behavior.

The criteria for distinguishing a branch of law are the subject, the method of legal regulation and the presence of a codified act. At the same time, some authors, in addition to those mentioned, identify three dozen more criteria, which sometimes leads to an unjustified artificial expansion of the legal system. With this approach, the number of branches of law can reach 100 or more. In addition to the generally accepted ones, it is also proposed to consider investment, innovation, intellectual, advertising, valuation law, Internet law, sports, funeral, network law, cyber law, robot law, trade union law, service law, etc. as independent branches of law, without sufficient grounds [12, p. 34–38]. Acting in interrelation and complementarity, branches of law should not contradict and duplicate each other.

At the same time, according to Professor Yu.A. Tikhomirov, the static system of branches of law needs to be revised. Therefore, it is necessary to turn to the joint solution of strategic tasks not only by branches,

but also by legal complexes [13, p. 8]. Academician T.Ya. Khabrieva writes about cyclic legal arrays in law as new complex formations, “cross-sectoral” legal norms penetrating into most elements of the legal system. As an example, anti-corruption legislation is considered, which determines the dynamics of the development of constitutional, criminal, administrative, civil, financial and other branches of law [14, p. 6–14]. This may concern legislation on healthcare (“pandemic” law), environmental safety, education, information space, emergency legislation, etc. Some authors even propose to single out “virus law” as a cyclical legal array (N.N. Chernogor, M.V. Zaloilo). The active introduction of legal arrays into legislation and law enforcement practice makes sense if it gives a social and economic effect, convenient for use. This requires preliminary testing, doctrinal development, creation of an implementation mechanism, organizational, psychological support, etc.

In the context of the rapid digitalization of society, the issues of defining digital law as a separate branch with its own subject and methods of legal regulation are actively discussed. Some authors consider it expedient to divide the law into public and private in the aspect of the use of additive technologies instead of the sectoral division [15, p. 43–47]. It seems that digital technologies permeate all branches of law, so it is premature to talk about a qualitatively homogeneous sphere of digital public relations.

Improvement of legal formalization. The ongoing global changes in digital legal regulation are associated with the narrowing of the scope of the law on paper and the expansion on electronic. There is a tendency to replace legal norms with algorithms, which, in case of their flexibility, ambiguity and dispositivity, can be more effective. To do this, the code must be equated with the law, given a digital form and filled with electronic content.

The growth of the legal culture of the population, compliance with the principles of legality, justice, integrity by legal entities not only in the field of private law, but also public law relations will contribute to the creation of a self-regulatory environment based on self-fulfillment and technological solutions. Self-government is real if it is based on conscience, moral responsibility, self-awareness, self-discipline, traditions, conviction in the rightness of the law and lawful behavior. Self-regulation provides for a special program of techniques and means in the law for unplanned filling of gaps, overcoming collisions, resolving atypical legal situations, interpreting, specifying the law, choosing authoritative arbitrators to resolve the dispute.

Within the framework of legal formation, it seems appropriate to create a clear pyramid of forms (sources)

of law, linking at the digital level the subject, the method of legal regulation, their content with legal force and hierarchy. The electronic version of the regulatory legal act needs to be fixed in the legislation along with the paper version as an official source of law. For the purpose of unification, uniformity, and effectiveness of application, it is necessary to determine the procedure for the development, adoption, and execution of regional, local, and departmental regulatory legal acts.

It is essential to update the system of sanctions in the legal norm, with a clear indication of the legal facts in the presence of which it operates, their upper, lower limit, alternative, combined options, etc.

The legitimization and digitalization of public relations presuppose and complement each other. However, the form should not replace the content. If the structure and form can be put into a digital, electronic shell using artificial intelligence, then the content requires the maximum inclusion of a person, his rational and spiritual qualities.

Digitalization of society plays an important role in optimizing and improving the efficiency of a lawyer’s work. For the administration of justice, digital technologies are successfully used to identify, collect, record evidence, process information, search for regulatory legal acts, law enforcement practice, statistics, explanations of the Plenums of the Supreme Court. Modern technologies are actively introducing electronic justice, electronic notary, electronic advocacy, processing a great amount of regulatory, law enforcement data, digitization of judicial archives, the use of modern methods of crime investigation (conference calls, remote interrogation, diagnostics of witness testimony, suspects, the use of the polygraph, the creation of sketches, the identification of false documents), new technologies in forensic examination, etc., which expands the possibilities of jurisprudence and objective solution of legal cases.

They reduce document flow, ensure greater safety of criminal case materials, and reduce the risk of falsification of evidence. The task is to provide electronic document management at all stages of criminal proceedings, using audio-video recording. The recognition of electronic information, electronic documents as an equal type of evidence, the establishment of the procedure for the use of a qualified electronic signature requires legislative consolidation.

However, one should not forget that the role of digital technologies is auxiliary and limited. It is impossible to do without the human factor in the actual and legal qualification, sentencing, etc. It is necessary to develop at the doctrinal level and legislatively adopt a regulatory document for the use of digital technologies

in legislative, law enforcement activity, administration of justice [16, p. 91–97].

It is possible to use an electronic system of legal liability (administrative and civil) for automatically recorded offenses that can be digitally processed.

A multidisciplinary approach is able to unite the efforts of politicians, economists, sociologists, mathematicians, psychologists, IT specialists, lawyers within the framework of consortia, clusters, the core of which are scientific and educational centers, platforms for the purpose of studying and turning social law-trends into legal ones [17, p. 77]. Here it is necessary to foresee all the risks and consequences of processing a large factual material, to take into account the variability of development [18, p. 239–247]

There is a contradiction between openness and closeness of information, publicity and electronic oblivion. Technological capabilities operating outside the framework of the rule of law and civil society can create a danger of establishing total digital control in the state and using ICT for selfish purposes. Disruptive (from Lat. – torn) breakthrough technologies can split society into winners and outsiders at the personal, group, national and international levels, exacerbate social inequality.

Information technologies are able to calculate predictive indicators of the effectiveness of the adoption of regulatory legal acts, their psychological perception by the population, which can protect against rash social, political, economic and legal decisions. Technologies optimize the work of the state apparatus, make it more transparent and controlled by civil society, make it possible to fight bureaucracy and corruption more actively, contribute to the development, implementation and commercialization of innovations.

The dynamic development of the electronic state and the law of the digital society is changing the previous stereotypes of rigid structuring of the state-legal system on public-private grounds. There are absolutely no public-law or private-law branches of law. Each industry has its own combinations of legal techniques, so we can talk about the predominant focus of public or private interests. The public-private interest becomes predominant and contributes to the organic unity of the state-civil society, the establishment of direct and feedback links. For the settlement of private law relations, such non-state mechanisms of reconciliation of interests as mediation, arbitration court, claim procedure, collection practice, reconciliation with the victim, etc. can be used.

Currently, the legal system of the Republic of Belarus is experiencing, on the one hand, the growth of public-legal relations associated with the increasing role of the state and the executive, on the other hand, – the growth of

the private legal sphere as civil society strengthens and market relations develop. Civil society can be narrower than society if the rights, freedoms and opportunities for self-realization and self-improvement of the individual are limited, it can be broader than society if it includes not only individual, but also group, corporate, inter- and supranational subjects. The concept of civil society is expanding at the corporate, network, information, and interstate levels. On the one hand, it promotes unity, solidarity, mutual understanding of people, on the other hand, it undermines national, state foundations, destroys a sense of citizenship, patriotism, identity.

Spiritual and moral foundations of a digital society. The state and law, being the natural habitat and the “organic body” of man, are considered either in an indissoluble unity as vital values, or as hostile, alienated mechanisms. The conditions of existence of the former are provided by a state-identified person, the latter – by a nationalist-ethnically self-identified person. The former is connected with unity, the latter – with the destruction of integrity.

In the context of globalization, transnational corporations surpass various nations and states in their capabilities, and actually stand above them [19, p. 438–445]. The transformation of state and law into a power-financial oligarchic corporation focused on its own material and power ambitions, consumer attitude to the people, will inevitably lead to a massive crisis, the separation of society, the undermining of national security and even the destruction of the state-legal system. If the state does not have an internal spiritual and moral foundation and does not rely on a civil society, then no violence, no administrative resource will save it from collapse.

Spiritual culture and morality are the foundation of law and the basis of its legitimization. “Cheerful morality” (E. Durkheim) as the morality of decay, generates immorality, lawlessness, arbitrariness, suicide among peoples who have entered the path of decline. The society of mass consumption forms a system of false values of “simulacra” in the mass consciousness, implanting and consolidating them with the help of information technologies [20, p. 114]. “And now all minds are in a fog, morality leads us to sleep, vice is kind – both in the novel and there it triumphs,” wrote A.S. Pushkin in Eugene Onegin.

Only the socialization of the existing mode of production, the development of culture, education, the formation of a socially active *passionate* personality can lead to an increase in material well-being and the triumph of spiritual and moral values.

The high innovative level of the market economy, legality, legitimacy of the state apparatus, the organic

unity of the people and the authorities, the rule of law and civil society, developed spiritual culture – a condition of profitability, viability of state and law.

True law is the embodiment and realization of democracy, the protection of citizens' freedoms, the implementation of truth, justice, goodness, independence, equality, prosperity, peace, stability. True law does not contain "grounds for evil and misfortune" (M.K. Mamardashvili).

The state-legal reality needs a harmonious combination of public and private interests, their coordination with the help of a social democratic state, legal and legitimate law. It is impossible to absolutize (exaggerate or downplay) the role of civil society and the rule of law. They cannot exist without each other, because civil society, controlling the state (state apparatus), does not allow it to usurp political power, and the state, with the help of law, does not allow individual, group egoistic interest to win and reminds about social responsibility. On the one hand, civil society grows stronger only in the state, in cooperation and confrontation with it, on the other hand, it is civil society that objectively helps the state to perform its functions, develop and improve. The point of view of Professor R.Z. Shagieva deserves attention, that statehood tends to acquire those forms and that character that correspond to the level and character of civil society.

Conclusion. 1. Inflation of national and international law; transition from stable, reliable, deterministic, rational, autonomous, predictable law to nonlinear, probabilistic, atypical (by sources, results), risky, rapid in time, leading to total alienation from the state and the rights of a large number of people contribute to a crisis of legitimacy, social inequality deviant behavior, the legitimization of public relations, restraining the social discontent of the masses with by means of the repressive apparatus (I.L. Chestnov), as a result of which the population loses faith in the law and begins to be guided by the illegal motivation of behavior [20, p. 112, 115].

2. Improving the methodology of research and modeling of reality, which is based on a convergent system in the unity of traditional, non-traditional and new methods, where dialectical-materialistic is the leading method, supplemented by ICT, BigDate, multidisciplinary method. Transdisciplinary methodology – synthesis of methodologies of natural, technical and social sciences, combining achievements of science, technology, art, culture of construction, design of the imaginary and desired world.

3. The need to adopt regulatory legal acts only after preliminary economic and social expertise with the determination of efficiency and effectiveness.

4. Socialization, humanization and democratization of law require legislative consolidation of the role

of civil society and its institutions, the creation of a law enforcement mechanism for their use.

5. Electronic, "smart law" through the technicalization, algorithmization of legal actions, the implementation of legal services by digital platforms increases the quality and relevance of legal activity.

6. Improving legal education requires combining practice-oriented training and civic-patriotic education, active inclusion of information and communication technologies (ICT), the formation of competencies, professional skills, mastering foreign and artificial languages, improving ideological training.

7. The use of digital services, computer (virtual) simulators, the association of lawyers, economists, mathematicians, IT specialists for the effective solution of socio-economic problems, negative consequences of digitalization by creating hackathons, clusters, mobile applications, which will help in creating a sought-after innovative Legal Tech product.

8. To determine the strategic vector of legal development of the XXI century, there is a need to create a macrotheory of law, including legal doctrines through the prism of ICT, materials of comparative jurisprudence, data from legal psychology, legal hermeneutics, axiology, sociology, conflictology, theory of lawmaking and law enforcement in electronic modification.

It should be recognized that state and law are rapidly developing and changing in the new information, digital conditions. There is no meta-theory of the digital society of the XXI century, the consequences of decisions have not been calculated, including those made by means of modern technologies. The vectors of legal development are changing, the strategy, legislation, legal practice, i.e. the entire legal reality, are being improved. The legal lawlessness at the international level is intensifying, legal regulation is becoming more complicated. With unprecedented pressure from the West and the United States on Russia and Belarus, economic sanctions, the supply of modern weapons to Ukraine, the systems of international and national Russian and Belarusian legislation come into conflict with each other. Politics, according to V.I. Lenin, once again becomes a concentrated expression of the economy, forced to act contrary to the law, bypassing it. The principle of economic expediency at the international level is being replaced by political and ideological dictatorship.

A sign of the strength of the state is its unity, trust between the government and the people. Corruption, abuse of power undermine its authority, the support of the population, reduce the creative potential of lawful behavior, replace the law with illegal regulators. Positive law that does not take into account customs, traditions of

the past, natural human rights, moral, religious, political norms, based on violence, administrative resource, can only imitate effective governance [21, p. 43–45]. The possibility of realizing the law depends on the political will of the power structures, the legitimacy of the state apparatus and the belief of the masses in the legality and fairness of their actions. Every state has such sovereignty that can protect at the economic, political, military, spiritual and ideological levels.

The social and democratic nature of the law can be realized only in a consolidated society with revived national values, a transparent electoral system, and a strong civil society.

An important condition for building a digital state is the actualization of lawful behavior of citizens.

It is necessary to develop a state strategy and tactics of lawful behavior, turning it into the main subject of jurisprudence and public practice; create a mechanism at the state level that stimulates the lawful behavior of citizens, including economic, social, psychological determinants.

A state-organized society, economically, politically, socially, legally, and spiritually developed, objectively contributes to the growth of social activity and legitimacy of citizens. Their actions are directly proportional to the state's concern for the people and the effectiveness of public administration [22, p. 165].

The new digital reality needs its objectification, improvement of the content, reformatting of the law at the doctrinal, legislative, law enforcement levels.

References

1. Bochkov, A.A. Methodological foundations of modern jurisprudence / A.A. Bochkov, P.V. Gurshchenkov, G.S. Bochkova // *Law. Economy. Psychology*. – 2021. – № 1(21). – P. 3–11.
2. Znamenski, D.Yu. “Big Data” as a Mechanism for Assisting State and Municipal Authorities / D.Yu. Znamenski, A.S. Sibiryayev, N.V. Tokmurzin. – DOI 10.1007/978-3-030-94873-3_21 // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2022. – Vol. 397. – P. 170–178.
3. Martyshin, O.V. About the features of philosophical and legal methodology / O.V. Martyshin // *State and Law*. – 2016. – № 6. – P. 20–30.
4. Lazarev, V.V. Philosophical foundations of implementation activity / V.V. Lazarev // *Journal of Russian Law*. – 2020. – № 9. – P. 5–18.
5. Development of social market economy under the influence of non-economic factors: modeling and regulation [Electronic resource] / A.O. Inshakova [et al.] // *International Journal of Sociology and Social Policy*. – Access mode: <http://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/65498/>. – Access date: 15.05.2022.
6. Davydova, M.L. “Smart regulation” as a basis for improving modern lawmaking / M.L. Davydova // *Journal of Russian Law*. – 2020. – № 11. – P. 14–29.
7. Tikhomirov, Yu.A. Formula of legal impact / Yu.A. Tikhomirov // *Journal of Russian Law*. – 2020. – № 11. – P. 5–13.
8. Hazard, J. The Soviet Legal System / J. Hazard, W. Butler, P. Maggs. – N.Y., 1977. – P. 458–467.
9. Bochkov, A.A. Methodological and doctrinal bases of legal liability / A.A. Bochkov, P.V. Gurshchenkov, G.Sh. Bochkova // *Law. Economy. Psychology*. – 2020. – № 3(19). – P. 3–12.
10. Bochkov, A.A. Modern state and law in the conditions of digital reality / A.A. Bochkov // *Law. Economy. Psychology*. – 2019. – № 1(13). – P. 3–8.
11. Bochkov, A.A. Intellectual nature of law in the conditions of digital transformation of society / A.A. Bochkov // *Legal Concept = The legal paradigm*. – 2021. – Vol. 20, № 2. – P. 134–142.
12. Radko, T.N. Modern system-legal theory: a new stage of development or a methodological crisis? / T.N. Radko, A.A. Golovina // *State and Law*. – 2017. – № 2. – P. 34–40.
13. Tikhomirov, Yu.A. Law: a moment of rest or a proactive impact on social processes / Yu.A. Tikhomirov // *Journal of Russian Law*. – 2020. – № 4. – P. 5–16.
14. Khabrieva, T.Ya. Cyclic normative arrays in law / T.Ya. Khabrieva // *Journal of Russian Law*. – 2019. – № 12. – P. 5–18.
15. Ivanova, S.A. On the idea of additive technologies in building a system of law / S.A. Ivanova, L.Yu. Grudtsyna, M.N. Pyankov // *State and Law*. – 2021. – № 2. – P. 40–48.
16. Malina, M.A. The use of artificial intelligence in the administration of justice in criminal cases: problems and prospects / M.A. Malina // *State and Law*. – 2022. – № 1. – P. 91–97.
17. Myshko, Yu.A. Ways to Improve Law Forms in the Context of Digital Management Transformation / Yu.A. Myshko, A.A. Bochkov, P.V. Gurschenkov. – DOI 10.1007/978-3-030-94873-3_10 // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2022. – Vol. 397. – P. 74–80.
18. Sidorenko, E.L. Big Data Regulation: The Main Risks and Ways to Neutralize them / E.L. Sidorenko, Z.I. Khisamova. – DOI 10.1007/978-3-030-94873-3_29 // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2022. – Vol. 397. – P. 239–247.
19. Scholte, I. Global Capitalism and the State / I. Scholte // *International Affairs*. – 1997. – № 73(3). – P. 427–452.
20. Savenkov, A.N. The global crisis of modernity as a subject of philosophy of law / A.N. Savenkov // *State and Law*. – 2022. – № 2. – P. 103–117.
21. Kahn, P.W. The Cultural Study of Law: Reconstructing Legal Scholarship / P.W. Kahn. – Chicago: University of Chicago Press, 2000. – 180 p.
22. Ivashkevich, E.F. Potential Realization of Lawful Behavior as Condition for Building a Digital State / E.F. Ivashkevich, G.Sh. Bochkova, R.V. Shagieva. – DOI 10.1007/978-3-030-94873-3_20 // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2022. – Vol. 397. – P. 163–169.

Поступила в редакцию 08.09.2022

Public Chambers (Councils) in Municipalities in Russia as a Subject of Public Control

Goncharov V.V.

Federal State Budgetary Education Establishment of Higher Education
"Kuban State I.T. Trubilin Agrarian University"

This article is concerned with the study of the most numerous type of subjects of public control in the Russian Federation – public chambers and councils in municipalities.

The purpose of the research is to analyze modern problems associated with the participation of public chambers (councils) in municipalities in the organization and implementation of public control measures, as well as the development of a system of measures to resolve them in order to optimize the formation and functioning of this institution of civil society at the municipal level.

Material and methods. *The material for studying the topic was the legislative and doctrinal aspect of the study of the problem, including normative legal acts, concepts of the authors, sociological surveys. The research methods were the dialectical and materialistic, the comparative, the method of system analysis. The following research methods were used the comparative legal, the formal logical and the historical legal.*

Findings and their discussion. *The object of research in the article is public relations arising in connection with the participation of public chambers (councils) in the organization and implementation of public control measures, and the subject of the research is the regulatory and legal framework for the formation and functioning of public control in the Russian Federation at the municipal level, educational and scientific literature in the field of legal doctrine of public control, materials of judicial practice in the field of organization and implementation of public control.*

Conclusion. *The author identified the main problems associated with the participation of public chambers (councils) in municipalities in the mechanism of organizing and implementing public control at the local government level, and also developed a system of measures to resolve them (both in terms of optimizing the current legislation on public control, and in terms of creating the necessary conditions for its implementation at the municipal level).*

Key words: public chamber, public council, municipal formation, public control, democracy, constitutional principles, object, subject, constitution, Russian Federation.

Общественные палаты (советы) в муниципальных образованиях в России как субъект общественного контроля

Гончаров В.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

Данная статья посвящена исследованию наиболее многочисленной разновидности субъектов общественного контроля в Российской Федерации – общественных палат и советов в муниципальных образованиях.

Цель исследования состоит в анализе современных проблем, связанных с участием общественных палат (советов) в муниципальных образованиях в организации и осуществлении мероприятий общественного контроля, а также разработке системы мероприятий по их разрешению в целях оптимизации формирования и функционирования данного института гражданского общества на муниципальном уровне.

Материал и методы. *Материалом для изучения темы послужили законодательный и доктринальный аспекты исследования проблемы, включающие нормативные правовые акты, концепции авторов, проведенные социологические опросы. Методами исследования выступили диалектико-материалистический метод, методы компаративистики, толкования норм права, системного анализа, сравнительно-правовой, формально-логический, историко-правовой и другие.*

Результаты и их обсуждение. *В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с участием общественных палат (советов) в организации и проведении мероприятий общественного контроля, а предметом исследования – нормативно-правовая база формирования и функционирования общественного контроля в Российской Федерации на муниципальном уровне, учебная и научная литература в области правовой доктрины общественного контроля, материалы судебной практики в области организации и осуществления общественного контроля.*

Заключение. *Автор выявил основные проблемы, связанные с участием общественных палат (советов) в муниципальных образованиях в механизме организации и осуществления общественного контроля на уровне местного самоуправления, а также разработал систему мероприятий по их разрешению (как в части оптимизации действующего законодательства об общественном контроле, так и в плане создания необходимых условий для его реализации на уровне муниципальных образований).*

Ключевые слова: общественная палата, общественный совет, муниципальное образование, общественный контроль, народовластие, конституционные принципы, объект, субъект, Конституция, Российская Федерация.

The legal foundations of the organization and functioning of the institution of public control in the Russian Federation are widely studied in the works of Grib (2014; 2016), Filippov (2017), Dernova (2015), Moros (Moros & Goncharov, 2020), Sakhbieva (Sakhbieva et al., 2021) and a number of other authors. These works make it possible to analyze the system of objects of public control, to study the problems and prospects of their development. At the same time, research devoted to the problems and prospects of the formation and functioning of this institution of civil society at the municipal level has recently acquired an important role. Articles by Mikheeva (2018), Maslov (Mikheeva & Maslov, 2016), Belousov (Mikheeva & Belousov, 2015), Vavilov (2015), Zhadobina (2020), Roslyakov (2017) and many other scientists actively investigate the mechanism of participation of subjects of public control. at the level of local self-government, and, above all, their permanent varieties – public chambers and public councils. However, in these works, the emphasis is mainly on the analysis of the powers of these subjects of public control, their interaction with local governments. At the same time, the share of complex resarches in which an attempt is made to analyze the genesis of modern problems that hinder the development of the institution of public control at the municipal level, increase the role and place of public chambers and public councils in municipalities in the system of public control in the Russian Federation, develop and substantiate a system of measures to optimize the legal regulation of the organization and activities of this type of subjects of public control, it seems insignificant. In this regard, the main purpose of this research is the analysis of modern problems associated with the participation of public chambers (councils) in municipalities in the organization and implementation of public control measures, as well as the development of a system of measures to resolve them in order to optimize the formation and functioning of this institution of civil society at the municipal level.

The purpose of the research is to analyze modern problems associated with the participation of public chambers (councils) in municipalities in the organization and implementation of public control measures, as well as the development of a system of measures to resolve them in order to optimize the formation and functioning of this institution of civil society at the municipal level.

Material and methods. The material for studying the topic was the legislative and doctrinal aspect of the study of the problem, including normative

legal acts, concepts of the authors, conducted sociological surveys. The article uses a number of research methods: comparative-legal; formal-logical; historical-legal and others.

Findings and their discussion. The Russian Federation has enshrined in its 1993 Constitution the provision that it is a democratic federal rule of law with a republican form of government. (Constitution, 1993) In this regard, the cornerstone of the Basic Law is the constitutional principles of democracy and the participation of citizens of the Russian Federation in the management of state affairs. According to these legal principles, the multinational people of Russia have the right to exercise their power both through direct forms of democracy and through indirect democracy. At the same time, the Basic Law of the Russian Federation classifies the institutions of referendums and free elections as direct forms of democracy (according to Article 2). However, in the chapter “Local self-government”, a reservation is made that other forms of direct democracy are also consolidated in Russia at the level of municipalities. Indirect democracy is directly related to the functioning of the system of public authorities in the Russian Federation (federal and regional state authorities, as well as local government bodies), which are either directly elected by the people (State Duma of the Federal Assembly and the President of the Russian Federation at the federal level, legislative (representative) government bodies and heads of executive power (heads of regions) of constituent entities of the Russian Federation at the regional level, as well as heads of municipalities and deputies of municipal representative bodies of power – at the level of municipalities).

Indirect democracy assumes that the people, by electing public authorities (their officials), delegate their powers to them in order to organize the preservation and development of Russian society and the state in the most optimal way. However, any delegated authority needs a complex system of control on the part of the person to whom it belongs. The people act as the main (basic) bearer of sovereignty in the Russian Federation, which cannot be challenged by anyone, limited (both domestically and internationally). In addition, according to the Russian Constitution, the people are enshrined as the only source of power. In order to avoid the illegal seizure of powers delegated by the people, or the usurpation of power in the hands of any public authority, as well as its officials, the Constitution of the Russian Federation and the current legislation enshrines a complex system

of legal guarantees of the constitutional principles of democracy and the participation of citizens in the management of state affairs. These legal guarantees also ensure the implementation, protection, protection, and restoration (in case of violation) of the entire system of rights, freedoms and legitimate interests of a person and citizen in Russia. The system of such legal guarantees also includes special bodies of constitutional control (including the Constitutional Court of the Russian Federation, the President of Russia as the guarantor of the Constitution of the Russian Federation, the bodies of the prosecutor's office of Russia, the system of courts of general jurisdiction, the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, etc.), and a complex mechanism of checks and balances that permeates the entire system of government and local governments. However, a key place in the system of these legal guarantees is occupied by civil society institutions, whose activities are aimed at monitoring the activities of the system of public authorities, and ensuring the implementation, protection and protection of the rights, freedoms and legitimate interests of a person and a citizen in Russia. The most important place among these civil society institutions is occupied by the institution of public control, under which the current legislation, in particular, Federal Law of 21.07.2014 № 212-FL "On the Foundations of Public Control in the Russian Federation" understands the activities of subjects of public control, consisting in control over activities bodies of state power and bodies of local self-government, state and municipal organizations, bodies and organizations that exercise certain public powers. (On, 2014)

The organizational core of the mechanism of public control in the Russian Federation is the subjects of public control. The above-mentioned Federal Law contains an open list of subjects of public control, referring to them in Article 9 the main and optional subjects.

Among the main subjects of public control in the Russian Federation are: 1) the Public Chamber of the Russian Federation; 2) public chambers of the constituent entities of the Russian Federation; 3) public chambers (councils) of municipalities; 4) public councils under federal executive bodies, public councils under legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation. (On, 2014)

In addition, on the basis of Part 2 of Article 9 of the above-mentioned Federal Law, for the exercise of public control in cases and in the procedure provided

for by the legislation of the Russian Federation, the following may be created: 1) public supervisory commissions; 2) public inspections; 3) public control groups; 4) other organizational structures of public control. (On, 2014)

It seems that in the Russian Federation, which stretches geographically over vast distances, the organization and implementation of public control at the municipal level is of key importance.

This circumstance is due to a number of reasons:

Firstly, in the Russian Federation, in accordance with the Federal Law of 06.10.2003 № 131-FL "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation", an extremely complex and cumbersome multi-level system of municipal entities, which includes municipal districts, is currently established. municipal districts, urban districts (without intracity division, with intracity division), intracity municipal entities (intracity territories of federal cities and intracity areas of an urban district with intracity division), rural settlements, urban settlements, which are reduced to 2 levels, totaling in total more than 20,300 municipal entities throughout the country. (On, 2003) And this colossal system of local self-government bodies needs constant and vigilant monitoring by civil society.

Secondly, it is at the level of municipal entities that the greatest number of contacts of citizens of the Russian Federation with the system of public power in the country takes place. For example, in the modern era of the COVID-19 pandemic, every citizen of the Russian Federation, being vaccinated against coronavirus infection, starts an office on the website of public services of the Russian Federation, receiving a QR code in multifunctional centers that are organized and coordinated by local authorities in each municipal entities.

Thirdly, at the level of municipal entities, a huge number of municipal employees work, forming the personnel basis of local self-government bodies, most of whom are directly involved in the mechanism of realization, protection and protection of human rights, freedoms and legitimate interests of a person and citizen in the Russian Federation at the municipal level.

Fourthly, local self-government bodies are often located in hard-to-reach regions of the Russian Federation, which makes it difficult to coordinate and exercise state control over them, which is fraught with an increase in the corruption component in the activities of local self-government bodies.

In this regard, it is the institution of public control at the municipal level that makes it possible

to practically in real time monitor the activities of local self-government bodies in terms of compliance by the latter with the current legislation of the Russian Federation, compliance, protection, protection and restoration in case of violation of human rights, freedoms and legitimate interests and citizen in Russia.

The most important place in the mechanism of organization and activity of the institution of public control at the municipal level is occupied by the subjects of public control, the key ones of which are public councils and public chambers in municipal entities.

Why do they occupy such an important place in the system of subjects of public control in Russia at the level of municipal entities?

Firstly, they belong to the main subjects of public control in accordance with the previously mentioned Article 9 of Federal Law of 21.07.2014 № 212-FL. And, consequently, the need for their creation is envisaged in most constituent entities of the Russian Federation at the level of regional legislation, as well as decisions of representative bodies of local self-government.

Secondly, in the event that their creation and activities are provided for by regional legislation and regulatory legal acts of local self-government bodies, then in the municipal budgets (and in some cases – in regional budgets), certain amounts are provided for financing their activities, which makes it possible, on the one hand, they function in a permanent mode, and on the other hand, they rent, use certain premises, organizational and computer equipment, consumables, etc. This greatly facilitates the tasks of organizing and conducting public control measures by public chambers (councils) in municipal entities.

Thirdly, public chambers (councils) in municipalities, functioning in a permanent mode, can provide constant support and assistance to other subjects of public control referred to in Article 9 of the above-mentioned Federal Law of 21.07.2014 № 212-FL, coordinating their activities, which increases the efficiency and effectiveness of the organization and implementation of public control at the municipal level.

Fourthly, the activities of public chambers (councils) in municipal entities are actively sanctified in the mass media, which makes it possible to actively involve the broad masses of the population in their activities, who report cases of violations of the current legislation, as well as the rights, freedoms and legitimate interests of a person and citizen by public authorities, as well as their officials.

However, the organization and activity of public chambers (councils) in municipal entities are associated with numerous problems of an objective and subjective nature, among the main ones are the following:

Firstly, the failure to enshrine in the Constitution of the Russian Federation the institution of public control as a form of direct democracy (including at the municipal level), as well as a legal guarantee for the implementation of the constitutional principles of democracy and participation of citizens of the Russian Federation in the management of state affairs, significantly reduces the level of importance of this institution of civil society both in the eyes of public authorities (their officials) and in the eyes of ordinary citizens of the country. Although in the regulatory legal acts of a number of municipal entities (for example, the city of Krasnodar), the institution of public control is presented as a form of direct democracy exercised at the municipal level. (About, 2010) At the same time, these municipal normative legal acts as a legal basis for this point of view indicate the provisions of Article 33 of the Federal Law of 06.10.2003 № 131-FL, according to which the list of forms of direct implementation by the population of local self-government and forms of participation of the population in the implementation of local self-government is open (provided that they do not contradict the Constitution of the Russian Federation, federal legislation and the legislation of the respective constituent entities of the Russian Federation). (On, 2003)

Secondly, regional charters and constitutions not in all constituent entities of the Russian Federation establish the legal basis for the organization and implementation of public control at the level of municipalities, as well as the role and place of public chambers (councils) in municipal entities in the implementation of public control measures. At the same time, there is no common understanding regarding the importance of the activities of this type of subjects of public control for the development, on the one hand, of the system of public control in the region, and on the other hand, of the institutions of civil society as a whole.

Thirdly, not all municipal entities have adopted the relevant municipal regulations on public control in the municipal formation, as well as the creation and operation of public chambers (councils) of the municipal formation. This is largely due to the beggarly subsidized nature of local budgets in the Russian Federation in most municipal entities, which do not have the financial capacity to finance

the organization and activities of public chambers (councils) in municipal entities.

Fourthly, in a number of municipal entities there are no public chambers (councils), which makes it practically impossible to exercise public control at the municipal level (especially when it comes to municipalities remote from the regional center in the constituent entities of the Russian Federation, located on a large territory).

Fifthly, an analysis of municipal regulations on the organization and activities of public chambers (councils) in municipal entities shows that in most cases they only duplicate the relevant provisions from federal and regional laws on public control and public chambers of the corresponding level.

Sixthly, at the federal and regional levels there is no clear mechanism for assessing the efficiency and effectiveness of public chambers (councils) in municipal entities, although they are created and operate on financial resources allocated from municipal (and in some cases, regional) budgets. This does not allow identifying the most effective forms, methods, measures of public control carried out at the municipal level in order to spread them to all municipal entities in the country [1–24].

Conclusion. In order to solve these problems, as well as to optimize the processes of organization and activity of public chambers (councils) in municipal entities, it seems necessary to organize and implement the following activities.

Firstly, the institution of public control should be enshrined in the Constitution of the Russian Federation, as well as the legal basis for its activities and interaction with public authorities (especially at the municipal level) should be laid in it.

Secondly, it is necessary to include in all regional charters and constitutions provisions on the organization and implementation of public control at the municipal level, as well as the place and role in this mechanism of public chambers (councils) in municipal entities.

Thirdly, it is necessary to create public chambers (councils) in all municipalities of the Russian Federation, providing for their organization and activities appropriate budgetary funding from the federal budget.

Fourthly, an analysis of the effectiveness and efficiency of the activities of public chambers (councils) in municipal entities should be carried out at the federal and regional levels in order to identify the most effective forms, methods and measures of public control at the municipal level, especially those carried out by public chambers (councils) in municipal entities.

Fifthly, it is necessary to develop and adopt at the federal level a model regulation “On the Public Chamber (Council) in a municipal entity”, which will increase the level of organization and activity of public control at the level of municipal entities, as well as the effectiveness of the work of public chambers (councils) in municipal entities in the Russian Federation.

Sixthly, it is necessary to introduce into the educational standards of higher professional education in the Russian Federation, as well as the corresponding other normative legal acts, additions dedicated to the inclusion of a new direction of training in undergraduate and graduate programs, within the framework of which future employees of public chambers (councils) will be trained in municipal entities.

References

1. About the Public Chamber of the municipal formation of the city of Krasnodar [Electronic resource]: Resolution of the administration of the municipal formation of the city of Krasnodar dated 18.08.2010 № 6214. – Mode of access: <https://docs.cntd.ru/document/446219111>. – Date of access: 16.05.2022.
2. Constitution of the Russian Federation. – M.: Legal Literature, 1993. – 40 p.
3. Dernovaya, A.O. Issues of public control in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs / A.O. Dernovaya // Legal Policy and Legal Life. – 2015. – № 1. – P. 128–136.
4. Filippova, N.A. Public councils as a new model of representation of indigenous minorities in the system of public-power relations / N.A. Filippova // Legal Policy and Legal Life. – 2017. – № 3. – P. 113–118.
5. Development of state ideology as a basis for improving the executive power [Electronic resource] / V. Goncharov [et al.] // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 258. – Mode of access: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125805031>. – Date of access: 16.05.2022.
6. Prohibition of abuse of rights in agribusiness [Electronic resource] / V. Goncharov [et al.] // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 258. – Mode of access: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125805033>. – Date of access: 16.05.2022.
7. Problems of choosing the optimal system of executive power in the Russian [Electronic resource] / V. Goncharov [et al.] // E3S Web of Conferences. – 2021. – Vol. 258. – Mode of access: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125805032>. – Date of access: 16.05.2022.
8. On the Importance of Philosophical Principles to the Social Concept of Global Constitutionalism [Electronic resource] / V. Goncharov [et al.] // Wisdom. – 2020. – № 16(3). – P. 78. – Mode of access: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v16i3.332>. – Date of access: 16.05.2022.
9. The Place of a Person in the Ontological Principles of Global Constitutionalism [Electronic resource] / V. Goncharov [et al.] // Wisdom. – 2020. – № 15(2). – Mode of access: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v15i2.333>. – Date of access: 16.05.2022.
10. Grib, V.V. Normative consolidation and scientific vision of the system of objects of public control / V.V. Grib // Legal Education and Science. – 2016. – № 3. – P. 154–160.

-
11. Grib, V.V. Actual problems of formation of the legal foundations of public control / V.V. Grib // *Constitutional and Municipal Law*. – 2014. – № 12 – P. 32–37.
12. Mikheeva, T.N. On the role of public councils of municipalities in the implementation of public control / T.N. Mikheeva, E.V. Maslov // *Mari Legal Bulletin*. – 2016. – № 2(17). – P. 18–21.
13. Mikheeva, T.N. Implementation of public control in municipalities: problems of the subject composition / T.N. Mikheeva // *Bulletin of Tver State University. Series: Law*. – 2018. – № 3. – P. 101–113.
14. Mikheeva, T.N. Public control at the municipal level: analysis of new legislation / T.N. Mikheeva, E.I. Belousov // *Actual Problems of Economics and Law*. – 2015. – № 2. – P. 177–182.
15. Moros, E. Modern Dangers in the Development of the Russian Education System and Ways to Overcome Them: Socio-Philosophical Analysis [Electronic resource] / E. Moros, V. Goncharov // *Wisdom*. – 2020. – № 15(2). – Mode of access: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v15i2.354>. – Date of access: 16.05.2022.
16. On the Basics of Public Control in the Russian Federation: Federal Law № 212-FL of 21.07.2014 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2014. – № 30, part 1. – Art. 4213.
17. On the General principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation: Federal Law № 131-FL of 06.10.2003 // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2003. – № 40. – Art. 3822.
18. Roslyakova, M.V. Participation of public councils of municipalities in the implementation of national policy / M.V. Roslyakova // *Politics and Society*. – 2017. – № 10. – P. 88–104.
19. Some global economic realities and environmental impact in the context of the pandemic: causes and trends / A. Sakhibieva [et al.] // *E3S Web of Conferences*. – 2021. – Vol. 258. – Mode of access: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125806054>. – Date of access: 16.05.2022.
20. Vavilov, N.S. The subject composition of civil society at the local level / N.S. Vavilov // *The World of Legal Science*. – 2015. – № 11. – P. 41–47.
21. Zaleśny, J. View of the social concept of global constitutionalism on the legal system [Electronic resource] / J. Zaleśny, V. Goncharov // *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. – 2020. – № 23(2). – Mode of access: <https://doi.org/10.14742/ajet.1152>. – Date of access: 16.05.2022.
22. Zaleśny, J. Correlation Of Legal Regulation And Political Violence In The Social Concept Of Global Constitutionalism [Electronic resource] / J. Zaleśny, V.V. Goncharov // *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. – 2020. – № 23(6). – Mode of access: <http://www.alliedacademies.org/public/Journals/JournalDetails.aspx?jid=14>. – Date of access: 16.05.2022.
23. Zaleśny, J. Model Of The Evolution Of Social Development In The Philosophy Of Global Constitutionalism [Electronic resource] / J. Zaleśny, V.V. Goncharov, M. Savchenko // *Wisdom*. – 2019. – № 13(2). – Mode of access: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v13i2.277>. – Date of access: 16.05.2022.
24. Zhadobina, N.N. Public councils under the financial bodies of state power and local self-government as a form of citizens' participation in the financial activities of the state and municipalities / N.N. Zhadobina // *Eurasian Legal Journal*. – 2020. – № 9(148). – P. 197–199.
- Поступила в редакцию 25.05.2022*
-
-

Цели и задачи надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде: теоретические аспекты

Молчанов К.А.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет "МИТСО"», Витебский филиал

Важнейшими способами защиты трудовых прав и свобод работников, обеспечения правопорядка в сфере труда являются надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде. Для того, чтобы уполномоченные государственные органы и общественные организации эффективно осуществляли надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде, перед ними необходимо поставить цели и задачи.

Цель статьи – выделение целей и задач надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде.

Материал и методы. Материалом исследования послужили законодательство Республики Беларусь, в том числе Трудовой кодекс Республики Беларусь, международное и зарубежное трудовое законодательство, специальная научная литература. Используются следующие методы изучения: диалектический, логический, аналитико-критический, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Результатом деятельности органов надзора и контроля в рассматриваемой сфере должны быть законность и правопорядок, вытекающие из исполнения требований законодательства в отношениях между работниками и нанимателями, защищенность носителей прав (работников) от нарушений со стороны нанимателей. Это и есть цель, к которой необходимо стремиться, реализуя полномочия надзорных и контрольных органов.

Приоритетной задачей надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде будет являться осуществление уполномоченными на то юрисдикционными органами охраны, т.е. предупреждения нарушений трудовых прав и законных интересов работников, а также защиты – восстановления их нарушенных трудовых прав и обеспечения законных интересов способами, имеющимися в их распоряжении.

Заключение. Предложены авторские формулировки цели и основных задач надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, которые могут быть приняты во внимание в процессе дальнейшего совершенствования законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: трудовое право, надзор и контроль, цели и задачи надзора и контроля, надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде.

Goals and Objectives of Supervision and Control over Labor Legislation Compliance: Theoretical Aspects

Molchanov K.A.

Education Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus
International University "MITSO", Vitebsk Branch

The most important ways to protect the labor rights and freedoms of workers, to ensure law and order in the labor sphere is supervision and control over compliance with labor laws. In order for the authorized state bodies and public organizations to effectively supervise and control compliance with labor legislation, it is necessary to set goals and objectives for them.

The purpose of the article is to highlight the goals and objectives of supervision and control over compliance with labor legislation.

Material and methods. The research material was the legislation of the Republic of Belarus, including the Labor Code of the Republic of Belarus, international and foreign labor legislation, special scientific literature. The following methods of study were used: dialectical, logical, analytical-critical, formal-legal.

Findings and their discussion. The result of the activities of the supervisory and control bodies in the area under consideration should be the state of law and order arising from the fulfillment of the requirements of the law in relations between employees and employers, the protection of rights holders (employees) from violations by employers. This is the goal to which it is necessary to strive, realizing the powers of supervisory and control bodies.

The priority task of supervision and control over compliance with labor legislation will be the implementation by authorized jurisdictional bodies of protection, i.e. prevention of violations of labor rights and legitimate interests of employees, as well as protection – restoration of their violated labor rights and ensuring legitimate interests by means at their disposal.

Conclusion. The author's formulations of the goal and main tasks of supervision and control over compliance with labor legislation are proposed, which can be taken into account in the process of further improvement of the legislation of the Republic of Belarus.

Key words: labor law, supervision and control, goals and objectives of supervision and control, supervision and control over compliance with labor legislation.

Важнейшими способами защиты трудовых прав и свобод работников, обеспечения правопорядка в сфере труда являются надзор и контроль

за соблюдением законодательства о труде. Для того чтобы уполномоченные государственные органы и общественные организации эффективно

осуществляли надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде, перед ними необходимо поставить цели и задачи.

Цель статьи – выделение целей и задач надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде.

Материал и методы. Материалом исследования послужили законодательство Республики Беларусь, в том числе Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь), международное и зарубежное трудовое законодательство, специальная научная литература. Использованы следующие методы изучения: диалектический, логический, аналитико-критический, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Вначале следует отметить, что как в научной, так и в публицистической литературе не наблюдается четкого разграничения понятий «цель» и «задача», которые часто употребляются в качестве синонимов. Мы предлагаем следовать традиции, которая находит закрепление в научных источниках, где термин «задача» используется для конкретизации цели. Иными словами, реализация поставленных целей предопределяет необходимость решения конкретных задач. По сравнению с целями задачи имеют меньшую масштабность, являются детализацией целей, целями отдельных этапов и (или) направлений деятельности. То есть задачи, с одной стороны, определяются целями, а с другой – являются условиями достижения целей.

Рассмотрим цели и задачи трудового права. При изучении норм трудового законодательства можно увидеть, что в какой-либо конкретной статье ТК Республики Беларусь или иных нормативных правовых актах его цели непосредственно не выделяются. В ст. 2 ТК Республики Беларусь сформулированы его основные задачи: 1) регулирование трудовых и связанных с ними отношений; 2) развитие социального партнерства между нанимателями (их объединениями), работниками (их объединениями) и органами государственного управления; 3) установление и защита взаимных прав и обязанностей работников и нанимателей [1]. Защищая взаимные права и обязанности работников и нанимателей, государство реализует присущую ему защитную функцию. Цель определяет конечный результат и эффективность действия всего механизма защиты (реализации этой защитной функции). Она же предопределяет структуру и прочие элементы механизма защиты (его внутренние свойства) для ее достижения.

Поэтому, по нашему мнению, установление целей трудового права и закрепление их в законодательстве является важным.

Обратимся к трудам ученых, определяющих цели трудового права. В.И. Семенов трактовал цели трудового права следующим образом: «Стратегическая линия реформы трудового законодательства, проводимой в Беларуси, заключается в том, чтобы максимально содействовать росту производства и его качеству, способствовать правовому обеспечению развития экономики и осуществлению гарантий прав человека в сфере труда» [2, с. 5]. А.М. Лушников и М.В. Лушникова, а также С.А. Иванов и Р.З. Лившиц видят социальное назначение трудового права как его суть или стратегическую цель [3, с. 16–17; 4, с. 53]. Тем самым среди целей трудового права выделяются цели, связанные с трудовыми правами человека.

Полагаем, что достижение целей возможно при помощи разрешения конкретных сформулированных задач. Трудовое право как отрасль права имеет присущие ему задачи, характерные для регулирования трудовых отношений. На это обращает внимание Т.М. Петченко, которая высказывает мнение о том, что задачи отрасли трудового права являются разновидностью социальных задач общества, которые направлены на достижение целей правового регулирования труда и их осуществления [5, с. 186]. Присоединяемся к этому мнению.

«Поскольку трудовое отношение двустороннее, то необходим некоторый компромисс, баланс производственных и социальных интересов. Но этот баланс не сводится к равенству сторон трудового отношения, баланс должен заключаться в преимущественной защите прав работников» [6, с. 51] – такое суждение высказывают М.В. Лушникова и А.М. Лушников в «Очерках теории трудового права». По этому вопросу они соглашаются с мнением Р.З. Лившица, приводимым в его труде «Теория права» [7].

И.Я. Киселев в связи с этим подчеркивает, что трудовое право выполняет жизненно важную для судеб человечества миссию – очеловечивание рынка труда [8, с. 100–101]. Здесь миссия трудового права заключается в его социальной направленности, в необходимой гуманизации трудовых отношений, в том числе в защите трудовых прав – установлении условий труда, режима труда и других характеристик трудовой деятельности в соответствии с социальными потребностями и интересами

работников. При этом также должны учитываться экономические и организационные интересы нанимателя.

Исследователи, по-разному понимая термины «цели» и «задачи» или совсем их не используя, сходятся во мнении, что трудовое право выполняет, вместе с тем, важную социальную миссию – нацеливает право на удовлетворение потребностей людей, направляет право на защиту прав и интересов работников. Чтобы придать трудовому праву большую социальную направленность, разумно эту миссию более четко выразить в его целях и закрепить непосредственно в кодифицированном акте законодательства.

Рассматривая цели и задачи надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, необходимо отметить следующее. Целью института права является достижение всех или части задач отрасли через конкретные инструменты, присущие именно этому институту. При этом, по-видимому, не все задачи трудового законодательства будут актуальны для определения целей надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде. Задачи надзора и контроля, в свою очередь, будут обуславливаться его целью.

Обращаясь к законодательству, мы можем видеть, что в ТК Республики Беларусь и иных нормативных правовых актах, регулирующих отношения по надзору и контролю за соблюдением законодательства о труде, цели надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде непосредственно не закреплены. Однако наличие целей предопределяет общие направления деятельности и является безусловной основополагающей предпосылкой желаемого правового результата.

В статье 462 ТК Республики Беларусь указано, что надзор за соблюдением законодательства о труде осуществляют органы, уполномоченные на осуществление надзора, в порядке, установленном законодательством [1]. Эти органы составляют единый механизм, позволяющий эффективно осуществлять правоохранительную функцию государства. По мнению И.В. Гущина, их назначение – обеспечение соблюдения законодательства о труде [9, с. 448].

Рассмотрим подходы ученых к пониманию целей, а также задач надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде. Н.И. Красовская отмечает, что «целью деятельности органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде является наблюдение

за правильным применением трудового законодательства и устранение препятствий при реализации субъектами трудовых правоотношений, предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей» [10, с. 15].

Принимая общую логику идеи автора, одновременно выскажем мнение о том, что полностью согласиться с такой постановкой цели нельзя. Считаем, что целью любой деятельности не может быть наблюдение. Наблюдение – это процесс, ведущий к какому-либо результату. И поэтому наблюдение может быть только функцией, выполнение которой является задачей и приводит к цели, то есть категорией, тесно связанной с полномочиями, но более широкой и имеющей организующую направленность. Достижение цели становится результатом деятельности органов надзора и контроля. Этот результат представляет собой правовое состояние – состояние защищенности прав участников отношений.

Рассматривая вопросы совершенствования системы трудового права и законодательства, К.Л. Томашевский отмечает, что Республика Беларусь вынуждена учитывать опыт других государств [11, с. 143]. Так, в Российской Федерации вопросы надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде исследовались многими учеными на протяжении длительного времени. Российское трудовое право во многом сходно с трудовым правом Республики Беларусь, так как они оба развиваются на основе советского трудового права. З. Теттенборн, работавшая в комиссии по подготовке Кодекса законов о труде Российской Федерации 1918 года, отмечала: «В задачи инспекции труда входит наблюдение за охраной жизни и здоровья всех трудящихся...» [12, с. 97–98]. Следовательно, З. Теттенборн, не выделяя непосредственно цель надзора и контроля, осуществляемого инспекцией труда, рассматривала в качестве задачи инспекции труда наблюдение за охраной процесса труда. Т.П. Барбашова в результате исследования государственного надзора и контроля за соблюдением трудовых прав работников пришла к выводу, что его цель состоит в защите трудовых прав работников [13, с. 11].

А.А. Сапфинова, считая надзор и контроль формой защитной функции государства, видит их цель в обеспечении законности и правопорядка [14, с. 33]. При этом правовед выделяет две самостоятельные категории – охрану и защиту трудовых прав и законных интересов в рассматриваемой сфере. Она полагает, что их самостоятельность обусловлена разными целями. Целью

охраны является предупреждение нарушений трудовых прав и законных интересов, в то время как цель защиты – восстановление нарушенных трудовых прав, обеспечение законных интересов [14, с. 12]. Такова общая направленность взглядов исследователей по изучаемому вопросу.

Рассматривая задачи надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, признавая приоритет общепризнанных принципов международного права, обратимся к Конвенции Международной организации труда № 81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» (далее – Конвенция), ратифицированной Республикой Беларусь. Статья 3 Конвенции определяет задачи системы инспекции труда через ее основные функции. Так, в задачи системы инспекции труда входят: а) обеспечение применения положений законодательства в области условий труда и безопасности работников в процессе их работы; б) обеспечение работодателей и работников технической информацией и рекомендациями о наиболее эффективных средствах соблюдения законодательных положений; в) доведение до сведения компетентного органа власти фактов нарушений или злоупотреблений, не подпадающих под действие норм права [15]. Необходимо отметить, что в Конвенции под системой инспекции труда понимается не какой-то конкретный орган надзора или контроля, а система идей, методов и осуществляющих их уполномоченных органов в сфере управления трудом, т.е. вся система надзора и контроля.

Если обратиться к зарубежному законодательству, то мы увидим, что аналогичная основная задача инспекции труда сформулирована в части 2 статьи 355 Трудового кодекса Российской Федерации несколько иначе: обеспечение соблюдения и защиты трудовых прав и свобод граждан, включая право на безопасные условия труда [16]. Аналогичный подход прослеживается и в пункте 2 части 2 статьи 192 Трудового кодекса Республики Казахстан [17]. Таким образом, приведенные определения задачи в целом соответствуют формулировке пункта а) статьи 3 Конвенции, но при этом несколько детализируют ее.

Если понимать реализацию права как его внедрение, осуществление в конкретных условиях трудовой деятельности (ситуациях), то это внедрение обязан осуществлять наниматель, устанавливая фактические условия труда, соответствующие требованиям норм законодательства. Государство, осуществляя регулирование отношений в сфере труда, в свою очередь, способ-

ствует этому процессу, установив управомочивающие нормы законодательства, организывает надзор и контроль за действиями сторон трудового правоотношения, привлекает виновных к ответственности за нарушения. Применение права является особым обеспечительным видом реализации прав компетентными органами, т.е. носит производный характер, поскольку обеспечивает реализацию права третьими лицами. Поэтому слово «обеспечение» в пункте а) статьи 3 Конвенции (в рассматриваемой фразе) считаем излишним, дублирующим слово «применение». Рассматривая задачу, изложенную в пункте б) статьи 3 Конвенции, в национальном трудовом праве целесообразно его сформулировать в виде «содействия изучению нанимателями и работниками законодательства о труде и обеспечения рекомендациями об эффективном соблюдении этого законодательства». Приведенная формулировка учитывает, что в соответствии с п. 6 Положения о Национальном центре правовой информации Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г., № 524, именно эта организация осуществляет и обеспечивает распространение (предоставление) правовой информации, информации правоприменительного характера в рамках решения своих основных задач, а не органы надзора и контроля в рассматриваемой сфере [18].

Полагаем, что пункты а) и б) статьи 3 Конвенции целесообразно понимать как задачи надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, с уточнениями, вытекающими из вышеописанных особенностей отечественного законодательства, а пункт в) статьи 3 Конвенции возможно использовать в рассматриваемой редакции.

Задача надзора и контроля, выделяемая пунктом в) статьи 3 Конвенции, тесно связана с важной деятельностью надзорно-контрольных органов по профилактике нарушений законодательства о труде. Обращает на себя внимание тот факт, что ни в рассматриваемой Конвенции, ни в ТК Республики Беларусь задача профилактики правонарушений в рассматриваемой сфере четко не выделена. Также она не отражена в отечественных нормативных правовых актах, определяющих статус и полномочия надзорных и контрольных органов. Вместе с тем необходимость профилактики правонарушений в различных формах при использовании методов правоохранительной деятельности является очевидной. Поэтому считаем необходимым включить профилактику в число задач надзора и контроля за соблюдением законода-

тельства о труде. Имплементация в национальное законодательство норм Конвенции целесообразна в связи с отсутствием в национальном трудовом законодательстве четко сформулированных задач надзора и контроля в рассматриваемой сфере.

Проанализировав акты законодательства, регулирующие отношения по надзору и контролю за соблюдением законодательства о труде, а также труды ученых, приходим к следующим выводам. Результатом деятельности органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде должны быть законность и правопорядок, вытекающие из исполнения требований законодательства в отношениях между работниками и нанимателями, защищенность носителей прав (работников) от нарушений со стороны нанимателей. Это и есть цель, к которой необходимо стремиться, реализуя полномочия надзорных и контрольных органов. Достижение этой цели может прогнозироваться только с определенной долей вероятности наступления тех или иных событий, связанных с реализацией законодательства. Очевидно, что результат реализации права на практике, в виде состояния абсолютной законности и правопорядка, в рассматриваемой сфере, не является полностью достижимым. Смысл выведения этой цели в исследованиях и использования на практике сводится к установлению социально-правового ориентира направления деятельности надзорно-контрольных органов.

Озвученное выше стремление к достижению состояния защищенности трудовых прав и законных интересов работников будем считать не только задачей трудового права, но и основной целью надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде. Иными словами, основной целью контрольно-надзорных органов будет являться надлежащая, в соответствии с моделью, заданной законодательством, реализация трудового правоотношения между работником и нанимателем. Это должна быть свободная реализация трудовых прав и законных интересов работника.

Рассматриваемый институт акцентирует свое внимание на защите прав именно работников неслучайно. Для защиты прав нанимателей в трудовом законодательстве имеются иные эффективные инструменты, которые находятся «в руках» самого нанимателя, в частности, это установление и поддержание внутреннего трудового распорядка, дисциплинарная и материальная ответственность работника, возможность увольнения работника по инициативе нанимателя, а также суды, явля-

ющиеся органами по рассмотрению правовых споров. С учетом фактически подчиненного положения работника по отношению к нанимателю законодатель и ввел институт надзора и контроля в рассматриваемой сфере. Представляется, что этот момент является не просто важным, а решающим, ключевым, предопределяющим сущность надзора и контроля в сфере наемного труда.

Деятельность органов надзора и контроля в сфере труда должна способствовать осуществлению работником своих трудовых прав. Если работник не может осуществить (реализовать) свои права, необходимо выяснить причины этого явления и установить виновных, устранить помехи и принудить обязанных лиц к исполнению их обязанностей, связанных с реализацией прав работника, а также привлечь виновных в нарушении законодательства к ответственности. Исходя из этого, приоритетной задачей надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде будет являться осуществление уполномоченными на то юрисдикционными органами охраны, т.е. предупреждения нарушений трудовых прав и законных интересов работников, а также защиты – восстановления их нарушенных трудовых прав и обеспечения законных интересов способами, имеющимися в их распоряжении. Под законными интересами работников понимаются конкретные социальные блага, которыми работники будут пользоваться в целях удовлетворения своих потребностей, не противоречащих общественным. Они воплощаются в законодательстве, коллективных договорах, соглашениях и локальных правовых актах.

Заключение. В результате исследования выделены цель и задачи надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде. При этом:

- установлена цель надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде – достижение состояния защищенности прав и законных интересов работников в сфере труда;

- выявлена приоритетная задача надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде. Ею является обеспечение защиты и охраны трудовых прав и законных интересов работников. Эта задача находится в непосредственной связи и с иными задачами: обеспечением соблюдения нанимателями законодательства о труде; профилактикой нарушений законодательства о труде; содействием изучению нанимателями и работниками законодательства о труде и обеспечением рекомендациями об эффективном соблюдении этого законодательства; доведением до сведения соответствующих орга-

нов государственной власти фактов нарушений, действий (бездействия) или злоупотреблений, которые не подпадают под действие норм права, выявленных в результате надзора и контроля.

Полагаем, что сформулированные нами выводы, предложения по постановке целей и задач надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде могут быть приняты во внимание для дальнейшего развития законодательства посредством их отражения на уровне кодифицированного или специального закона.

Литература

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г., № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Трудовое право: учебник / В.И. Семенков [и др.]; под. общ. ред. В.И. Семенкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2002. – 672 с.
3. Лушников, А.М. Курс трудового права: учебник: в 2 т. / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2009. – Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. – 2009. – 879 с.
4. Иванов, С.А. Личность в советском трудовом праве / С.А. Иванов, Р.З. Лившиц. – М.: Наука, 1982. – 232 с.
5. Петоченко, Т.М. Функции и принципы трудового права Республики Беларусь: общая характеристика и виды / Т.М. Петоченко // Современные проблемы правоведения: сб. науч. тр. – Минск, 2011. – Вып. 1. – 328 с.
6. Лушникова, М.В. Очерки теории трудового права / М.В. Лушникова, А.М. Лушников. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. – 940 с.
7. Лившиц, Р.З. Теория права: учебник для студ. юрид. вузов / Р.З. Лившиц. – М.: Бек, 1994. – 208, [2] с.
8. Киселев, И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран: междунар. нормы труда: учебник / И.Я. Киселев. – М.: Эксмо, 2005. – 607 с.
9. Трудовое процессуальное право: учебник / И.В. Гуцин [и др.]; под общ. ред. И.В. Гуциной. – Минск: Тесей, 2008. – 468 с.
10. Красовская, Н.И. Надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Н.И. Красовская; НАН Беларуси, Ин-т философии и права – Минск, 1998. – 21 с.
11. Томашевский, К.Л. Очерки трудового права: история, философия, проблемы систем и источников / К.Л. Томашевский; науч. ред. О.С. Курылева. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – 335 с.
12. Теттенборн, З. Советское законодательство о труде: лекции, прочитанные на курсах для инспекторов труда / З. Теттенборн. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 104 с. – (Библиотека советского работника).
13. Барбашова, Т.П. Государственный надзор и контроль за соблюдением трудовых прав работников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Т.П. Барбашова; Акад. труда и соц. отношений. – М., 2008. – 28 с.
14. Сапфинова, А.А. Защита трудовых прав и законных интересов работников органами государственного надзора и контроля: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / А.А. Сапфинова; Акад. труда и соц. отношений. – М., 2009. – 47 с.
15. Об инспекции труда в промышленности и торговле [Электронный ресурс]: Конвенция № 81 Междунар. организации труда: [принята в г. Женеве 11.07.1947 на 30 сессии Генер. конф. Междунар. орг. труда] // ЭТАЛОН. Международные договоры / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
16. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федер. закона от 14.07.2022 г. // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
17. Трудовой кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: 23 нояб. 2015 г., № 414-V: в ред. Закона Респ. Казахстан от 24.05.18 г. № 156-VI // Информационная система «Параграф». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38910832#pos=253;-119. – Дата доступа 23.03.2022.
18. Положение о Национальном центре правовой информации Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 окт. 1998 г., № 524 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Поступила в редакцию 30.09.2022

УДК 37.091.3-057.87:334.012

Игровые методы в обучении предпринимательству молодежи и оценка их эффективности

Богатырёва В.В.¹, Капусто А.В.², Костюкова С.Н.²¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»²Белорусский государственный университет

Статья посвящена оценке эффективности игровых методов обучения предпринимательству среди молодежи.

Цель – разработать методику оценки эффективности игровых методов обучения предпринимательству молодежи и апробировать на примере игры с экономическим содержанием.

Материал и методы. В основу научного исследования положены труды российских и зарубежных ученых, нормативные правовые акты Республики Беларусь. При этом использованы следующие методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, моделирование экономических процессов, статистические методы, опрос.

Результаты и их обсуждение. На примере деловой игры с экономическим содержанием «БИЗНЕСБОЛ» построена и апробирована методика оценки эффективности игровых методов обучения предпринимательству среди молодежи.

Заключение. В результате участия в игротеках с использованием настольной игры «БИЗНЕСБОЛ» учащиеся получают практические навыки по открытию собственного дела, по решению задач текущей предпринимательской деятельности, по поиску новых идей и ресурсов для развития бизнеса и оценки его эффективности. Использование игровых технологий позволит сделать обучение предпринимательству, экономической и финансовой грамотности интересным, динамичным, разнообразным и применимым практически для всех возрастных категорий учащихся как учреждений общего среднего образования, так и высшего.

Ключевые слова: игровые методы, методика, предпринимательство, оценка эффективности, статистические методы, опрос, диагностика.

Game Methods of Teaching in Entrepreneurship Training and Evaluation of their Efficiency

Bogatyreva V.V.¹, Kapusto A.V.², Kostiuikova S.N.²¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"²Belarusian State University

The article is concerned with the evaluation of the effectiveness of game methods in teaching young people entrepreneurship.

The purpose of the work is to develop a methodology for evaluating the effectiveness of game methods for teaching young people entrepreneurship and to test it on the example of a game with economic content.

Material and methods. The scientific research is based on the works of Russian and foreign scientists, normative legal acts of the Republic of Belarus. The following methods were used: cognition, analysis and synthesis, comparative analysis, modeling of economic processes, statistical methods, survey.

Findings and their discussion. On the example of a business game with economic content “BUSINESSBALL”, a methodology for evaluating the effectiveness of game methods for teaching young people entrepreneurship is built and tested.

Conclusion. As a result of participation in game libraries using the board game “BUSINESSBALL”, students will gain practical skills in starting their own business, in solving the problems of current entrepreneurial activity, in finding new ideas and resources for business development and evaluating its effectiveness. The use of gaming technologies will make teaching entrepreneurship, economic and financial literacy interesting, dynamic, diverse and applicable for almost all age categories of students, both general secondary and higher education establishments

Key words: game methods, methodology, entrepreneurship, performance evaluation, statistical methods, survey, diagnostics.

В настоящее время в Республике Беларусь на высшем правительственном уровне поддерживается развитие предпринимательской инициативы. В условиях развития в нашей стране рыночной экономики объективно назрела необходимость в формировании нового слоя общества – «предпринимателей». Вместе с ним формируется и новый тип личности, который принципиально отличается от типа личности, воспитанного в централизованной экономике. Современное общество диктует свои правила, сегодня наиболее конкурентоспособен и успешен тот, кто обладает предприимчивостью и высокими коммуникативными навыками, а поэтому есть необходимость развивать такие качества, как умение быть мобильным в экономической среде, готовность к риску, смене профессии, предприимчивость. Полезная активность подростков, молодежи – главный критерий оценки ее успеваемости.

Самой трудной задачей здесь является сосредоточить внимание на обучении предпринимательству, заменив узкую бизнес-ориентацию на цели развития типа личности предпринимателя в широком смысле, и сформировать предпринимательские навыки личности, способствующие достижению соответствующего уровня «эффективного» предпринимательского поведения.

Большой экономический словарь определяет предпринимателя как физическое лицо, которое самостоятельно и на свой риск осуществляет активную экономическую деятельность [1, с. 760].

Важность и необходимость развития предприимчивости у учащихся отмечается на высшем государственном уровне. Так, директива Президента Республики Беларусь № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» [2] ориентирует на повышение уровня предпринимчивого мышления молодежи, что требует обновленной общеобразовательной подготовки учащихся. Разработана стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года [3].

Существует ряд нормативных документов, отражающих вопрос воспитания деловой культуры,

экономической грамотности учащихся, предприимчивости:

Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016–2020 гг. (утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 82) [4].

Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. (утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 31 декабря 2020 г. № 312) [5].

Таким образом, обучение предпринимательству прочно и повсеместно должно входить в деятельность учреждения образования.

На современном этапе основная доля развития и реализации обучения предпринимательству приходится на систему высшего образования, однако есть необходимость уделять внимание и более ранним этапам образования.

Вместе с тем часто экономические знания сводятся к финансовой грамотности, что не дает учащимся в полной мере осознать сущность товарно-денежных отношений. Обучение экономике в средней школе по-прежнему носит во многом теоретический характер, а вопросы о том, что и для чего следует изучать и каким образом включать ребенка в реальные финансово-экономические отношения, и сегодня находятся в стадии обсуждения. До сих пор остается дискуссионным вопрос о том, с какого возраста ребенок может или должен получать базовые экономические и финансовые знания. И даже если конкретному образовательному учреждению удастся решить этот вопрос положительно, то остается основная проблема школы и учителя – определить подход к преподнесению школьникам экономических знаний, а затем – сделать отбор учебного материала.

Игровые технологии приобретают растущую популярность среди эффективных средств обучения молодежи, находящейся на разных образовательных уровнях. Проблема применения игровой деятельности в образовательном процессе для педагогической теории и практики продолжает оставаться актуальной для ученых и педагогов. Разработкой теории игры, ее методологических основ, выяснением ее социальной природы,

внутренней структуры и значения для развития обучаемого в педагогике занимались такие российские ученые, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.И. Пидкасистый, И.М. Сеченов, Д.Б. Эльконин и др., в зарубежной – О. Декраль, Р. Козь, М. Монтессори и др. Широко распространение игр в обучении было описано И.Я. Гердом, А.У. Зеленко, П.Ф. Лесгафтом, И.С. Массалитиновой, С.Т. Шацким и др. [6].

В России психолого-педагогические и методологические основы создания и применения игр в учебно-воспитательном процессе были предложены Ю.К. Бабанским (познавательные игры), А.А. Вербицким (учебно-деловые игры), Ю.Н. Кулюткиным (педагогические игры), П.И. Пидкасистым (обучающие игры), Г.С. Сухобской (учебно-имитационные игры), И.М. Сыроежкиным (дидактические игры) и др.

Однако, несмотря на значительное количество работ по проблеме использования игр в процессе обучения, их педагогический потенциал еще далеко не исчерпан. Более того, многие ученые отмечают эффективность игровых методов, которые обусловлены такими дидактическими свойствами игры, как:

- двойственность – сочетание условности и реальности в игровой ситуации (подключается воображение, творческое сознание);
- неопределенность исхода – возможность для игрока влиять на ситуацию, т.е. актуализируются возможности игрока – переходит из потенциального состояния в актуальное;
- добровольность – способствует росту внутренней организованности;
- полифункциональность – воспроизведение особенностей различных видов деятельности и расширение возможностей варьирования условий развития личности.

Таким образом, игротека поможет осуществить переход к современным образовательно-воспитательным технологиям и расширить возможности усвоения знаний учащимися и решения ими возникших проблем с помощью игровых методов и технологий на основе личностно ориентированного подхода.

Рассматривая предпринимательство как частный универсальный случай профессионального выбора, требующий определенных социальных компетенций, можно утверждать, что для эффективной работы по формированию основ социальной и профессиональной компетентности учащихся учреждений общего среднего образования необходимы определенные социально-педагогиче-

ские условия, предусматривающие ряд позиций: фокус на развитии личностных качеств учащихся (возможность самопознания, способность к изменению, независимость, надежность, способность принимать решения и брать на себя ответственность, внимание, навыки общения и т.д.).

На современном этапе реализации обучения предпринимательству молодежи основная доля приходится на систему высшего образования, однако есть необходимость уделять внимание и более ранним этапам образования для формирования предприимчивости, используя игровые технологии, в частности настольные экономические игры.

В этой связи важное значение имеет оценка эффективности игровых методов обучения предпринимательству среди молодежи. При этом особое практическое значение приобретает выбор инструментов оценки эффективности.

Цель исследования – разработать методику оценки эффективности игровых методов обучения предпринимательству молодежи и апробировать на примере игры с экономическим содержанием.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих задач: 1) проведение предварительной диагностики базового уровня знаний и навыков в сфере предпринимательства среди молодежи; 2) непосредственное обучение молодежи с использованием настольной экономической игры «БИЗНЕСБОЛ»; 3) обоснование инструментов оценки эффективности игровых методов обучения предпринимательству среди молодежи; 4) послеигровая диагностика приращения знаний молодежи в сфере предпринимательства.

Материал и методы. В основу научного исследования положены труды российских и зарубежных ученых, нормативные правовые акты Республики Беларусь. При этом использованы следующие методы: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, моделирование экономических процессов, статистические методы, опрос.

Результаты и их обсуждение. Содержание игры «БИЗНЕСБОЛ» раскрыто в [7]. Она основана на принципе сюжетного моделирования и является эффективным средством обучения и формирования навыков предприимчивости у молодежи и заключается в следующем: участникам игротеки предлагается представить себя в роли предпринимателей, которым предстоит развивать свой бизнес, покупая землю для размещения своих фирм.

Перед предпринимателями открывается масса возможностей для развития своего бизнеса –

от покупки сети продуктовых магазинов до развития нефтяного бизнеса. На момент начала партии все игроки находятся в равных финансовых условиях, имея равный стартовый капитал. «Предприниматели» покупают землю, строят на ней фирмы, развивают их, образуя крупные сети различной отраслевой направленности, зарабатывают и тратят деньги, договариваются друг с другом о вступлении в альянс, совместных стратегиях развития или о вытеснении конкурентов с рынка. При этом стоимость бизнеса приближена к реальной. Например, стоимость нефтегазового бизнеса превышает ресторанный бизнес в 15 раз. Соответственно, и рентабельность бизнеса разная. Пройдя игровой круг, участники должны заплатить налоги.

Игра может продолжаться до тех пор, пока не останется сильнейший игрок или пока не станет банкротом первый игрок. Также предусмотрена возможность игры на время, при которой через оговоренное заранее число кругов подсчитывается капитализация каждого игрока, благодаря чему определяется победитель. В процессе игры участники выбирают наиболее близкую им стратегию развития своего бизнеса: кто-то сразу приобретает дорогие предприятия, кто-то начинает с фирм подешевле, но много вкладывает в их развитие, увеличивая стоимость своих компаний, а кто-то придерживается золотой середины. От выбранной стратегии бизнеса будет зависеть успех и финансовый результат компании.

В любом случае единственно правильной стратегии не существует: выиграть можно с любыми фирмами в арсенале, ведь в «БИЗНЕСБОЛЕ» важны не столько фирмы, сколько умение просчитывать и предугадывать действия соперников, учитывать, в каких условиях развивается бизнес, навыки ведения переговоров и немного везения.

Положительно следует отметить тот факт, что алгоритм принятия бизнес-решений в ходе игротки, приведенный в [7], максимально приближен к реальным условиям ведения бизнеса и предполагает для каждого участника игротки возможность примерить на себя роль предпринимателя и пройти все этапы ведения бизнеса.

В ходе игротки учащиеся смогут развить свои предпринимательские способности, освоить новые виды деятельности, выработать при этом оптимальный алгоритм достижения поставленной цели, научиться контролировать свою деятельность и самостоятельно строить траекторию своего развития.

Игротека «БИЗНЕСБОЛ» рассчитана на формирование у учащихся адекватных представлений о сути предпринимательской деятельности и деловых процессов, воспитание экономической культуры мышления и этики делового поведения. Она призвана показать, что от стратегии бизнеса зависит его прибыль, и научить оперировать деньгами, соотносить доход с ценой на товар, так как эти знания помогут учащимся войти во взрослую жизнь, кем бы они ни стали, какую бы профессию не получили.

Далее, согласно поставленной цели исследования, представим применение статистических методов обработки данных в разработанной методике оценки эффективности игровых методов обучения. Данная методика предполагает проведение предварительной диагностики базового уровня знаний и навыков в сфере предпринимательства среди молодежи и выполнение после игровой диагностики приращения знаний.

Предварительная диагностика включала анкетирование и обработку результатов опроса, позволяющую оценить базовый уровень знаний как с позиции общей подготовки, так и при детализации направлений исследования, связь между уровнем подготовки в вопросах экономики и психологии, однородность выборочных совокупностей.

Представим развернутое описание выполненных диагностик. На первом этапе предварительной диагностики была проведена оценка базового уровня знаний молодежи посредством проведения предварительного анкетирования. Весь комплекс работ по реализации этого этапа был разбит на три шага: составление анкет и проведение опроса, обработка результатов анкетирования с привлечением методов статистического анализа, подготовка заключения об уровне знаний. Исходя из целей исследования, были разработаны анкеты по двум направлениям опроса: блок № 1 «Психология» и блок № 2 «Экономика».

Согласно содержанию блока № 1, респондентам были заданы вопросы, касающиеся знаний и навыков ведения деловых переговоров, освоения успешных моделей и правил ведения переговоров, управления конфликтами, применения моделей влияния и убеждения как конструктивных приемов в переговорном процессе и др. Блоку № 2 соответствовали вопросы из области знаний основных экономических понятий, таких как инвестиции, активы, конкуренция, доходы, прибыль, рентабельность и др.

На втором шаге первого этапа, применяя методы описательной статистики, была выполнена обработка результатов анкетирования выборки из 100 респондентов (студенты первого курса по различным специальностям). Группировочным признаком для построения статистических рядов наблюдений стало количество верных ответов. При этом было использовано два подхода: количество верных ответов по каждому блоку вопросов внутри специальности; количество верных ответов по всей анкете без деления вопросов на блоки. Предварительная обработка анкет позволила сформировать по два статистических ряда наблюдений для каждой специальности исходя из разделения вопросов по блокам, а также по одному статистическому ряду для каждой специальности при общем подсчете верных ответов по каждой анкете. Для каждого из построенных статистических рядов, с привлечением встроенной процедуры «Анализ данных» MsExcel, была вычислена описательная статистика, использованы графические средства представления данных. В качестве показателей начального уровня знаний были использованы выборочные средние значения и коэффициенты вариации. Сравнение выделенных числовых характеристик было выполнено: 1) по двум блокам вопросов для каждой специальности; 2) по двум блокам вопросов для всей совокупности опрошенных; 3) по полным анкетам для двух специальностей.

Второй этап предполагает непосредственное обучение молодежи с использованием настольной экономической игры «БИЗНЕСБОЛ», правила которой были представлены в [8].

Третий этап исследования направлен на обоснование инструментов оценки эффективности игровых методов обучения предпринимательству среди молодежи. Для этого потребуется провести повторное анкетирование обучающихся. Прежде всего, следует отметить, что планируется использовать анкету, разработанную для проведения предварительной диагностики. Далее планируется повторить построение статистических рядов и вычисление всех числовых характеристик, полученных на первом этапе исследования. Сравнение выборочных средних значений и коэффициентов вариации, выполненное

по трем направлениям (по двум блокам вопросов для каждой специальности; по двум блокам вопросов для всей совокупности опрошенных; по полным анкетам для двух специальностей), позволит оценить только непосредственную картину знаний. Для изучения динамики влияния игровых методов обучения на уровень полученных знаний потребуется вычисление новых показателей, поэтому обоснованным представляется привлечение относительных величин, что позволит установить изменение уровня знаний в процентном выражении.

Послеигровая диагностика включала повторное анкетирование участников игротек и обработку результатов опроса. На основе полученных результатов был выполнен сравнительный анализ числовых характеристик и подтверждена положительная динамика влияния игры на уровень знаний.

Таким образом, разработанная методика позволит оценить эффективность игровых методов обучения предпринимательству среди молодежи и тем самым определить уровень приращения знаний молодежи посредством обучающей экономической игры.

Продемонстрируем апробацию методики оценки эффективности игровых методов обучения.

Анкетирование для выполнения предварительной диагностики было проведено для 100 студентов разных специальностей. Для обработки результаты были разделены на две группы: 60 анкет студентов экономического профиля (группа 1) и 40 анкет студентов технического профиля (группа 2). Для каждой из указанных групп были построены по три статистических ряда наблюдений. В основу построения рядов было положено количество верных ответов: 1) по блоку вопросов «Экономика»; 2) по блоку вопросов «Психология»; 3) по общей совокупности вопросов. В дальнейшем, для сокращения записи используемой терминологии, будем употреблять обозначения: «блок Э» вместо «блок вопросов “Экономика”», «блок П» вместо «блок вопросов “Психология”», «блок С» вместо «общая совокупность вопросов».

Статистические ряды для группы 1 представлены в таблицах 1–3, для группы 2 – в таблицах 4–6 соответственно.

Таблица 1 – Ряд по количеству правильных ответов блока Э

Количество верных ответов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частота	1	0	4	5	5	8	7	7	17	6

Источник: разработка авторов.

Таблица 2 – Ряд по количеству правильных ответов блока П

Количество верных ответов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частота	0	2	8	6	9	8	11	9	4	3

Источник: разработка авторов.

Таблица 3 – Ряд по количеству правильных ответов блока С

Количество верных ответов	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Частота	1	0	1	1	4	1	1	5	7	7	3	4	4	10	4	3	3	1

Источник: разработка авторов

Таблица 4 – Ряд по количеству правильных ответов блока Э

Количество верных ответов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частота	0	0	1	4	4	5	8	6	9	3

Источник: разработка авторов.

Таблица 5 – Ряд по количеству правильных ответов блока П

Количество верных ответов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частота	0	1	2	1	8	9	8	7	3	1

Источник: разработка авторов.

Таблица 6 – Ряд по количеству правильных ответов блока С

Количество верных ответов	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Частота	0	0	0	2	0	1	1	3	2	3	7	5	4	7	3	1	0	1

Источник: разработка авторов.

Таблица 7 – Сводные результаты этапа предварительной диагностики респондентов

Показатель	Группа 1 блок Э	Группа 1 блок П	Группа 1 блок С	Группа 2 блок Э	Группа 2 блок П	Группа 2 блок С
Выборочное среднее	7,067	6,0	13,067	7,10	6,375	13,475
СКО	2,243	2,113	3,838	1,881	1,727	3,058
Коэффициент вариации, %	31,73	35,22	29,37	26,50	27,10	22,691

Источник: разработка авторов.

Таблица 8 – Удельный вес правильных ответов по блокам Э и П

Показатель	Блок Э		Блок П	
	Э1	Э2	П1	П2
Группа 1	0,55	0,45	0,54	0,46
Группа 2	0,57	0,43	0,57	0,43

Источник: разработка авторов.

Для предварительной обработки данных была использована встроенная функция «Описательная статистика» процедуры «Анализ данных» приложения Microsoft Excel, что позволило получить для каждого из статистических рядов следующие характеристики: выборочное среднее значение, медиану, моду, дисперсию, среднее квадратичное отклонение (СКО), коэффициент эксцесса и коэффициент асимметрии. Кроме того, для оценки выборочных совокупностей на однородность были вычислены коэффициенты вариации. Сводные результаты этапа предварительной диагностики представлены значениями выборочных средних, СКО и коэффициентов вариации (таблица 7).

Таким образом, в обеих группах среднее значение количества правильных ответов по блоку П ниже, чем по блоку Э: в группе 1 среднее значение количества правильных ответов по блоку Э составило 7,07, по блоку П – 6; в группе 2 среднее значение количества правильных ответов по блоку Э составило 7,1, по блоку П – 6,4. Кроме того, средние значения количества правильных ответов в группе 2 выше по всем трем блокам по сравнению с ответами группы 1 (по блоку Э на 0,07, по блоку П на 0,4, по блоку С на 0,43).

Для оценки степени изменчивости значений количества верных ответов по отношению к их среднему значению будем использовать коэффициент вариации:

$$v = \frac{\sigma}{\bar{x}} \cdot 100\%,$$

где σ – СКО, $\bar{x}$ выборочное среднее. Данный показатель характеризует, на сколько процентов в среднем отклоняются выборочные наблюдения от своего среднего значения. Если коэффициент вариации меньше 10%, то изменчивость вариационного ряда принято считать незначительной (слабая вариация), для диапазона от 10 до 25% – изменчивость средняя (средняя вариация), от 25 до 33% – изменчивость значительная (сильная вариация). Если коэффициент вариации больше 33%, то совокупность принято считать неоднородной по группировочному признаку. При необходимости для обеспечения однородности следует исключить самые большие и самые малые значения наблюдений.

Так как только для ответов по блоку П группы 1 величина коэффициента вариации $35,22\% > 33\%$, то только в данном случае можно указать на неоднородность совокупности. На основании попарного сравнения соответствующих величин коэффициентов вариации можно сделать вывод, что ответы группы 1 менее однородны по сравнению с ответами группы 2. Величины коэффициентов вариации, большие 25%, свидетельствуют о значительной степени рассеивания наблюдаемых значений.

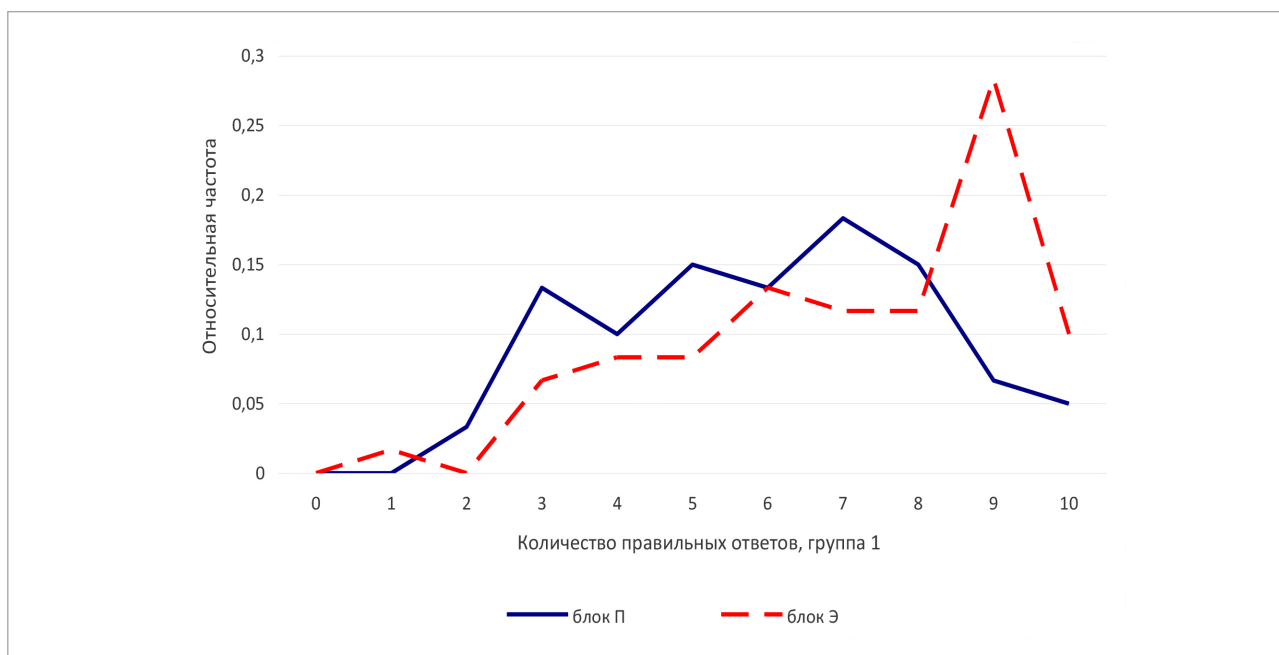

Рисунок 1 – Ряд распределения количества правильных ответов по группе 1 для блоков П и Э по относительным частотам

Источник: разработка авторов.

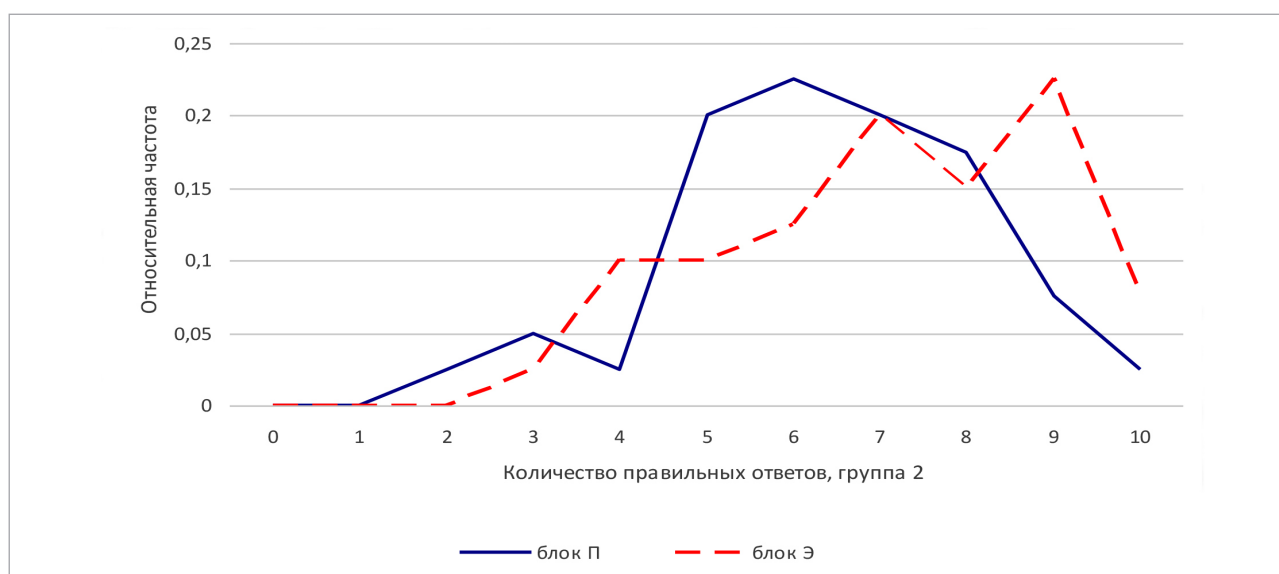

Рисунок 2 – Ряд распределения количества правильных ответов по группе 2 для блоков П и Э по относительным частотам

Источник: разработка авторов.

Для наглядной иллюстрации соотношения правильных ответов по блокам Э и П внутри группы были задействованы графические возможности приложения Microsoft Excel, представленные на рисунках 1 (для группы 1 в относительных частотах) и 2 (для группы 2 в относительных частотах).

Для детализации качественного уровня начальной подготовки участников игротек вопросы по каждому из блоков были разделены на две части. Для блока Э были выделены подгруппы Э1 (вопросы 1, 4, 5, 6, 8, которые можно отнести к знаниям основных экономических понятий в бизнесе) и Э2 (вопросы 2, 3, 7, 9, 10, которые можно отнести к пониманию основ работы конкурентных рынков), для блока П были выделены подгруппы П1 (вопросы 1, 2, 5, 6, 7, которые можно отнести к пониманию способов влияния на человека) и П2 (вопросы 3, 4, 8, 9, 10, которые можно отнести к области конфликтологии). Для каждой из подгрупп был рассчитан удельный вес правильных ответов в соответствующем блоке. Результаты представлены в сводной таблице 8.

Для обеих групп характерны большие удельные веса количества правильных ответов по подгруппам Э1 и П1, что свидетельствует о лучшей ориентации студентов в знаниях основных экономических понятий в бизнесе и понимании способов влияния на человека.

Для оценки уровня согласованности начальной подготовки студентов по экономике и психологии на примере группы 2 были вычислены коэффициент ранговой корреляции Спирмена и коэффициент

ранговой корреляции Кендалла. Предварительным действием для вычисления указанных коэффициентов стало выполнение ранжирования имеющихся совокупностей ответов по двум блокам, которое выявило связанные ранги.

При вычислении коэффициента ранговой корреляции Спирмена была использована формула:

$$\rho = 1 - \frac{\sum_{i=1}^n (r_i - s_i)^2}{\frac{1}{6}(n^3 - n) - (T_r + T_s)},$$

где r_i – ранг i -го объекта по первой переменной, s_i – ранг i -го объекта по второй переменной, n – число пар наблюдений.

$$T_r = \frac{1}{12} \sum_{i=1}^{m_r} (t_r^3 - t_r), \quad T_s = \frac{1}{12} \sum_{i=1}^{m_s} (t_s^3 - t_s),$$

где m_r – число групп неразличимых рангов у первой переменной, m_s – число групп неразличимых рангов у второй переменной, t_r – число рангов, входящих в группу неразличимых рангов первой переменной, t_s – число рангов, входящих в группу неразличимых рангов второй переменной.

При вычислении коэффициента ранговой корреляции Кендалла была использована формула:

$$\tau = \frac{P - Q}{\sqrt{\left(\frac{n(n-1)}{2} - U_1\right) \cdot \left(\frac{n(n-1)}{2} - U_2\right)}},$$

где P – суммарное число наблюдений, следующих за текущими наблюдениями с большим значением

Таблица 9 – Вспомогательные действия по вычислению составляющих компонентов коэффициентов

Номер анкеты	Количество верных ответов по блоку Э	Количество верных ответов по блоку П	Ранг ответов по блоку Э, r_i	Ранг ответов по блоку П, S_i	$(r_i - S_i)^2$	P	Q
1	3	3	1	2,5	2,25	37	1
2	4	2	3,5	1	6,25	38	0
3	4	5	3,5	8,5	25	28	2
4	4	6	3,5	17	182,25	19	8
5	4	7	3,5	25,5	484	11	17
6	5	3	7,5	2,5	25	35	0
7	5	5	7,5	8,5	1	26	1
8	5	7	7,5	25,5	324	11	15
9	5	8	7,5	33	650,25	4	21
10	6	4	10	4	36	20	0
11	6	5	10	8,5	2,25	24	0
12	6	6	10	17	49	16	5
13	6	7	10	25,5	240,25	10	12
14	6	9	10	38	784	1	23
15	7	5	18,5	8,5	100	20	0
16	7	6	18,5	17	2,25	14	4
17	7	6	18,5	17	2,25	14	4
18	7	6	18,5	17	2,25	14	4
19	7	7	18,5	25,5	49	9	8
20	7	7	18,5	25,5	49	9	8
21	7	8	18,5	33	210,25	3	11
22	7	9	18,5	38	380,25	1	16
23	8	5	25,5	8,5	289	13	0
24	8	5	25,5	8,5	289	13	0
25	8	6	25,5	17	72,25	10	2
26	8	6	25,5	17	72,25	10	2
27	8	8	25,5	33	56,25	2	7
28	8	8	25,5	33	56,25	2	7
29	9	5	33	8,5	600,25	9	0
30	9	6	33	17	256	8	1
31	9	7	33	25,5	56,25	5	2
32	9	7	33	25,5	56,25	5	2
33	9	7	33	25,5	56,25	5	2
34	9	8	33	33	0	2	2
35	9	8	33	33	0	2	2
36	9	8	33	33	0	2	2
37	9	9	33	38	25	1	2
38	10	5	39	8,5	930,25	2	0
39	10	6	39	17	484	1	0
40	10	10	39	40	1	0	0
Всего	284	255	–	–	6907	456	193

Источник: разработка авторов.

рангов второй переменной, Q – суммарное число наблюдений, следующих за текущими наблюдениями с меньшим значением рангов второй переменной,

$$U_1 = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^{m_r} t_r(t_r - 1), \quad U_2 = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^{m_s} t_s(t_s - 1).$$

Вспомогательные действия по вычислению составляющих компонентов коэффициентов представлены в таблице 9.

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена:

$$\rho = 1 - \frac{6907}{\frac{1}{6}(40^3 - 40) - (20 + 22,0833)} = 0,3495,$$

коэффициент ранговой корреляции Кендалла:

$$\tau = \frac{456 - 193}{\sqrt{\left(\frac{40(40-1)}{2} - 104\right) \cdot \left(\frac{40(40-1)}{2} - 99\right)}} = 0,4519.$$

При уровне значимости $\alpha = 0,05$ была проверена значимость указанных коэффициентов. Таким образом, подтверждено наличие связи между количеством правильных ответов по двум блокам. Согласно шкале интерпретации коэффициентов корреляции, $\rho = 0,3495$ и $\tau = 0,4519$ соответствуют наличию умеренной связи между правильными ответами по блокам Э и П.

Таблица 10 – Ряд по количеству правильных ответов блока Э

Количество верных ответов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частота	0	0	0	0	3	6	11	16	14	10

Источник: разработка авторов.

Таблица 11 – Ряд по количеству правильных ответов блока П

Количество верных ответов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частота	0	0	0	3	8	10	12	15	9	3

Источник: разработка авторов.

Таблица 12 – Ряд по количеству правильных ответов блока С

Количество верных ответов	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Частота	0	0	0	0	0	0	1	2	3	3	4	8	9	13	8	5	3	1

Источник: разработка авторов.

Таблица 13 – Ряд по количеству правильных ответов блока Э

Количество верных ответов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частота	0	0	0	1	1	3	6	7	13	9

Источник: разработка авторов.

Таблица 14 – Ряд по количеству правильных ответов блока П

Количество верных ответов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Частота	0	0	0	1	4	7	9	10	7	2

Источник: разработка авторов.

Таблица 15 – Ряд по количеству правильных ответов блока С

Количество верных ответов	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Частота	0	0	0	0	0	0	1	1	1	2	3	4	5	7	6	9	4	1

Источник: разработка авторов.

Таблица 16 – Сводные результаты значений выборочных средних, СКО и коэффициентов вариации

Показатель	Группа 1 блок Э	Группа 1 блок П	Группа 1 блок С	Группа 2 блок Э	Группа 2 блок П	Группа 2 блок С
Выборочное среднее	8,033	7,117	15,15	8,30	7,3	15,6
СКО	1,390	1,561	2,421	1,487	1,450	2,557
Коэффициент вариации, %	17,30	21,94	15,98	17,91	19,90	16,39
Отклонение выборочного среднего	0,967	1,117	2,084	1,2	0,975	2,125
Отклонение коэффициента вариации	–14,43	–13,28	–13,72	–8,59	–7,2	–6,3
Относительное приращение выборочного среднего, %	13,71	18,62	15,94	12,68	14,59	15,81

Источник: разработка авторов.

Обработка анкет на этапе послеигровой диагностики также была выполнена по группам 1 и 2. По группе 1 было обработано 60 анкет, по группе 2 – 40 анкет. Статистические ряды для группы 1 представлены в таблицах 10–12 для группы 2 – в таблицах 13–15 соответственно.

Для обработки данных была повторно использована встроенная функция «Описательная статистика» процедуры «Анализ данных» приложения Microsoft Excel. Сводные результаты значений выборочных средних, СКО и коэффициентов вариации, а также отклонения от соответствующих значений, полученных при выполнении диагностики предварительного шага, представлены в таблице 16.

Анализ полученных результатов показывает, что для каждой группы увеличилось среднее количество правильных ответов по каждому из блоков и, соответственно, по всей анкете в целом. Для группы 2 средний балл по блоку Э вырос на 0,967 ответа, по блоку П – на 1,117 ответа и по блоку С – на 2,084 ответа; для группы 2 – на 1,2, 0,975 и 2,125 ответа соответственно. Значения относительных приращений выборочного среднего представлены в последней строке таблицы 16 и показывают, что уже однократное проведение игры позволило получить темп прироста количества верных ответов в пределах от 12,68 до 15,94%. Используя значения коэффициента вариации, можно заметить, что увеличилась однородность групп по всем вариантам группировки. Снижение значения коэффициента

вариации по каждому блоку представлено в соответствующей строке таблицы 16, что показывает усиление однородности групп.

Заключение. Сравнительный анализ результатов предварительной и послеигровой диагностики позволяет сделать вывод о положительной динамике уровня знаний обучающихся: выросло среднее количество верных ответов по исследуемым блокам вопросов и увеличилась однородность выборов.

Таким образом, в результате участия в играх с использованием настольной игры «БИЗ-НЕСБОЛ» учащиеся получают практические навыки по открытию собственного дела, по решению задач текущей предпринимательской деятельности, по поиску новых идей и ресурсов для развития бизнеса и оценки его эффективности. Использование игровых технологий позволит сделать обучение предпринимательству, экономической и финансовой грамотности интересным, динамичным, разнообразным и применимым практически для всех возрастных категорий учащихся как учреждений общего среднего образования, так и высшего.

Литература

1. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азриляна. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.
2. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: директива Президента Респ. Беларусь № 4 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 3. – 1/12259. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>

by/document/?guid=2012&oldDoc=2011-3/2011-3(020-026).pdf&oldDocPage=1. – Дата доступа: 26.02.2020.

3. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь 17 окт. 2018 г. № 743 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2018/october/30884/> – Дата доступа: 08.02.2022.

4. Об утверждении Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]: постановление Министерства образования Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г., № 82 // Национальный образовательный портал. – Режим доступа: <https://adu.by/wp-content/uploads/2015/umodos/koncept-vospit-detej-i-molodioji.doc>. – Дата доступа: 26.02.2022.

5. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]: поста-

новление Министерства образования Республики Беларусь от 31 декабря 2020 г. № 312 // Национальный образовательный портал. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2020/08/proekt-programmy-vospitanie-2021–2025.doc>. – Дата доступа: 26.02.2022.

6. Замяткина, Э.С. О необходимости создания игротек в учреждениях профессионального образования / Э.С. Замяткина // Среднее профессиональное образование. – 2009. – № 10. – С. 41–43.

7. Бейсембаева, А.К. Игровое моделирование как инновационная технология в образовании / А.К. Бейсембаева // Молодой ученый. – 2018. – № 48(234). – С. 273–275.

8. Деловые игры как инструмент развития экономических компетенций молодежи / В.В. Богатырёва [и др.] // Право. Экономика. Психология. – 2021. – № 4. – С. 26–34.

Поступила в редакцию 08.09.2022

Направления развития распределительной логистики по производству обуви в Республике Беларусь

Горячева С.М., Бондаренко Е.М.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет "МИТСО"», Витебский филиал

Легкая промышленность Республики Беларусь играет значительную роль в вопросах импортозамещения и насыщения внутреннего рынка качественной продукцией, обеспечивает безопасность жизнедеятельности граждан. Удельный вес отрасли в структуре производства, обрабатывающей промышленности республики составляет 3,7%, а ее вклад в ВВП страны – порядка 1,2%. Значение производства обуви в Республике Беларусь подтверждается также тем, что в 2020 году была произведена на одного жителя страны почти 1 пара обуви (0,7).

Цель статьи – проанализировать современное состояние производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в Республике Беларусь по ряду статистических показателей, выявить сильные и слабые стороны распределительной логистики обувной промышленности, а также обозначить актуальные направления ее развития.

***Материал и методы.** Материалом для исследования послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, государственная программа, электронные информационные ресурсы. Основные методы: сравнение, анализ и синтез, статистический, графический, анкетирование.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье рассматривается роль легкой промышленности Республики Беларусь в ВВП и вопросах импортозамещения, дается характеристика производства и потребления текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха, проанализированы сильные и слабые стороны распределительной логистики в производстве обуви, представлены результаты анкетирования населения и предложены направления ее дальнейшего развития.*

***Заключение.** Рынок производства обуви играет важную роль и значение в повышении благосостояния населения Республики Беларусь. Распределительная логистика формирует как внешние, так и внутренние каналы сбыта обуви; определяет их уровни, состав участников, ее преимущества и недостатки. Несмотря на то, что обувная промышленность в настоящее время переживает спад, концерн «Беллепром» принимает стратегические меры по трансформации отрасли в условиях цифровизации экономики Республики Беларусь.*

***Ключевые слова:** обувная промышленность, направления, производственная мощность, распределительная логистика, каналы распределения, сильные и слабые стороны, возможности и угрозы, качество и конкурентоспособность, кластер.*

Directions of the Development of Shoe Manufacture Distribution Logistics in the Republic of Belarus

Goryacheva S.M., Bondarenko E.M.

Education Establishment of Belarusian Federation of Trade Unions
International University of "MITSO", Vitebsk Branch

Light industry plays a significant role in the issues of import substitution and saturation of the domestic market with high-quality products, ensures the safety of citizens. The share of the industry in the structure of the manufacturing industry of the Republic is 3,7%. The contribution of light industry to the country's GDP is about 1,2%. In 2020, almost 1 pair of shoes (0,7) was produced per inhabitant of the country.

The purpose of the article is to analyze the current state of production of textiles, clothing, leather and fur products in the Republic of Belarus according to a number of statistical indicators, to identify the strengths and weaknesses of the distribution logistics of the shoe industry, as well as to identify the current directions of its development.

***Materials and methods.** The data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, the state program, electronic information resources were the material for the study. The main methods were comparison, analysis and synthesis, statistical, graphic, questionnaire.*

***Findings and their discussion.** The article examines the role of the light industry of the Republic of Belarus in GDP and import substitution issues, describes the production and consumption of textiles, clothing, leather and fur products, analyzes the strengths and weaknesses of distribution logistics in footwear production, presents the results of a survey of the population and suggests directions for its further development.*

***Conclusion.** The shoe manufacturing market plays an important role and importance in improving the welfare of the population of the Republic of Belarus. Distribution logistics forms both external and internal shoe sales channels; determines their levels; the composition of participants; advantages and disadvantages. Despite the fact that the shoe industry is currently experiencing a decline, Belleprom concern is taking strategic measures to transform the industry in the context of the digitalization of the economy of the Republic of Belarus.*

***Key words:** shoe industry, directions, production capacity, distribution logistics, distribution channels, strengths and weaknesses, opportunities and threats, quality and competitiveness, cluster.*

На современном этапе развития экономики Республики Беларусь важную роль играет не только производство, но и потребление текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. В этой связи возникает необходимость в формировании и развитии товаропроводящих сетей, которые составляют основу распределительной логистики. Важно правильно и эффективно спроектировать как внутренние, так и внешние каналы распределения для доведения готовой продукции до потребителя. В Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы обозначены основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь, связанные с внедрением информационно-коммуникационных и передовых технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества. Цифровая трансформация распределительной логистики нуждается в развитии современных инструментов работы с заказчиками и поставщиками, каналов продвижения продукции и взаимодействия с клиентами [1].

Цель статьи – проанализировать современное состояние производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха в Республике Беларусь по ряду статистических показателей, выявить сильные и слабые стороны распределительной логистики обувной промышленности, а также обозначить актуальные направления ее развития.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили информация белорусского госу-

дарственного концерна по производству и реализации товаров легкой промышленности «Беллегпром», данные Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2017–2020 годы по разделам «Промышленность», «Обрабатывающая промышленность», «Производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха», государственные программные документы, электронные информационные ресурсы. Основные методы: сравнение, анализ и синтез, статистический, графический, анкетирование.

Результаты и их обсуждение. Индустриальный тип экономики Беларуси характеризуется доминированием промышленного сектора (по данным Всемирного банка за 2019 год): удельный вес добавленной стоимости промышленности в ВВП – 21,3%; объем производства превышает 55 млрд долл. США, при этом около 60% продукции экспортируется [2].

Промышленность Беларуси представлена практически всеми отраслями и секторами, для которых характерно разнонаправленное развитие: наиболее развитыми являются нефтехимический комплекс, машиностроение, производство строительных материалов, пищевая и легкая промышленность, пока менее развитыми остаются высокотехнологичные производства конечных продуктов. В состав легкой промышленности Республики Беларусь входит производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. Рассмотрим изменение основных их технико-экономических показателей (таблица 1).

Таблица 1 – Основные технико-экономические показатели производства текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха за 2017–2020 гг.

Показатель	Годы				Темп роста 2020 к 2017 году, %	Темп роста 2020 к 2019 году, %
	2017	2018	2019	2020		
Объем промышленного производства, млн руб.	3683,1	3965,1	3964,5	3989	108,3	100,6
Среднесписочная численность работников, тыс. чел.	86,0	85,2	83,4	76,3	88,7	91,4
Производительность труда работников, млн руб. / тыс. чел.	42,8	46,5	47,5	52,2	121,9	109,9
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, руб.	590,7	666,3	732,5	799,4	135,3	109,1
Прибыль от реализации продукции, товаров, работ, услуг, млн руб.	403,0	334,7	302,5	361	89,6	119,3
Рентабельность продаж, %	13,2	10,0	8,7	10,8	–2,4 п.п.	2,1 п.п.

Источник: [2–3].

Стоит отметить, что показатель объема промышленного производства имеет тенденцию роста несмотря на то, что среднесписочная численность работников с 2017 года снижается. Из данных таблицы 1 видно, что объем промышленного производства в 2020 году незначительно вырос (на 0,6%) по сравнению с 2019 годом и составил 3989 млн руб., по сравнению с 2017 годом прирост составил 8,3%. В 2020 году снизилась среднесписочная численность работников на 8,6% по сравнению с 2019 годом, на 11,3% по сравнению с 2017 годом. В 2019 году по сравнению с 2017 годом также наблюдается превышение темпов роста номинальной начисленной среднемесячной заработной платы над темпами роста производительности труда. И только в 2020 году отмечается правильное соотношение темпов роста производительности труда и номинальной начисленной среднемесячной заработной платы: 109,9 и 109,1% соответственно. Два наиболее важных для деятельности экономических объектов показателя, такие как рентабельность продаж и прибыль от реализации продукции, товаров, работ, услуг, в течение трех лет имели отрицательную динамику и снижение, и только в 2020 году значения были положительными и показывали рост на 2,1 п.п.

Рассмотрим обувную промышленность, которая в настоящее время переживает спад. Так, в 2020 г. объем производства обуви упал на 24,7% по сравнению с прошлым годом, причем данная тенденция сохраняется с 2011 года [2]. Это связано с все возрастающими темпами роста экспорта качественного кожевенного сырья, значительным ростом импорта обуви, а также снижением емкости потребительского рынка и доли расходов, выделяемых на обувь, в общем объеме потребительских расходов домашних хозяйств. Это подтверждается снижением производственной мощности организаций промышленности по выпуску обуви в 2020 году (таблица 2).

По данным таблицы 2 можно сделать вывод, что с каждым годом использование производственных мощностей организаций промышленности Республики Беларусь по выпуску обуви снижается.

Распределительная логистика обувной продукции ориентирована не только на внутренний, но и на внешние рынки сбыта, что обусловлено снижением покупательной способности населения. Внутренний рынок в основном обеспечивается за счет специальной обуви – для военных, строителей, при производстве которой не всегда необходимы кожевенные материалы высокого качества. Основной проблемой в развитии отрасли является отсутствие внутреннего производства комплектующих для обуви. В то же время сельское хозяйство хорошо развито, поэтому недостатка в кожевенном сырье не наблюдается. Переработка, выделка кожи и производство комплектующих для обуви может являться важным драйвером развития индустрии в целом. Качество обуви и конкурентоспособность предприятий обувной промышленности достаточно высокие: около 60% от произведенной обуви экспортируется.

Отрасль легкой промышленности Беларуси включает в себя почти 2 тысячи организаций, на которых трудится более 64 тысяч человек. По уровню потребления белорусами продукция легкой промышленности занимает третье место после продовольственных товаров и расходов на транспорт.

Половину общего объема товаров легкой промышленности Беларуси выпускают предприятия Белорусского государственного концерна по производству и реализации товаров легкой промышленности (концерн «Беллегпром»). В это объединение, созданное в 1992 году, сегодня входят 73 организации, из которых 54 – промышленные. В государственный концерн «Беллегпром» входит всего 18 предприятий обувной промышленности. Крупнейшими игроками отрасли являются: СООО «Белвест», ЗАО «ДФЗ», ОАО «Минский экспериментально-фурнитурный завод», ОАО «Искож», ОАО «ЭКТБ», ИП «Актив Шуз», ОАО «Гродненская обувная фабрика “Неман”», ОАО «Лидская обувная фабрика», МО ОАО «Луч» – управляющая компания холдинга «Обувь-Луч», ОАО «Труд», СЗАО «Отико», СООО «ЧЕВЛЯР», ЗАО «СИБЕЛЬ-ГА», ОАО «Смиловичская валяльно-войлочная

Таблица 2 – Использование производственной мощности организаций промышленности по выпуску обуви, %.

Наименование	Годы				Отклонение, п.п. 2020–2017 гг.	Отклонение, п.п. 2020–2019 гг.
	2017	2018	2019	2020		
Обувь (кроме валяной, резиновой и из полимерных материалов)	61,4	62,9	63,0	52,0	–9,4 п.п.	–11 п.п.

Источник: [4].

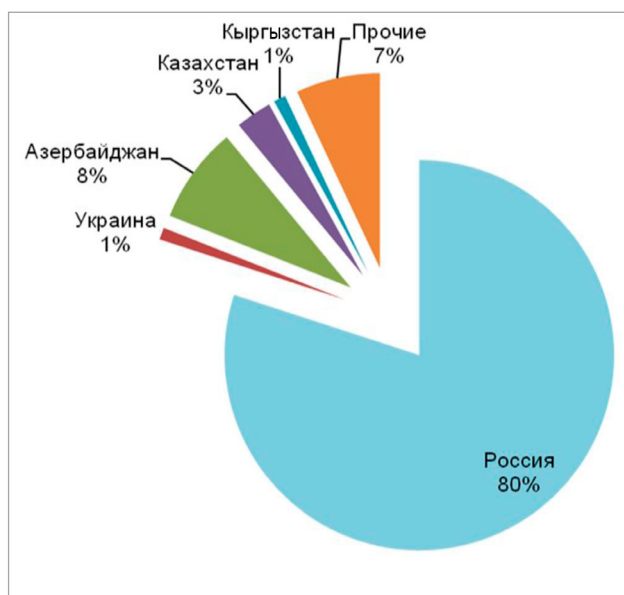

Рисунок 1 – Структура экспорта производства обуви Республики Беларусь в 2019 году, %

Источник: собственная разработка авторов на основании [2].

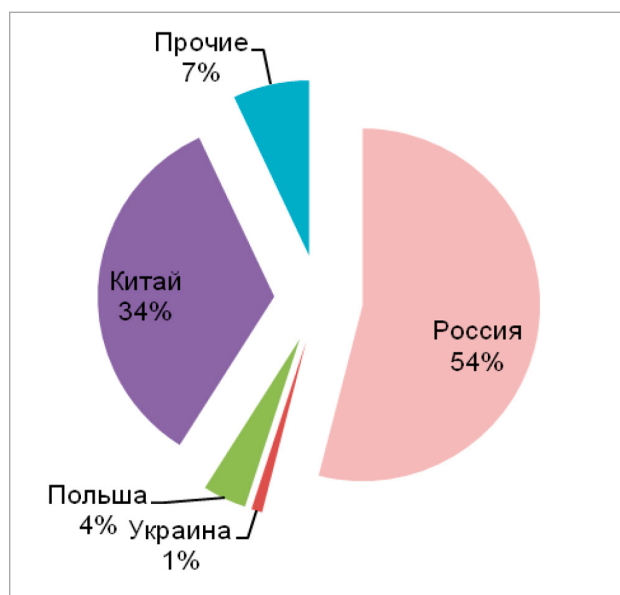

Рисунок 2 – Географическая структура импорта обуви в Республику Беларусь за 2019 год, %

Источник: собственная разработка авторов на основании [2].

фабрика», ОАО «Бобруйский кожевенный комбинат», ОАО «Галантэя», РУП «ГПКО», ОАО «Минское производственное кожевенное объединение» Минский район. Рассмотрим географическую структуру экспорта обувной промышленности Республики Беларусь (рисунок 1).

Исходя из данных рисунка 1, можно констатировать, что наибольший удельный вес приходится на Россию (80%), на втором месте – Азербайджан (8%), на третьем – Казахстан (3%). Кыргызстан и Украина занимают по 1% соответственно, прочие – 7%. Для совершенствования распределительной логистики необходимо выстраивать новые каналы распределения, ориентируясь на Восточное направление, связанное с Китаем, Индией и др.

Конкуренцию отечественной обуви, производимой в Республике Беларусь, составляют в основном Россия и Китай, на долю которых приходится всего 88% всей завозимой в страну обуви. Польша, Украина и прочие занимают незначительный удельный вес (4, 1 и 7% соответственно) (рисунок 2).

Распределительная логистика обувных предприятий Республики Беларусь представлена как прямыми каналами распределения (в основном фирменной торговлей), так и косвенными с участием широкой сети посредников. В качестве посредников выступают дистрибьютеры, логистические центры, оптовые базы и розничная

торговля. Каждый из каналов сбыта имеет свои как преимущества, так и недостатки. Анализ мнений покупателей относительно сильных и слабых сторон распределительной логистики показал, что предприятия обувной промышленности Республики Беларусь имеют достаточно высокий производственный потенциал по используемой технологии, оборудованию и сооружениям, однако не хватает производственных мощностей для расширения производства, а также отсутствуют специалисты по формированию и развитию товаропроводящих сетей (ТПС) в условиях санкционного давления со стороны западных государств (таблица 3).

Полученные в результате проведенного исследования данные подтверждаются результатами опроса покупателей относительно качественной и конкурентоспособной обуви, производимой в Республике Беларусь (рисунок 3).

Данные рисунка 3 показывают, что 30% опрошенных считают обувь производства Республики Беларусь достаточно высокого качества, 20% – рекомендуют ее покупать, так как носится долго, удобная и комфортная. Вместе с тем ряд респондентов отмечают завышенную цену, недостаточную разработку модельного ряда и отсутствие достаточной рекламы в СМИ. Анализ выявил недостаточную разработку большого количества сай-

Таблица 3 – Сильные и слабые стороны распределительной логистики предприятий обувной промышленности Республики Беларусь

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ
– наличие компетенций в работе на обувном рынке; – наличие собственной розничной товаропроводящей сети; – наличие известных белорусских торговых марок; – репутация качественной и конкурентоспособной обуви, произведенной в Республике Беларусь; – наличие собственных производственных мощностей; – наличие собственного логистического центра, фирменной торговли	– ограниченность ресурсов финансирования; – не до конца сформированная система по управлению результативной работой собственной товаропроводящей сети (ТПС); – недостаточный кадровый потенциал новых объектов ТПС; – высокий уровень цен на продукцию (для оптовых покупателей это сдерживает заказы, для собственной ТПС – ограничивает эффективность невысоким размером торговой надбавки); – ограниченные производственные мощности
ВОЗМОЖНОСТИ	УГРОЗЫ
– изменение предпочтений потребителей, смещение вектора в сторону качественной продукции; – увеличение объема предлагаемой рынку продукции под торговыми марками на основе аутсорсинга производства; – освоение новых восточных регионов сбыта	– влияние санкционной политики со стороны западных государств; – отсутствие производства качественной отечественной фурнитуры и химических реактивов; – отсутствие кластера поставщиков комплектующих для обувной промышленности

Источник: собственная разработка авторов.

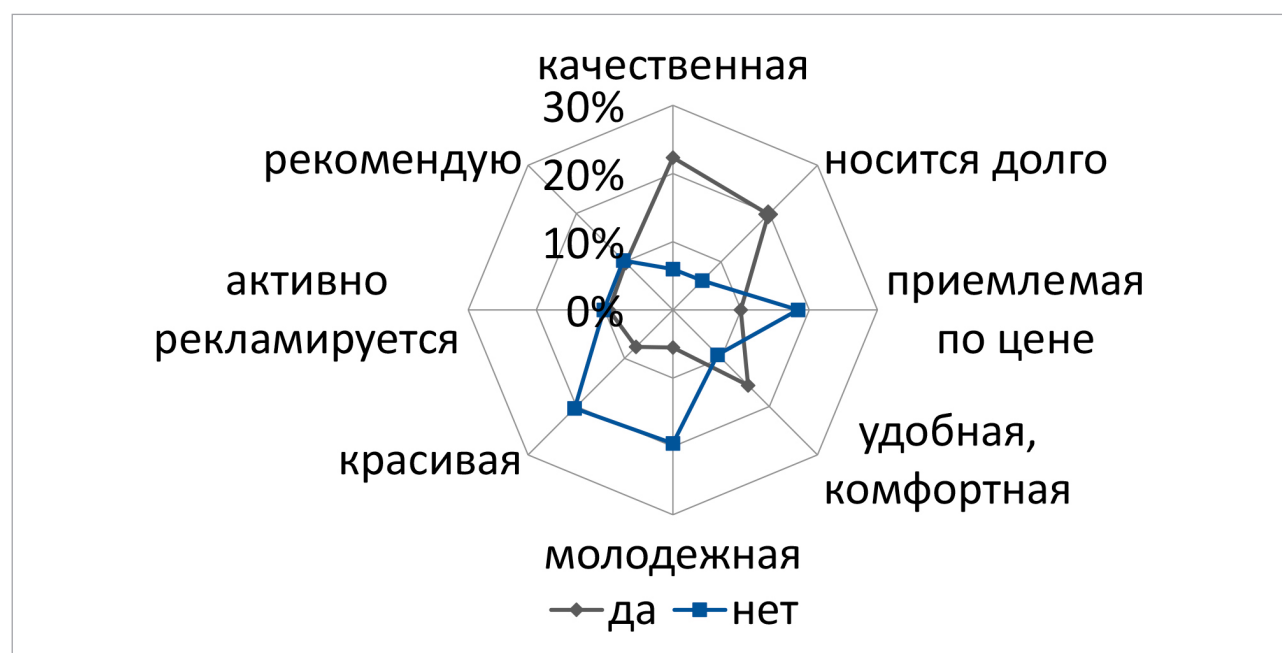

Рисунок 3 – Преимущества и недостатки производимой обуви в Республике Беларусь

Источник: собственная разработка авторов.

тов обувных предприятий (ООО «Управляющая компания холдинга “Белорусская кожевенно-обувная компания «Марко»», СООО «Белвест» и др.) с точки зрения информативности, обновляемости, отсутствия цифровой обработки статистической информации в условиях цифровизации экономики.

Таким образом, анализ показал, что с каждым годом использование производственных мощностей организаций по выпуску обуви снижается, но высокое качество и конкурентоспособность предприятий обувной промышленности и потребительский спрос населения позволяют увеличивать

объемы производства, так как обувная промышленность в Республике Беларусь играет важную роль в повышении благосостояния населения.

Заключение. Исследование позволило выделить следующие направления развития распределительной логистики:

1) повышение квалификации кадрового потенциала при формировании каналов распределения новых объектов ТПС;

2) переориентация каналов распределения обуви на восточные каналы сбыта в условиях санкционной политики со стороны западных государств, проведение грамотной экономической политики для гибкой адаптации производства к различным проблемным ситуациям;

3) формирование специального кластера в обувной промышленности Республики Беларусь, основанного на межотраслевом и территориальном взаимодействии в распределительной логистике для достижения общих целей поставщиков, производителей и покупателей.

Литература

1. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mpt.gov.by/>. – Дата доступа 05.04.2022.
2. Белорусский государственный концерн по производству и реализации товаров легкой промышленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bellegprom.by/>. – Дата доступа: 04.04.2022.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2021 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 04.04.2022.
4. Промышленность Республики Беларусь, 2020: стат. сб. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 04.04.2022.
5. Производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха, 2020: стат. сб. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 04.04.2022.

Поступила в редакцию 15.04.2022

Исследование потребительских предпочтений на льняную одежду на зарубежных рынках

Квасникова В.В.¹, Чернавина Н.А.²

¹Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

²Учреждение образования «Витебская ордена “Знак почета” государственная академия ветеринарной медицины»

В условиях жестких санкций наращивание экспорта является одной из важнейших задач функционирования отечественных организаций. Освоение новых зарубежных рынков и увеличение объемов продаж на существующих рынках возможны только при наличии актуальной информации о потребностях и предпочтениях конечных потребителей. Полученная информация позволит организациям сформировать производственную программу, соответствующую спросу, и обосновать целесообразность внедрения новых видов продукции.

Особую актуальность маркетинговые исследования потребителей имеют для организаций легкой промышленности, спрос на продукцию которых подвержен влиянию множества факторов. Республике Беларусь принадлежит несущественная доля в мировом производстве товаров легкой промышленности, за исключением льняной ткани, единственным производителем которой является РУПТП «Оришанский льнокомбинат».

Цель статьи – изучить спрос конечных потребителей на льняную одежду на рынках зарубежных стран.

Материал и методы. Материалом для анализа являются периодическая литература по проблеме, интернет-ресурсы, результаты опроса российских потребителей одежды. Исследование базируется на системном анализе и комплексном подходе, специальных и общенаучных методах: опросе и сравнении.

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования CELC относительно предпочтений потребителей показали, что в странах Западной Европы и США сложился устойчивый спрос на одежду из льняных тканей, которая, прежде всего, относится к премиум классу. В Индии, Китае и на Ближнем Востоке рынок льняной одежды является растущим. Спрос на льняную одежду появляется в странах Африки и Латинской Америки. Рынок льняной одежды этих стран представлен в большей степени одеждой сегмента масс-маркет. Наиболее востребованные виды одежды на этих рынках – мужские рубашки и пиджаки.

В Российской Федерации популярность льняной одежды является средней. В основном респонденты приобретают платья и сарафаны, мужские сорочки, женские брюки.

Заключение. На основе исследования потребительских предпочтений можно заключить, что стратегия РУПТП «Оришанский льнокомбинат», направленная на расширение ассортимента костюмных тканей, соответствует общим тенденциям развития рынка льняной одежды, ее реализация укрепит экспортный потенциал предприятия и позиции на внутреннем рынке.

Ключевые слова: зарубежные рынки, льняная ткань, льняная одежда, маркетинговые исследования, потребительские предпочтения, экспортная деятельность.

Research of Consumer Preferences for Linen Clothing in Foreign Markets

Kvasnikova V.V.¹, Chernavina N.A.²

¹Education Establishment “Belarusian State Economic University”

²Education Establishment “Vitebsk Order of Badge of Honor State Academy of Veterinary Medicine”

In the context of tough sanctions, increasing exports is one of the most important tasks for the functioning of domestic companies. The development of new foreign markets and the increase in sales in existing markets is possible only if there is up-to-date information about the needs and preferences of end users. The information obtained will allow companies to form a production program that meets the demand and justify the feasibility of introducing new types of products.

Consumer marketing research is of particular relevance for light industry companies, the demand for products of which is influenced by many factors. The Republic of Belarus owns an insignificant share in the world production of light industry goods, with the exception of linen fabric, the only producer of which is RUPTC “Orsha Flax Mill”.

The purpose of the article is to study the demand of end consumers for linen clothes in the markets of foreign countries.

Material and methods. The material for the study is the periodical literature on the problem, Internet resources, the results of a survey of Russian clothing consumers.

The study is based on a systematic analysis and an integrated approach, special and general scientific methods: desk research, survey and comparison.

Findings and their discussion. The results of the CELC study on consumer preferences showed that in Western Europe and the United States there is a steady demand for clothing made from linen fabrics, which, first of all, belongs to the premium class. In India, China and the Middle East, the linen clothing market is growing. Demand for linen clothing appears in Africa and Latin America. The linen clothing market of these countries is represented to a greater extent by clothing in the mass market segment. The most demanded types of clothing in these markets are men’s shirts and jackets.

In the Russian Federation, linen clothing is not very popular. Mostly respondents buy dresses and sundresses, men's shirts, women's trousers.

Conclusion. Based on a study of consumer preferences, it can be concluded that the strategy of RUPTC "Orsha Linen Mill", aimed at expanding the range of suit fabrics, corresponds to the general trends in the development of the linen clothing market, its implementation will strengthen the export potential of the enterprise and its position in the domestic market

Key words: foreign markets, linen fabric, linen clothing, marketing research, consumer preferences, export activities

В условиях жестких санкций наращивание экспорта является одной из важнейших задач функционирования отечественных организаций. Освоение новых зарубежных рынков и увеличение объемов продаж на существующих рынках возможны только при наличии актуальной информации о потребностях и предпочтениях конечных потребителей. Полученная информация позволит организациям сформировать производственную программу, соответствующую спросу, и обосновать целесообразность внедрения новых видов продукции.

Особую актуальность маркетинговые исследования потребителей имеют для организаций легкой промышленности, спрос на продукцию которых подвержен влиянию множества факторов. Республике Беларусь принадлежит несущественная доля в мировом производстве товаров легкой промышленности, за исключением льняной ткани, единственным производителем которой является РУПТП «Оршанский льнокомбинат».

Цель статьи – изучить спрос конечных потребителей на льняную одежду на рынках зарубежных стран.

Материал и методы. Материалом для анализа являются периодическая литература по проблеме, интернет-ресурсы, результаты опроса российских потребителей одежды. Исследование базируется на системном анализе и комплексном подходе, специальных и общенаучных методах: опросе и сравнении.

Результаты и их обсуждение. Наиболее обширные исследования в области существующего и прогнозного спроса на льняные ткани и одежду на зарубежных рынках проводит Европейская конфедерация льна и пеньки (конопли) (CELC) [1; 2]. CELC объединяет 10000 компаний – членов Европейской льняной промышленности из 14 европейских стран. Согласно исследованиям CELC, в 2020 году доля тканей из льняного волокна составила всего 0,4% в общем мировом производстве ткани. В структуре производства изделий из льняной ткани 60% приходится на одежду, 30% – на домашний текстиль, а 10 % занимают изделия технического назначения.

В летних модных коллекциях прет-а-порте и брендах масс-маркета льняная ткань исполь-

зуется в женских, мужских и детских моделях. В женских коллекциях – это платья, сарафаны, комбинезоны, костюмы, рубашки и блузки, юбки. Наиболее активно льняные ткани применяются при изготовлении вещей в этническом стиле и бохо. В мужских коллекциях одежды преобладают отбеленные сорочки и деловые костюмы. Детская одежда из 100%-ного льна встречается реже, в основном для ее изготовления используются смесовые ткани, из которых шьются комбинезоны, детские платья и брюки.

Важнейшими инновациями, в значительной мере повлиявшими на развитие мирового рынка льняных тканей в последние годы, стали новые льняные ткани с уникальными свойствами, такие как пряжа из джерси и пряжа для вязания из 100%-ного льна, льна-хлопка, льна-шелка, льна-тенсель, льна-кашемира, льна-шерсти, льна-вискозы. Разработаны пряжи со специальными эффектами: набивные, джинсовые, твидовые, разноцветные пряжи (с использованием «тусклых» холодных красителей, окрашенная в пространстве пряжа с набивным рисунком, с блеском люрекса или глазури), букле, цепетт, резиновые эффекты и др. Главными разработчиками инноваций в льняном текстиле выступают такие компании, как Cariaggi, Decoster Caulliez, Hungaro-Len, Iafil, Linificio, Canapificio, Safilin.

Основные модные тенденции на мировом рынке льняных тканей основываются как на инновациях в области материалов и технологий, так и на общих трендах фэшн-индустрии. В сезоне лето 2021 – зима 2022 применительно к льняным тканям выделяют следующие модные тенденции.

CONTEMPORARY. В основе стиля очевидная преемственность классического стиля, прослеживающегося в деталях, в функциональных и удобных формах, в дорогих и неподвластных времени тканях. Городская зима выбирает ряд оттенков серого, переходящих в туманные и голубые тона, холодный бежевый, пыльно-зеленый и синий. Стиль основан на удобной элегантности, минимальных тканых текстурах, пятнистых поверхностях. Лен сочетается с шерстью в богатых смесях из дышащих и удобных тканей, меланж из джерси, полосы Dégradé, прерывистые жаккарды, эластичный габардин.

RESTORATIVE. В основе этого стиля комфортная одежда на все случаи жизни. Городское очарование, архаичное по своей природе. Тонкая и грубая льняная пряжа создает новые удачные сочетания материалов с фасонной пряжей и шерстью, обеспечивая комфорт и функциональность. Лен смешивается с хлопком с эффектом полного/пустого переплетения, используется 100%-ное плотное и неравномерное переплетение. При этом стиле в льняных тканях применяются натуральные красители с живописным эффектом, плавающие текстуры, твидовые полосы и мулине, пестрые неровные поверхности, клетка, двухцветные крапинки, тонкая и грубая прослоенная пряжа, водостойкая восковая отделка, тонкое, но компактное переплетение, жаккард с растительными мотивами. В тканях используются такие сложные текстуры, как рельефы с пряжей букле, толстые, прослоенные, меланжевые, рустикальные трикотажные изделия, бархат с широкими рубчиками, «выстиранный» лен, легкие атласные поверхности.

NUTRITIOUS. Стиль, включающий использование цветов, которые выглядят так, как будто они были окрашены из самой земли. Сочетание пряжи из льна, шерсти, переработанного полиэстера, подвижные поверхности с различной плотностью льна и фасонной пряжи из хлопка, нерегулярные рельефные переплетения, грубое переплетение вручную, 3D-рельефы, валяный материал. Для этого стиля характерно использование различных клеток и полихромии, жаккардов с набивной пряжей, абстрактных жаккардов, двойных с плавающими переплетениями, металлических отражений, фланелевых полос.

CONTEMPLATIVE. Стиль, появившийся под влиянием интереса к античным культурам, стремящийся к сочетанию изысканности и экзотики, японизма и стиля Либерти. Цвета мягкие, нежные, возможен яркий красный акцент. Данный модный тренд предполагает использование богатой вышивки, таких дорогих тканей, как лен-шелк-кашемир, декоративная парча, лен-модал для мягкости, гладкий мраморный бархат, декоративные жаккарды, Fil-couré. Лен, фасонный шелк, шерсть и хлопок чередуются с современными рельефами и узорами, атласные полосы на плотной канве, графические вышивки.

BLACK&WHITE. Сочетание черного и белого цвета – классика, которая остается модной вне времени. Это многогранные оттенки черного и серого, различные текстуры и принты (полосками, клетками, ромбиками, колечками, горошком, «гусиными лапками» и т.п.). Использование 100%-ного

льна или инновационных смесовых тканей с модными свойствами [2].

Исследования CELC показывают [1], что в целом популярность изделий из льна повышается, о чем свидетельствуют следующие факторы:

- количество запросов в интернете по ключевому слову «лен» выросло на 25%;
- количество льняных моделей в женских коллекциях 2021 года относительно 2020 года увеличилось в 2 раза;
- в коллекциях 2021 года 64% дизайнеров люкс-домов моды представили льняную одежду;
- число дизайнеров, включивших в свою коллекцию минимум одну модель одежды из льна, выросло на 49%.

Анализ показал, что в настоящее время, вследствие негативного влияния пандемии на мировом рынке одежды, в том числе льняной, наблюдается падение объемов продаж. Так, в 2020 году по сравнению с 2019 годом падение объемов продаж одежды наблюдается во многих странах, однако наибольшее снижение объемов продаж произошло в Испании – на 40%, Германии – на 30% и Индии – на 27%. В таких странах, как США и Великобритания, объемы продаж сократились на 26%, в Италии – на 25%. Наименьшее влияние пандемия оказала на рынки одежды Китая и Франции, где объемы продаж сократились на 10 и 16% соответственно.

Следует отметить, что продажи одежды снизились по всем каналам сбыта, за исключением онлайн-продаж, где прирост составил 16,1%. В наибольшей степени пострадали универмаги, в которых объемы продаж упали на 32,3%. Значительное падение объемов продаж одежды зафиксировано в специализированных сетях – на 19,8%. Существенно сократились объемы продаж в гипермаркетах и в независимых магазинах на 15,1 и на 16,7% соответственно. В наименьшей степени пострадали крупные торговые сети, где падение объемов продаж одежды сократилось на 9,6%.

В 2020 году CELC провела исследование по выявлению потребительских предпочтений на льняную одежду. Исследование проводилось посредством опроса фокус-групп. В опросе приняли участие 6600 чел. из 6 стран, а именно Франция, Италия, Великобритания, США, Китай, Индия. В каждой стране было опрошено 1100 чел. В Китае и Индии среди респондентов преобладали люди в возрасте от 18 до 34 лет.

В таблице 1 представлено распределение ответов респондентов относительно значимости показателей одежды при совершении покупки (респондент мог выбрать два ответа).

Таблица 1 – Значимость показателей одежды при совершении покупки, %

Показатель одежды	Франция	Италия	Великобритания	США	Китай	Индия
Стиль	42,2	27,8	40,9	33,1	33,6	25,1
Цена	40,9	50,4	51,1	45,4	28,4	33,2
Качество ткани	39,1	46,7	18,9	18,7	42,3	40,1
Комфорт	38,1	44,4	49,7	49,4	66,4	49,4
Цвет	20,1	10,0	13,9	12,8	9,3	12,0
Бренд	8,8	16,0	14,2	25,4	18,3	36,4

Источник: [1].

Таблица 2 – Распределение респондентов в зависимости от намерения приобрести льняные изделия, %

Вариант ответа	Франция	Италия	Великобритания	США	Китай	Индия
Планирую покупку льняной одежды в ближайшие 12 месяцев	48,6	67,4	48,0	65,3	75,2	82,0
Планирую покупку льняного текстиля для дома или декоративных льняных изделий в ближайшие 2 года	45,5	49,9	45,6	49,5	70,5	69,3
Не планирую покупку	30	13,8	34,2	19,0	7,0	3,7

Источник: [1].

Таблица 3 – Распределение респондентов в зависимости от причин, обуславливающих выбор льняных изделий, %

Показатель	Франция	Италия	Великобритания	США	Китай	Индия
Легкость и комфорт	75,8	75,2	67,8	70,7	66,5	72,2
Гигиеничность	58,6	78,6	48,7	44,0	57,2	41,9
Стиль изделия	45,9	37,3	45,4	44,8	31,1	50,0
Износостойкость	32,9	30,5	41,2	32,1	40,2	34,3
Натуральность	25,5	27,7	45,9	46,9	41,8	41,4
Экологичность	24,5	23,0	16,2	9,6	38,4	11,7
Цвет	18,9	17,4	31,3	27,2	10,8	23,3
Соответствие моде	7,7	4,7	7,7	13,5	11,8	17,5

Источник: [1].

Таблица 4 – Виды льняной одежды, предпочитаемые респондентами, %

Вид одежды	Франция	Италия	Великобритания	США	Китай	Индия
Рубашка	30,4	34,7	25,8	24,0	20,9	24,7
Летнее платье	24,8	33,7	24,0	23,8	19,9	16,9
Брюки	18,2	12,4	16,1	13,6	15,7	6,9
Пиджак	11,1	5,1	14,8	12,7	22,7	7,1
Футболка	9,9	5,9	13,1	17,8	16,2	15,0
Костюм	5,7	8,2	6,2	8,1	4,7	12,4
Курта	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	17,4

Источник: [1].

По мнению 51,1% потребителей Великобритании и 50,4% потребителей Италии, цена является основным показателем, определяющим выбор одежды. На втором месте для потребителей Великобритании находится комфорт, так считает 49,7% респондентов, а для итальянцев (46,7%) – качество ткани.

Для респондентов из США при выборе одежды наиболее важен комфорт, так считает 49,4%, а для французов наибольшее значение имеет стиль (42,2%). При этом потребители из США и Франции на второе место поставили цену одежды, такой точки зрения придерживаются 45,4 и 40,9% соответственно.

Для потребителей из Китая и Индии цену одежды нельзя отнести к значимым показателям. Для этих потребителей наиболее важным показателем оказался «комфорт», так считает 66,4 и 49,4% соответственно. Вторым по значимости показателем является «качество ткани» (42,3 и 40,1% соответственно).

В таблице 2 представлено распределение ответов респондентов в зависимости от намерения приобрести льняные изделия (респондент мог выбрать два ответа).

Данные таблицы 2 показывают, что значительная часть респондентов планирует приобретение

льняной одежды в течение года. Особенно велика доля таких респондентов в Индии (82%) и Китае (75,2%). В США и Италии приобретение льняной одежды в течение года планирует, соответственно, 67,4 и 65,3% опрошенных потребителей. В таких странах, как Великобритания и Франция существенную долю занимают респонденты, которые не планируют приобретение льняных изделий, 34,2 и 30% соответственно.

В таблице 3 представлено распределение ответов респондентов в зависимости от причин, обуславливающих выбор льняных изделий (респондент мог выбрать три ответа).

Результаты опроса свидетельствуют о том, что подавляющее число респондентов независимо от страны проживания выбирает льняные изделия благодаря их легкости и комфорту, так ответило от 66,5 до 75,8%. Для многих респондентов значимыми показателями являются гигиеничность и стиль изделия. Респонденты из Великобритании, США и Китая предпочитают льняные изделия благодаря их натуральному виду.

Распределение респондентов в зависимости от предпочитаемого вида одежды из льна представлено в таблице 4.

Таблица 5 – Доля респондентов, для которых важна информация о местонахождении производства льняных изделий

Страна	Франция	Италия	Великобритания	США	Китай	Индия
Доля респондентов, %	28,4	37,0	22,3	36,4	40,7	43,3

Источник: [1].

Таблица 6 – Доля респондентов, считающих льняную ткань высококачественной

Страна	Франция	Италия	Великобритания	США	Китай	Индия
Доля респондентов, %	55,3	68,1	51,0	53,7	55,5	59,0

Источник: [1].

Таблица 7 – Доля респондентов, считающих льняную ткань экологически чистой

Страна	Франция	Италия	Великобритания	США	Китай	Индия
Доля респондентов, %	60,1	68,2	51,6	41,7	73,1	51,9

Источник: [1].

Таблица 8 – Доля респондентов, считающих высокую цену льняной ткани оправданной (справедливой)

Страна	Франция	Италия	Великобритания	США	Китай	Индия
Доля респондентов, %	75,2	88,2	69,1	75,0	92,4	94,2

Источник: [1].

Независимо от страны проживания потребители самым популярным видом одежды назвали рубашку, так считает от 20,9 до 34,7% от общего числа респондентов. В европейских странах и США также популярным видом льняной одежды является летнее платье (23,8–33,7%), в Китае и Индии оно по популярности занимает третье место. Это обусловлено культурными и демографическими особенностями этих стран. Так, в Индии второе место по популярности занимает куртка (17,4%) – национальная мужская одежда в Индии, а в Китае из-за преобладания мужского населения на втором месте находится пиджак (22,7%).

В ходе проведения опроса респондентам предлагалось оценить важность информации о местонахождении производства льняных изделий (таблица 5).

Как показало исследование, наибольшее значение местонахождение производителя имеет для потребителей Китая и Индии, необходимость наличия такой информации отметили 40,7 и 43,3% респондентов. Потребители из Великобритании и Франции менее заинтересованы в наличии такой информации, она имеет значение, соответственно, для 22,3 и 28,4% респондентов.

Исследование показало, что более половины респондентов идентифицирует льняную ткань как высококачественную (таблица 6). Наибольшее число таких респондентов представляют Италию (68,1%).

В ходе опроса установлено, что от 41,7 до 73,1% респондентов относит льняную ткань к наиболее экологически чистым тканям (таблица 7).

Как видно из таблицы 7, более чем для 73% потребителей Китая льняная ткань является экологически чистой, значительна доля таких респондентов в Италии – 68,2%. По сравнению с другими странами наименьшее число респондентов, относящих льняную ткань к экологически чистым тканям, представляют США (41,7%).

По мнению большинства респондентов (от 69,1 до 94,2%), более высокая цена льняной ткани по сравнению с другими тканями оправдана (таблица 8).

Наибольшее число таких респондентов оказалось в Индии (94,2% от числа опрошенных потребителей) и Китае (92,4% от числа опрошенных потребителей). Среди итальянцев так считают 88,2% респондентов. Наименьшее число таких респондентов оказалось в Великобритании, всего 69,1%.

В целом, обобщая результаты исследования потребителей, можно сделать следующие выводы.

В странах Западной Европы и США сложился устойчивый спрос на одежду из льняных тканей, которая, прежде всего, представлена одеждой премиум класса. Пандемия оказала неблагоприятное влияние на этот рынок, но в 2022 году еще более негативное воздействие на состояние мирового рынка, в том числе рынка льняной одежды окажут геополитические факторы.

В настоящее время в Индии, Китае и на Ближнем Востоке рынок льняной одежды является растущим. Спрос на льняную одежду появляется в странах Африки и Латинской Америки. Рынок льняной одежды этих стран представлен в большей степени одеждой сегмента масс-маркет. Наиболее востребованными видами одежды на этих рынках являются мужские рубашки и пиджаки.

Ткани РУПТП «Оршанский льнокомбинат» ориентированы на сегмент масс-маркет, поэтому в качестве перспективных рынков сбыта для нового ассортимента костюмных тканей организации можно рассматривать рынки развивающихся стран.

Традиционным зарубежным рынком сбыта для РУПТП «Оршанский льнокомбинат» является рынок Российской Федерации, что обусловило необходимость исследования предпочтения конечных потребителей на этом рынке. Анализ их потребительских предпочтений проводился посредством глубинного интервью – неструктурированного, прямого, личного интервью, в котором одного респондента опрашивает высококвалифицированный интервьюер для определения его основных побуждений, эмоций, отношений и убеждений по определенной теме.

В соответствии с планом проведения исследования был разработан гайд для опроса конечных потребителей одежды из льняных и льносодержащих тканей, содержащий 16 емких вопросов. Глубинное интервью производилось в онлайн-формате с использованием приложений Viber, WhatsApp и Skype в период с 18.04.2021 по 23.05.2021. В исследовании приняли участие 27 респондентов, представляющих Северо-Западный, Центральный и Приволжский федеральные округа.

Среди респондентов 23 чел. составляют женщины, а 4 чел. – мужчины. Среди респондентов наиболее многочисленной является возрастная группа от 40 до 45 лет, она включает 9 чел., что составляет 33,3% от общего числа участников. Достаточно представительными также являются возрастные группы респондентов от 30 до 35 лет и от 35 до 40 лет, каждая группа включает по 5 чел., или 18,5% от общей численности респондентов. Остальные группы являются менее пред-

Таблица 9 – Распределение респондентов на сегменты по уровню дохода

Характеристика доходов респондента	Сегмент респондентов	Количество респондентов, чел.	Доля сегмента в общей численности респондентов, %
1. Мой месячный доход не в полной мере покрывает мои текущие расходы	Уровень дохода ниже среднего	9	33,3
2. Мой месячный доход достаточен для того, чтобы покрыть мои текущие расходы, но приобретение потребительских товаров длительного пользования (бытовой техники и др.) вызывает определенные трудности	Средний уровень дохода	14	51,9
3. Моего месячного дохода достаточно для покрытия текущих расходов, я без проблем могу приобрести любые потребительские товары	Уровень дохода выше среднего	2	7,4
4. Отказ от ответа	–	1	3,7
Всего		27	100

Источник: собственная разработка на основе опроса.

Таблица 10 – Среднегодовое потребление легкой верхней одежды по возрастным группам респондентов

Возрастная группа	Среднегодовое потребление легкой верхней одежды, ед.
25–30	3,5
30–35	2,4
35–40	3
40–45	4
45–50	3
60–65	1
Старше 65	2
Среднее значение	3,11

Источник: собственная разработка на основе опроса.

ставительными. К сожалению, не удалось опросить респондентов, относящихся к возрастным группам: от 18 до 25 лет, от 50 до 55 лет и от 60 до 65 лет. Следует отметить, что отсутствие этих возрастных групп не является критичным для исследования.

Потребительские предпочтения одежды во многом определяются уровнем доходов респондентов, это один из наиболее важных признаков сегментации потребителей. Принимая во внимание тот факт, что респонденты представляли разные населенные пункты России, где уровень дохода и уровень цен на товары и услуги существенно дифференцирован, вопрос об уровне дохода был сформулирован исходя из его способности покрыть текущие расходы потребителя и возможности приобретения товаров длительного пользования (таблица 9).

Данные таблицы 9 свидетельствуют о том, что почти 52% респондентов, которые приняли участие в глубинном интервью, относятся к сегменту «средний уровень дохода». Сегмент потребителей «уровень дохода ниже среднего» составляет 33% от общей численности респондентов. Сегмент потребителей «уровень дохода выше среднего» представляют 7,4% от числа опрошенных. Один респондент отказался отвечать на вопрос. Респонденты, представляющие сегменты «высокий уровень дохода» и «очень высокий уровень дохода», участия в глубинном интервью не принимали.

В таблице 10 приведены данные о среднегодовом потреблении легкой верхней одежды по возрастным группам респондентов. Среди респондентов в возрасте от 25 до 50 лет нет существенных отличий в среднегодовом потреблении

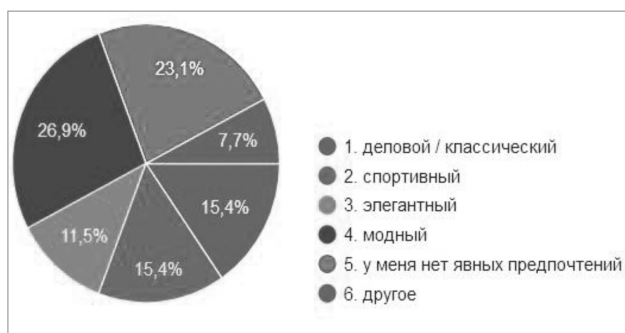

Рисунок 1 – Распределение респондентов по стилю одежды

Источник: собственная разработка на основе опроса.

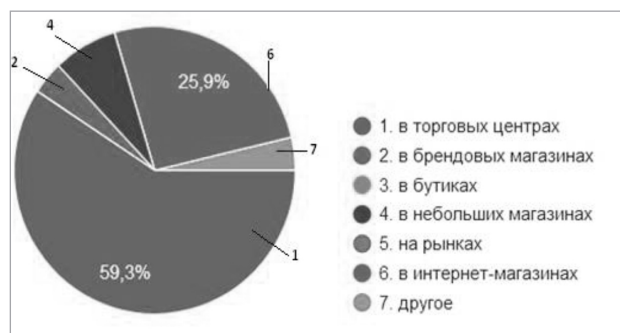

Рисунок 2 – Распределение респондентов в зависимости от места приобретения одежды

Источник: собственная разработка на основе опроса.

Таблица 11 – Цены, по которым респонденты приобретают верхнюю легкую одежду

Группа	Диапазон цен, рос. руб.	Численность респондентов, чел.	Доля группы в общей численности респондентов, %
1-я группа	3000–30000	1	3,7
	3000–15000	1	3,7
	Итого	2	7,4
2-я группа	5000–10000	1	3,7
	4000–10000	1	3,7
	1000–10000	1	3,7
	Итого	3	11,1
3-я группа	2000–5000	2	7,4
	4000	1	3,7
	2000–4000	2	7,4
	1000–4000	2	7,4
	Итого	7	25,9
4-я группа	3000	1	3,7
	2000–3000	2	7,4
	1000–3000	3	11,1
	2000	1	3,7
	300–2000	2	7,4
	Итого	9	33,3
5-я группа	Нет ответа	6	22,2
Всего		27	100

Источник: собственная разработка на основе опроса.

легкой верхней одежды. Средний показатель в этих группах находится в диапазоне от 2,4 до 4 ед. В старших возрастных группах респондентов в возрасте от 60 до 65 лет и в возрасте старше 65 лет среднегодовое потребление легкой верхней одежды более низкое и составляет 1 ед. и 2 ед. соответственно.

На рисунке 1 представлено распределение респондентов по стилю одежды.

Как видно из рисунка 1, наиболее популярным стилем одежды среди респондентов является «модный» (26,9%), явных предпочтений в стиле одежды не имеют 23,1% респондентов. По 15,4% респондентов предпочитают «деловой»

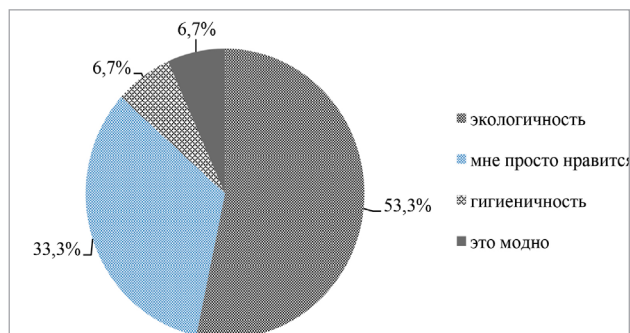

Рисунок 3 – Причины, по которым респонденты выбирают одежду из льняной и льносодержащей ткани

Источник: собственная разработка на основе опроса.

и «спортивный» стили в одежде. 3 респондента, или 11,5% от общей численности опрошенных, выбирают одежду «элегантного» стиля.

На рисунке 2 отображено распределение респондентов в зависимости от места приобретения одежды.

Данные рисунка 2 свидетельствуют о том, что наиболее популярными местами приобретения одежды среди респондентов являются торговые центры (59,3%, или 16 чел.) и интернет-магазины (25,9%, или 7 чел.). В ходе исследования были определены цены, по которым респонденты приобретают верхнюю легкую одежду вообще и отдельные виды этой одежды в частности.

В таблице 11 представлен диапазон цен, по которым респонденты, как правило, приобретают легкую верхнюю одежду.

Как видно из таблицы 11, уровень цен, по которым приобретается верхняя легкая одежда, смог вспомнить и указать 21 респондент из 27. Диапазон цен приобретения верхней легкой одежды включает цены от 300 до 30000 рос. руб.

Исходя из представленной информации, всех респондентов можно разделить на 4 группы. Наиболее представительными являются 3-я и 4-я группы, в которые вошли 25,9 и 33,3% респондентов соответственно. Среди респондентов 4-й группы цена приобретаемой одежды не превышает 3000 рос. руб., а среди 3-й группы – 5000 рос. руб. Менее представительными являются 1-я и 2-я группы. Численность респондентов 2-й группы составляет 11,1% от общего числа опрошенных, ее представители приобретают одежду стоимостью до 10000 рос. руб. В 1-ю группу попало 2 респондента, или 7,4% от общей численности опрошенных. Представители этой группы приобретают одежду стоимостью более 10000 рос. руб.

В процессе проведения глубинного интервью было выявлено, что одежду из льняной и льносодержащей ткани приобретают 55,6% респондентов, или 15 чел. Остальные респонденты – 44,4%, или 12 чел., такую одежду не приобретают. Основными причинами, по которым респонденты не приобретают одежду из льняной и льносодержащей ткани, являются быстрая сминаемость, жесткость и усадка после стирки, так считают

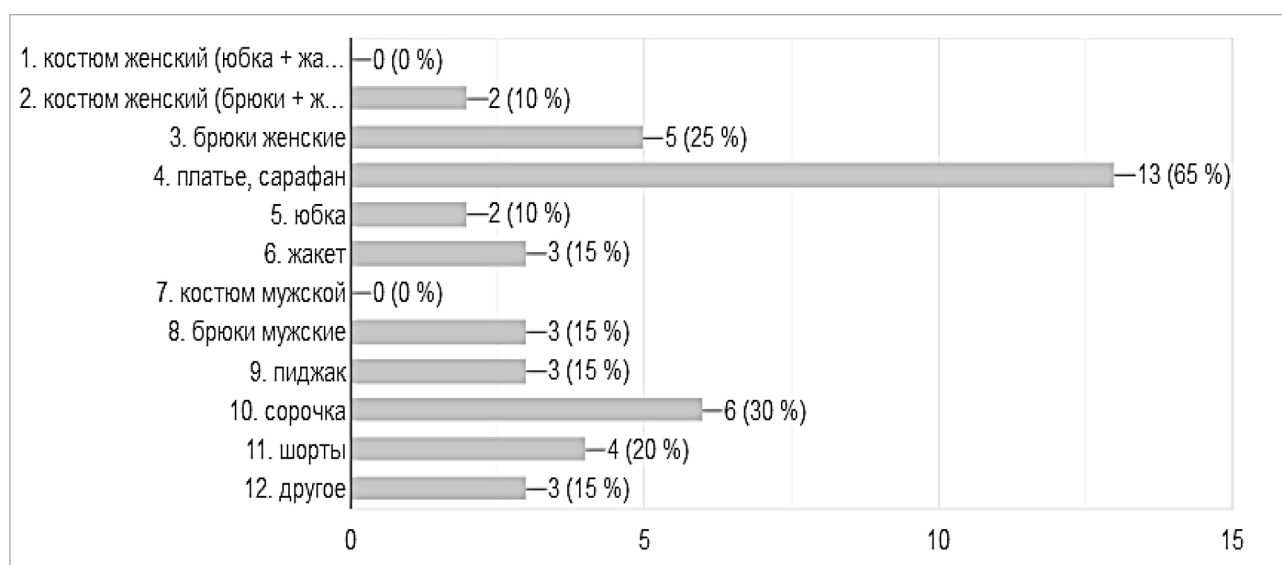

Рисунок 4 – Виды одежды, которые приобретают респонденты из льняной и льносодержащей ткани

Источник: собственная разработка на основе опроса.

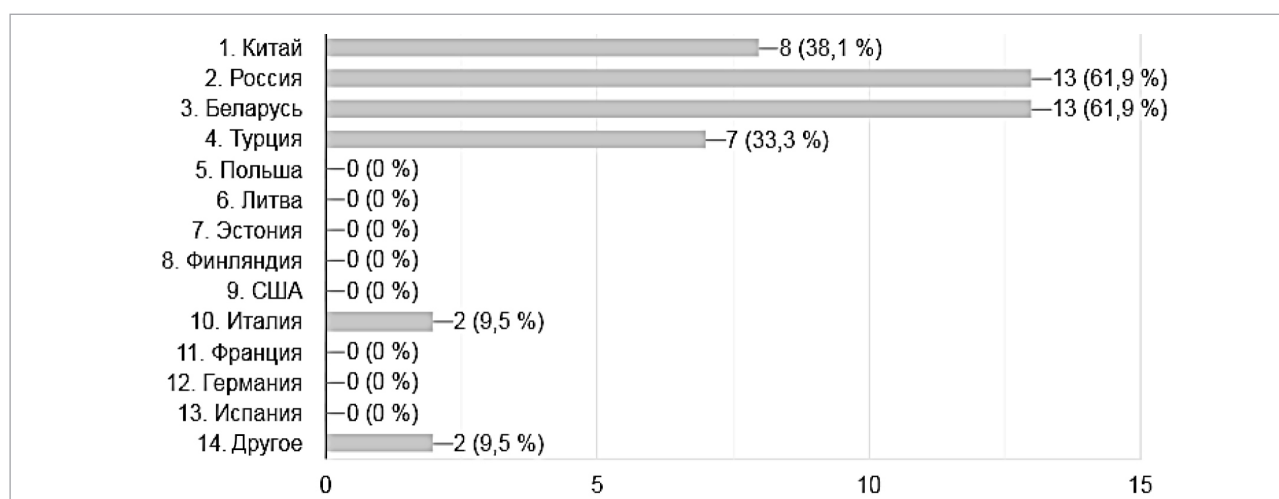

Рисунок 5 – Страны-производители льняной одежды, приобретаемой респондентами
Источник: собственная разработка на основе опроса.

Рисунок 6 – Распределение респондентов по предпочтениям цветовой гаммы в одежде из льняной и льносодержащей ткани

Источник: собственная разработка на основе опроса.

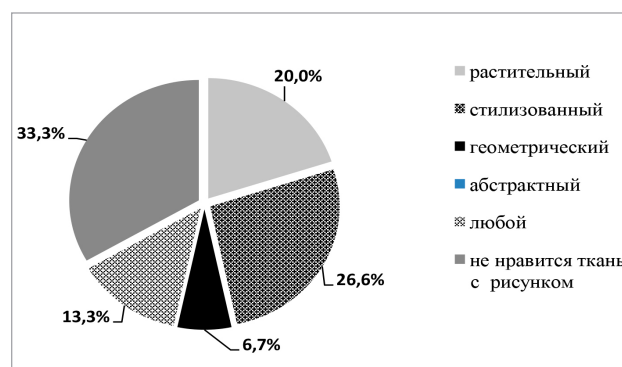

Рисунок 7 – Предпочтения респондентов по рисункам льняной и льносодержащей ткани

Источник: собственная разработка на основе опроса.

7 чел., или 58,3%. По причине отсутствия льняной одежды в ассортименте торговых объектов, где обычно совершаются покупки, не приобретают одежду 5 чел., или 41,7% респондентов.

На рисунке 3 представлены причины, по которым респонденты делают выбор в пользу одежды из льняной и льносодержащей ткани.

Как видно из рисунка 3, более 53% респондентов выбирают льняную одежду, потому что считают ее экологичной; 33,3%, или 5-ти респондентам, такая одежда просто нравится.

Респондентам было предложено указать, какую именно одежду из льняной и льносодержащей ткани они приобретают (рисунок 4).

Как видно из рисунка 4, наиболее популярными видами одежды из льняной и льносодержащей

ткани являются платье и сарафан. Данный вид одежды приобретали 13 респондентов. На втором месте находятся мужские сорочки (6 чел.), на третьем месте – женские брюки, их приобретало 5 чел., шорты – 4 чел. Такие виды одежды, как женские костюмы (жакет + брюки), жакет, мужские брюки, пиджак, приобретали 15% респондентов.

В ходе интервью респондентам было предложено назвать страну-производителя приобретаемой льняной одежды (рисунок 5).

Опрос показал, что среди респондентов наиболее часто приобреталась одежда производства России (61,9%) и Беларуси (61,9%). Одежду китайского производства покупали более 38% респондентов, турецкого производства – более 33%.

Таблица 12 – Влияние COVID-19 на потребительские предпочтения респондентов

Группы респондентов	Численность респондентов, чел.	Доля группы в общей численности респондентов, %
1. COVID-19 не оказал влияния на потребительские предпочтения	13	48,1
2. COVID-19 оказал влияние на потребительские предпочтения	14	51,9
2.1. Снижение покупательной способности, увеличение расходов на продукты питания и другие товары потребительского спроса из-за роста цен	6	22,2
2.2. Увеличение количества покупок в интернет-магазинах	5	18,5
2.3. Другое	3	11,1
Всего	27	100

Источник: собственная разработка на основе опроса.

Льняную одежду производства Италии приобретали 9,5% опрошенных потребителей.

Респондентам, приобретающим льняную одежду, было предложено назвать наиболее предпочтительную цветовую гамму для такой одежды (рисунок 6).

Данные рисунка 6 свидетельствуют о том, что 80% респондентов (12 чел.) предпочитают льняную одежду, выдержанную в пастельной цветовой гамме, для 20% респондентов (3 чел.) приемлема любая цветовая гамма. Необходимо отметить, что среди респондентов, принявших участие в интервью, нет респондентов, предпочитающих исключительно яркую и насыщенную цветовую гамму льняной одежды.

Помимо предпочтений в цветовой гамме в рамках исследования выявлены наиболее популярные рисунки льняной ткани (рисунок 7).

Из данных рисунка 7 видно, что около 66,7% (10 респондентов) предпочитают льняную ткань с рисунком. Ткань с рисунком не нравится 33,3% (5 респондентам). Стилизованный и растительный рисунки наиболее популярны среди опрошенных потребителей – 26,6 и 20% соответственно. Следует отметить, что нет респондентов, которым нравится только абстрактный рисунок на ткани. Более 13% респондентов нравятся любые рисунки на льняной ткани.

В заключение интервью респондентам было предложено описать влияние COVID-19 на их потребительские предпочтения. Так как вопрос был открытым, то респонденты в произвольной форме выражали свое мнение. Поэтому все ответы на данный вопрос были объединены в 2 группы, а именно:

1-я группа «COVID-19 не оказал влияния на потребительские предпочтения»; 2-я группа «COVID-19 оказал влияние на потребительские предпочтения». Ответы 2-й группы в зависимости от содержания изменений были разбиты на подгруппы (таблица 12).

Как видно из таблицы 12, 13 респондентов (48,1%) считают, что COVID-19 не оказал влияния на их потребительские предпочтения, тогда как, по мнению 14 респондентов (51,9%), их потребительские предпочтения изменились под влиянием COVID-19. При этом 6 респондентов (22,2%) связывают эти изменения со снижением покупательной способности, с увеличением расходов на продукты питания и другие товары потребительского спроса из-за роста цен. 5 респондентов, или 18,5% из числа опрошенных, отметили, что из-за COVID-19 основное количество покупок они стали совершать в интернет-магазинах.

В целом на основе глубинного интервью конечных российских потребителей одежды из льняной и льносодержащей ткани можно сделать следующие выводы.

Респонденты по уровню дохода представляют 3 сегмента: «уровень дохода ниже среднего» – 33%, «средний уровень дохода» – 52%, «уровень дохода выше среднего» – 7,4%. Респонденты сегментов «высокий уровень дохода» и «очень высокий уровень дохода» в глубинном интервью участия не принимали.

Среднегодовое потребление верхней легкой одежды в целом по респондентам составляет 3,11 ед. Причем среднее потребление одежды за год в большей степени коррелирует с возрастом респондентов. Так, в группах старшего возраста

потребление одежды ниже, чем среди респондентов молодого и среднего возраста. Основная часть респондентов (около 60%) предпочитает совершать покупки в торговых центрах, более 25% – в интернет-магазинах.

В ходе исследования установлено, что наблюдается определенная зависимость между уровнем дохода потребителей и ценами приобретения одежды. Так, у респондентов со средним уровнем дохода диапазон цен в 2 раза шире, чем у респондентов с уровнем дохода ниже среднего, а у потребителей с доходом выше среднего – в 3 раза. Кроме того, прослеживается зависимость между минимальной ценой приобретения одежды и уровнем дохода: чем выше доход респондента, тем выше минимальная цена приобретения одежды.

Популярность одежды из льняной и льносодержащей ткани среди российских респондентов является средней, так как приобретают такую одежду 55,6% от общего числа опрошенных. В качестве основных причин приобретения одежды из льняной и льносодержащей ткани респонденты указали «экологичность» и «просто нравится».

К причинам, по которым респонденты не приобретают одежду из льняной и льносодержащей ткани, относятся быстрая сминаемость, жесткость и усадка после стирки, отсутствие льняной одежды в ассортименте торговых объектов, где обычно совершаются покупки.

В основном из льняной и льносодержащей ткани респонденты приобретают платья и сарафаны, мужские сорочки, женские брюки и шорты. Большая часть приобретенной респондентами

одежды была произведена в России и Беларуси, также некоторыми респондентами приобреталась одежда производства Китая, Турции и Италии. В рамках опроса установлено, что большинству респондентов нравится льняная ткань, выдержанная в пастельной цветовой гамме, а наиболее популярными рисунками являются стилизованный и растительный.

Мнения респондентов относительно влияния COVID-19 на потребительские предпочтения разделились практически поровну. Влияние пандемии на их потребительские предпочтения отмечают 52% респондентов, а 48% считают, что COVID-19 не оказал на них влияния. Причем, по мнению 22% респондентов, влияние связано со снижением покупательной способности, а 18,5% стали большую часть покупок совершать в интернет-магазинах.

Заключение. На основе исследования потребительских предпочтений можно заключить, что стратегия РУПТП «Оршанский льнокомбинат», направленная на расширение ассортимента костюмных тканей, соответствует общим тенденциям развития рынка льняной одежды, ее реализация укрепит экспортный потенциал предприятия и позиции на внутреннем рынке.

Литература

1. Flax/Linen Barometer 2021 [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <http://news.europeanflax.com/outils/>. – Дата доступа: 29.11.2021.
2. Linen dream lab [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <http://news.europeanflax.com/outils/>. – Дата доступа: 10.12.2021.

Поступила в редакцию 03.10.2022

Оценка совокупного потока посетителей региональной туристической дестинации посредством использования языка программирования Python

Янкевич Е.М., Карпович А.О.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Туристическая дестинация как самоорганизующаяся экономическая система создает определенные социально-экономические эффекты, которые подлежат оценке. Поскольку прогрессивное экономическое развитие невозможно без использования современных технологий, поэтому акцент данного экономического исследования сделан на возможности применения языка программирования, что и подчеркивает актуальность.

Цель статьи – оценка совокупного потока посетителей региональной туристической дестинации Докшицкого района Витебской области на основе объемов розничного товарооборота продовольственных товаров и товарооборота объектов общественного питания в высокий и низкий сезоны с использованием языка программирования Python.

Материал и методы. Материалом послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Главного управления статистики Витебской области, нормативные правовые акты, труды ученых-экономистов, предыдущие исследования авторов. Основные методы: структурно-логический, анализ и синтез, индукция, дедукция, статистические, проектирование алгоритмов обработки данных и их реализация на языке программирования Python.

Результаты и их обсуждение. Проведено исследование развития туристической сферы. Дан анализ степени воздействия туристической сферы и обоснована необходимость увеличения туристических потоков. Новым направлением оценки числа посетителей туристической дестинации является использование нормативного метода потребления продуктов питания в высокий и низкий туристические сезоны. Апробирована методика оценки совокупного потока посетителей туристической региональной дестинации на основе применения языка программирования Python.

Заключение. Оценка совокупного потока посетителей с использованием разработанного программного продукта позволяет сократить временные затраты в экономических исследованиях и более точно рассчитывать массивы статистических данных, что способствует принятию своевременных управленческих решений.

Ключевые слова: совокупный поток посетителей, туристическая дестинация, социально-экономические эффекты, розничный товарооборот, Докшицкий район, online-конвертер, язык программирования Python.

Evaluation of the Cumulative Flow of Visitors to a Regional Tourist Destination Using the Python Programming Language

Yankevich E.M., Karpovich A.O.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

A tourist destination as a self-organizing economic system creates certain socio-economic effects that are subject to evaluation. Since progressive economic development is impossible without the use of modern technologies, therefore, the emphasis of this economic study is on the possibility of using a programming language, which emphasizes the relevance.

The purpose of the article, based on the developed author's methodology, is to assess the total flow of visitors to the regional tourist destination of the Dokshitsy District using the Python programming language.

Material and methods. The material was the data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, the Main Department of Statistics of Vitebsk Region, regulations, the works of economists, previous studies of the authors. The main methods were structural-logical, analysis and synthesis, induction, deduction, statistical, design of data processing algorithms and their implementation in the Python programming language.

Findings and their discussion. A study of the development of the tourism sector was carried out. An analysis of the degree of impact of the tourism sector is given and the need to increase tourist flows is substantiated. A new direction for assessing the number of visitors to a tourist destination is the use of the normative method of food consumption in the high and low tourist season. The method for assessing the total flow of visitors to a tourist regional destination based on the use of the Python programming language has been tested.

Conclusion. The evaluation of the total flow of visitors using the developed software product makes it possible to reduce time costs, contributes to accuracy in calculations and makes it possible to take timely management decisions.

Key words: cumulative flow of visitors, tourist destination, social and economic effects, retail turnover, Dokshitsy District, online converter, the Python programming language.

Для устойчивого экономического роста региональной туристической дестинации все большую значимость приобретает вклад туристического сектора. Современный этап становления туристическо-рекреационного комплекса региональной дестинации требует постоянного изучения, поиска новых путей и средств решения различного масштаба и качества задач в области оценки. Многие исследователи утверждают, что туризм обладает мультипликативным эффектом, однако эти соображения выражаются в вербальной форме и не подкреплены формальным и эмпирическим инструментарием. Совокупный поток посетителей, пребывающий с различными целями, создает высокий уровень социально-экономического эффекта региональной туристической дестинации. Использование языка программирования Python для оценки совокупного потока посетителей дает возможность снизить трудоемкость и продолжительность исследования, что позволит оперативно принимать управленческие решения с целью активизации деятельности смежных отраслей, развивать предпринимательскую деятельность в районе, решать вопросы, связанные с созданием туристической инфраструктуры, что подчеркивает актуальность исследования.

Цель статьи – оценка совокупного потока посетителей региональной туристической дестинации Докшицкого района Витебской области на основе объемов розничного товарооборота продовольственных товаров и товарооборота объектов общественного питания в высокий и низкий сезоны с использованием языка программирования Python.

Материал и методы. Материалом послужили нормативные правовые акты, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, опубликованные в сборниках «Туризм и туристические ресурсы Республики Беларусь», «Регионы Республики Беларусь», «Основные показатели розничной торговли и общественного питания Витебской области», статистических бюллетенях Главного управления статистики Витебской области, труды ученых-экономистов, предыдущие исследования авторов. Методологической основой выступили структурно-логический, анализ и синтез, индукция, дедукция, статистические, графические, проектирование алгоритмов обработки данных и их реализация на языке программирования Python.

Результаты и их обсуждение. Главная цель предстоящего пятилетия для Республики Беларусь – обеспечение социальной стабильности и высокого уровня благосостояния граждан за счет качественного роста экономики, наращивания социального капитала, создания комфортных условий для жизни,

работы и самореализации [1, гл. 4]. Качественное развитие будет обеспечено через налаживание тесного диалога между обществом, бизнесом и государством. В числе приоритетов развития определены сильные регионы, резервы роста которых возможны за счет развития сферы туризма, что и будет способствовать увеличению уровня социально-экономического эффекта в дестинации.

Экономическая система туристической дестинации в региональной экономике. В условиях растущей конкуренции в мире определяющей для Беларуси становится стратегия развития, ориентированная не только на борьбу за внешние рынки, но и на стимулирование внутреннего потребления. Поскольку сохраняется неопределенность в динамике внешних факторов, деятельность государства будет направлена на снижение уязвимости экономики от внешних конъюнктурных колебаний и максимальное задействование внутренних резервов и эффективное использование местных ресурсов.

Основной задачей, обозначенной в программных документах на предстоящую пятилетку, является увеличение вклада туризма в экономику с 2,2% в 2016 году до 3,1% в 2021 году. Более того, руководством поставлена амбициозная цель – в 2035 году Республика Беларусь должна войти в число 100 дестинаций устойчивого туризма и в число 50 стран с наиболее высоким индексом конкурентоспособности в сфере путешествий и туризма [2; 3]. Проблемы конкурентоспособности Республики Беларусь на рынке туризма имеют место с 2010 года. Еще тогда выявлена тенденция снижения международных туристических потоков, при этом страна исходя из качества, количества и цены туристических услуг вполне может конкурировать на равных с любой соседней страной с учетом доступности интернета, создания условий безопасности для туристов, ценового диапазона услуг гостеприимства, повседневных расходов на жизнь. Исследуя проблему конкурентоспособности страны на рынке туризма, ученые все чаще прибегают к использованию «дестинационного подхода, который заключается в теоретическом моделировании субъектно-объектных отношений в сфере туризма на основе базовых категорий спроса и предложения, а также факторов производства с учетом их пространственной локализации» [4, с. 141].

Туристическая дестинация нами рассматривается как самоорганизующаяся экономическая система, элементы которой связаны туристическими потоками и существуют благодаря движению туристов в процессе технологии обслуживания, является частью туристическо-рекреационного комплекса

и включает в себя такие элементы, как туристическая индустрия, организации смежных отраслей, туристическо-рекреационные ресурсы. Функционирование и привлекательность туристической дестинации зависит от объемов въездных и внутренних туристических потоков. Более того, в программе «Беларусь гостеприимная» обозначен рост потребления туристических услуг путем стимулирования внутреннего спроса и увеличения въездных туристических потоков [3]. Для стимулирования внутреннего спроса необходимо наличие платежеспособного спроса населения и побудительных мотивов для туризма у населения, для роста въездных туристических потоков – наличие инфраструктуры, соответствующего развития маркетинга и регулирования законодательной базы. Увеличению туристических потоков в страну способствует и своевременное нормативно-правовое регулирование законодательной базы. С влиянием внешних факторов столкнулась сфера туризма в 2020 году: изменились условия, связанные с закрытием границ по причине эпидемиологической ситуации. Участники туристического рынка оказались в сложной экономической и правовой ситуации, которая является обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором), что освобождает туроператора и турагента (исполнителя) от ответственности за неисполнение взятых на себя обязательств, но не освобождает от обязательств по договору. Нами выявлено, что на состояние правового регулирования въезда в Республику Беларусь влияет ряд факторов, сложившихся к 2021 году, которые необходимо учитывать при осуществлении туристической деятельности. Это распространение коронавирусной инфекции, ограничения на въезд наземным транспортом, наличие визовых ограничений, ограничения по времени пребывания в стране, запрет полетов национального авиаперевозчика «Белавиа» в государства Европейского союза и рост нелегальной миграции через территорию Республики Беларусь [5]. Новая редакция Закона «О туризме» разграничивает обязанности туроператора и турагента, что дает возможность урегулирования многих вопросов, связанных с оказанием туристических услуг [6].

Исследование показало, что в 2020 году количество туристических организаций в Республике Беларусь снизилось на 196 ед. Число организованных иностранных туристов и экскурсантов, прибывших в страну и обслуженных организациями, осуществляющими туристическую деятельность, снизилось на 324500 чел., или на 80%. За указанный период количество рабочих мест в туристических организациях страны не сократилось, а, наоборот, возросло

с 243292 до 251902 чел. В 2021 году численность работников туристических организаций также снизилась до 247684 чел. Исследование структуры туристических потоков в настоящее время демонстрирует аналогичную ситуацию: выездные турпотоки превышают въездные. В 2021 году по отношению к 2020 г. число организаций, осуществляющих туристическую деятельность в стране, снизилось на 33 ед. и составило 1315. Численность туристов и экскурсантов, посетивших страну в 2021 году, снизилась на 9,6 тыс. чел., численность выехавших за границу составила 478,8 тыс. чел., увеличившись на 85,2%. Более того, численность внутренних туристических потоков, отправленных по маршрутам внутри страны, за данный год достигла 1187,9 тыс. чел. (рост 207,9%) [7].

Несмотря на достаточный объем исследований зарубежных и отечественных ученых проблематика оценки влияния туристической сферы на экономику региона достаточно актуальна и в настоящее время. Опыт исследования трудов ученых демонстрирует различные подходы к оценке показателей степени воздействия туризма на социальную и экономическую сферы, учитывая туристический потенциал территории, его культурно-природную, инфраструктурную составляющие. Привлекательность дестинации также зависит от уровня его социально-экономического развития, создающего определенный уровень жизни местного населения дестинации, формирования его компетенций и стимулирования деловой бизнес-среды.

Для оценки социально-экономических эффектов функционирования региональной дестинации нами исследованы показатели развития туризма в Витебской области. Социально-экономический эффект дестинации нами определяется как полезный результат воздействия туризма на экономическую и социальную сферы и проявляется в прямой, косвенной и скрытой формах, отражаемых через систему сбалансированных показателей, характеризующих повышение благосостояния местного населения и укрепление туристическо-рекреационного потенциала региона [8, с. 42]. Так, по числу организованных туристов, посетивших область и обслуженных туристическими организациями, Витебщина занимает 4-е место после г. Минска, Брестской, Гродненской областей. По численности направленных в туры в пределах территории – 3-е место после Брестской области и г. Минска, по числу отправленных за рубеж – 3-е место после г. Минска и Гомельской области в 2020 году [9]. Потенциал Витебской области характеризуется: по запасам поверхностных вод область занимает 1-е место по республике,

более 90% территории входит в зону Белорусского Поозерья. Количество озер составляет 1,5 тысячи, а это 89% всех озер Беларуси. Более того, в регионе расположена большая часть Березинского биосферного заповедника (Докшицкий и Лепельский районы), Национальный парк «Браславские озера», ландшафтные, биологические и гидрологические заказники республиканского и местного значения, причем Березинский биосферный заповедник имеет международный статус. Достаточно развит научно-исследовательский потенциал, включающий 5 государственных учреждений, обеспечивающих получение высшего образования и ведущих активную научно-исследовательскую деятельность. Туристический потенциал Витебской области дополняется конкурентоспособной инфраструктурой оздоровления и отдыха, включающей сеть санаторно-курортных, оздоровительных организаций и других организаций этого профиля, 112 единиц (24% от всех организаций республики). Успешен опыт развития агроэкотуризма, богатое историко-культурное наследие. На территории области находится 931 объект наследия, включенный в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Область занимает 2-е место среди регионов по количеству музеев. Целый ряд фестивалей имеет статус международных и 30-летнюю историю проведения. Витебская область характеризуется выгодным экономико-географическим положением и развитыми транспортными коммуникациями, способствующими туристическим перемещениям [10]. Наличие такого потенциала предполагает необходимость совершенствования методологии государственного регулирования регионального развития с переносом акцента на стимулирование региональных и местных инициатив с использованием хорошо зарекомендовавших себя за рубежом технологий и концепций территориального маркетинга, крауд-технологий, концепции «умной специализации», регионального и городского стратегического планирования [11]. Таким образом, есть возможность с учетом наличия ресурсного потенциала разрабатывать и принимать программы развития районов.

Исследование интенсивности туристических потоков доказывает влияние на уровень социально-экономического эффекта в регионе. Ресурсная база и структура туристическо-рекреационного комплекса каждого региона Республики Беларусь имеет все возможности для выполнения задач по увеличению туристических потоков и, как следствие, способствует образованию социально-экономических эффектов формирования региональной дестинации. Чем интенсивнее туристические потоки и более

привлекателен регион для туристов, тем устойчивее экономика региона, именно въездные и внутренние туристические посещения способствуют загрузке средств размещения, приводят к увеличению потребления товаров и услуг внутри региона, создавая дополнительный доход субъектам, обслуживающим туристов. Управленческим структурам выявленных нами непривлекательных регионов для посещений необходимо решать вопросы по созданию условий и возможности повторного и более длительного пребывания туристов на территории дестинации [12].

Исследованы дестинации Витебской области и проведена их группировка по коэффициенту туристических посещений (въездной и внутренний туризм) в соотношении с площадью территории района. Учитывая, что районы Витебской области имеют разные по размеру площади своих территорий и различные природно-географические условия для туризма, выделены три группы [13]. Дестинации 15 районов Витебской области попадают в группировку среднего и выше среднего уровня: Лепельский, Браславский, Оршанский, Глубокский, Полоцкий, Поставский, Шарковщинский, Миорский, Сенненский, Витебский, Чашникский, Бешенковичский, Россонский, Верхнедвинский, Гордокский. Необходимо изыскивать резервы и точки роста районам, получившим низкие показатели коэффициента туристических посещений по отношению к площади территории: Ушачский, Толочинский, Докшицкий, Лиозненский, Шумилинский.

Интерес представляет дестинация Докшицкого района, через который проходят автомобильные дороги республиканского значения Р3 Логойск – Глубокое – граница Латвии, Р29 Ушачи – Вилейка и Р86 Богусевск (от М8) – Лепель – Мядель. Через район проходит международная трасса М3, что способствует активным туристическим перемещениям.

Основу туристической привлекательности, на наш взгляд, составляет туристический потенциал района. Вторым аспектом привлекательности дестинации является то, как этот потенциал используется и воспринимается туристами. По состоянию за 2020 год туристическую деятельность в Докшицком районе осуществляли 3 организации со списочной численностью 7 человек. По экспорту туристических услуг район занимает 2-е место после Глубокского района (не считая г. Витебск и г. Новополоцк). В дестинации 12 агроэкосудеб за 2021 год воспользовались услугами со средней продолжительностью отдыха 5,3 дня 365 человек. Число зарегистрированных субъектов индивидуального предпри-

Таблица 1 – Рейтинг Докшицкого района по показателям социально-экономического развития

Среднегодовая численность населения на 01.01.2021 г.	Численность занятого населения за 2021 г.	Общий коэффициент рождаемости за 2019 г.	Количество организаций на 2021 г.	Число микроорганизаций, малых и средних за 2021 г.	Количество розничных торговых объектов за 2020 г.	Розничный товароборот организаций торговли за январь 2021 г.	Товарооборот общественного питания за 2020 г.	Номинальная начисленная средняя заработная плата за 2021 г.	Чистая прибыль организаций за 2020 г.	Интенсивность въездных и внутренних туристических потоков в среднем за 5 лет, коэф.
10-е место	9-е место	7-е место	10-е место	14-е место	7-е место	9-е место	5-е место	7-е место	10-е место	4-е место
Итоговый ранг: 8-е место из 21-го										

Источник: составлено авторами на основе статистических данных [14].

нимательства на начало 2020 года – 1590 ед., юридических лиц – 426 ед.

Для общей характеристики уровня социально-экономического развития дестинации Докшицкого района нами определен его рейтинг (из 21 района Витебской области за исключением городов Витебск и Новополоцк) по показателям, которые для экономического роста должны возрастать (таблица 1) по предложенным позициям.

Данные таблицы 1 показывают рейтинг среди 21 района Витебской области. Чем ниже занимаемое место, тем выше показатель. Докшицкий район занимает средние позиции среди районов Витебской области. По показателю интенсивности въездных и внутренних туристических потоков дестинация Докшицкого района занимает 4-е место (после Браславского, Лепельского и Глубокского районов). Причем район преуспевает по показателям объема товарооборота общественного питания (5-е место), количеству розничных торговых объектов и общему коэффициенту рождаемости (7-е место). Серединный показатель рейтинга получен по среднегодовой численности населения, количеству организаций и чистой прибыли организаций. Следует отметить, что нами не учтено число посетителей музеев, чтобы исключить двойной учет. Поскольку нами используются данные о туристических потоках из форм статистической отчетности (1-тур, 1-тур (размещение)) организаций, основным видом деятельности которых является туризм. При условии учета посещаемости музеев Полоцкий район

занимал бы лидирующие позиции по имеющимся объектам туристического показа.

Исследование показывает, что у Докшицкого района достаточно низкий коэффициент смертности, невысокая численность зарегистрированных безработных и количество зарегистрированных преступлений. Напротив, достаточно высокий удельный вес убыточных организаций и доля численности населения старше трудоспособного возраста.

Поскольку дестинация привлекательна для туризма при условии создания соответствующей инфраструктуры и комфортного проживания для местного населения, анализ динамики показателей социально-экономического развития Докшицкого района за 2021 год свидетельствует, что данный район демонстрирует более низкий уровень в сравнении с показателями Витебской области. Так, в Докшицком районе несколько снижены: темп роста номинальной начисленной среднемесячной заработной платы, индекс ввода жилья, численность практикующих врачей, индекс промышленного производства, розничный товароборот и оборот общественного питания, поступление иностранных инвестиций в реальный сектор экономики в расчете на 1 жителя. Напротив, следует отметить высокие показатели в Докшицком районе по сравнению с Витебской областью: индекса роста номинальной начисленной заработной платы, реальной заработной платы, рентабельности продаж. Положительным моментом является более низкий уровень безработицы дестинации Докшицкого района. Причем, по результатам переписи населения

2019 года, численность населения Витебской области по сравнению с 1999 годом снизилась на 17,5% и составляет 1135731 чел., в Докшицком районе за аналогичный период численность всего населения снизилась большими темпами на 35,1% и составляет 22463 чел. [15].

На наш взгляд, побудительным мотивом для туризма у населения является не только уровень совокупных доходов, но и уровень образования населения дестинации. По данным переписи 2019 года, послевузовское и высшее образование в Республике Беларусь имеют мужчины и женщины в возрасте 15 лет и старше 2076169 чел., со средним специальным 2388982 чел. (В 1999 г. высшее и послевузовское образование имели 1133504 чел., среднее специальное – 1803654 чел.) Причем темпы роста населения с высшим и послевузовским образованием увеличились по отношению к 1999 году на 83,2%, а со средним специальным – на 32,5% при снижающейся численности населения страны на 6,3%. В Витебской области за аналогичный период численность населения с высшим и послевузовским образованием увеличилась в 2,01 раза, а со средним специальным – на 45,1% при снижении численности населения на 17,5% [15]. По нашему мнению, высокий уровень образования у населения страны требует удовлетворения более высокого уровня потребностей и способствует росту туристических перемещений как минимум с познавательными и рекреационно-оздоровительными целями.

Проведенный анализ динамики туристических потоков, динамики показателей социально-экономического развития выбранной для исследования нами дестинации в косвенной форме отражает социально-экономические эффекты. Причем статистических данных не всегда достаточно для проведения таких исследований, а результаты опросов могут отражать субъективные оценки. Разработанная нами методика оценки совокупного потока посетителей дестинации с использованием нормативного потребления продуктов питания позволяет установить минимальное фактическое значение числа посетителей дестинации, определить уровень привлекательности ее для рекреации и туризма, получить данные для оценки прогнозных значений показателей прямого, косвенного и скрытого социально-экономического эффекта [16]. Учитывая то, что статистические данные предоставляются организациями, у которых основной вид деятельности туризм, и организованные туристические потоки являются малой частью неорганизованных туристических посещений, на примере дестинации Оршан-

ского района нами выявлено совокупное число посетителей дестинации в период высокого туристического сезона. Исходя из численности населения Оршанского района на начало 2020 года, 147799 человек, по состоянию на июль, дополнительно в дестинацию прибыли 20159 чел. в течение месяца, в то время когда выездной и въездной турпотоки были ограничены.

Поскольку примененный нами инструментарий с использованием пакета Excel для оценки совокупного потока посетителей дестинации по данной методике трудоемок во времени и требует ручного ввода данных статистических сборников ежемесячных данных, предлагается использование языка программирования Python для обработки экономической информации [17]. Разработанная программа позволяет в кратчайшие сроки выявить совокупный поток посетителей каждого района как туристической дестинации Витебской области исходя из данных розничного товарооборота продовольственных товаров и объемов товарооборота объектов общественного питания.

Оценка совокупного потока посетителей дестинации Докшицкого района. По имеющейся информации объема розничного товарооборота продовольственными товарами и объектов общественного питания в статистических бюллетенях за период с 2017 по 2021 год, структурируем данные следующим образом: для каждого года в отдельности создадим папку, название которой – две последние цифры номера года, например, – 2017 год соответствует папке с именем 17, 2018 г. – папке с именем 18 и т.д. Каждая такая созданная папка должна быть размещена в одной папке с программой (рисунок 1).

Содержимым каждой из данных папок должны быть файлы формата «.xlsx», имеющие название в формате: «январь-месяц_конецГГ», где месяц_конец – название месяца (с маленькой буквы), который является концом отчетного периода, а ГГ – год (число, соответствующее имени папки, в которой находится данный файл). Пример содержимого папки «17» приведен на рисунке 2.

Данные файлы должны быть получены путем конвертации файлов формата «.doc» («.docx»), содержащих сведения об основных показателях розничной торговли и общественного питания, в формат «.xlsx», что необходимо осуществить, воспользовавшись средством онлайн-конвертации файлов [18]. В случае если имеются файлы в формате «.pdf», нужно осуществить аналогичные действия, но предварительно преобразовав исходный файл в формат «.doc» («.docx»).

Имя	Дата изменения	Тип	Размер
17	Сб 22.10.22 15:03	Папка с файлами	
18	Сб 22.10.22 12:52	Папка с файлами	
19	Ср 05.10.22 12:16	Папка с файлами	
20	Ср 12.10.22 16:43	Папка с файлами	
21	Вс 23.10.22 18:23	Папка с файлами	
Tovarooborot.py	Сб 22.10.22 15:11	Python File	29 КБ

Рисунок 1 – Структура папок, содержащих исходные файлы [18]

Примечание. Составлено согласно статистическим бюллетеням за период 2017–2021 гг. (статистический бюллетень «Основные показатели розничной торговли и общественного питания Витебской области в январе – декабре 2017 г.»).

Имя	Дата изменения	Тип	Размер
январь-август17.xlsx	Сб 01.10.22 14:11	Лист Microsoft Ex...	38 КБ
январь-апрель17.xlsx	Сб 01.10.22 14:11	Лист Microsoft Ex...	39 КБ
январь-декабрь17.xlsx	Сб 01.10.22 14:11	Лист Microsoft Ex...	45 КБ
январь-июль17.xlsx	Сб 01.10.22 14:12	Лист Microsoft Ex...	38 КБ
январь-июнь17.xlsx	Сб 01.10.22 14:12	Лист Microsoft Ex...	40 КБ
январь-май17.xlsx	Сб 01.10.22 14:12	Лист Microsoft Ex...	37 КБ
январь-март17.xlsx	Сб 01.10.22 14:13	Лист Microsoft Ex...	38 КБ
январь-ноябрь17.xlsx	Сб 01.10.22 14:13	Лист Microsoft Ex...	40 КБ
январь-октябрь17.xlsx	Ср 05.10.22 12:35	Лист Microsoft Ex...	41 КБ
январь-сентябрь17.xlsx	Сб 01.10.22 13:23	Лист Microsoft Ex...	41 КБ
январь-февраль17.xlsx	Сб 01.10.22 15:17	Лист Microsoft Ex...	39 КБ
январь-январь17.xlsx	Вт 04.10.22 17:36	Лист Microsoft Ex...	30 КБ

Рисунок 2 – Содержимое папки «17» с файлами данных ежемесячного товарооборота за 2017 год

```

C:\Users\User\AppData\Local\Programs\Python\Python310-32\python.exe
Введите диапазон 5 лет в виде: 17-21, где 17 - 2017 год, 21 - 2021 год: 17-21
Введите название района в виде, например, Оршанский район: Докшицкий район
Введите индекс района (для корректного извлечения данных): 7
Введите количество районов в бюллетене (для корректного извлечения данных): 23
Введите данные по населению района "Докшицкий район" за 17-21гг. через запятую: 23389,23093,22731,22355,21823
  
```

Рисунок 3 – Пример ввода исходных данных после запуска программы

```

Введите диапазон 5 лет в виде: 17-21, где 17 - 2017 год, 21 - 2021 год: 17-21
Введите название района в виде, например, Оршанский район: Докшицкий район
Введите индекс района (для корректного извлечения данных): 7
Введите количество районов в бюллетене (для корректного извлечения данных): 23
Введите данные по населению района "Докшицкий район" за 17-21гг. через запятую: 23389,23093,22731,22355,21823
Обработка файла 17/январь-январь17.xlsx завершена успешно
Обработка файла 17/январь-февраль17.xlsx завершена успешно
Обработка файла 17/январь-март17.xlsx завершена успешно
Обработка файла 17/январь-апрель17.xlsx завершена успешно
Обработка файла 17/январь-май17.xlsx завершена успешно
Обработка файла 17/январь-июнь17.xlsx завершена успешно
Обработка файла 17/январь-июль17.xlsx завершена успешно
  
```

Рисунок 4 – Результат извлечения файлов и их обработка

После произведенных действий необходимо запустить программу в режиме командной строки (CLI) и продолжить работу в соответствии с ее запросами. После запуска программы необходимо ввести следующие данные (рисунок 3).

1. Ввод диапазона 5 лет, необходимых для извлечения данных и получения соответствующих показателей. Входные данные пользователя программы должны быть представлены в формате «НН-КК», где НН и КК – числа, представляющие собой две по-

следние цифры номера года, начало диапазона и его конец соответственно. Например, диапазон 2017–2021 гг. нужно записать в виде строки: «17–21».

2. Ввод названия района, например, «Докшицкий район» (необходимо обязательное присутствие слова «район»).

3. Ввод индекса района, т.е. его порядкового номера среди всех районов соответствующей области в статистическом бюллетене.

4. Ввод общего количества районов области.

5. Ввод через запятую и без пробелов данных по населению района за период, указанный в пункте 1.

Далее программой производится последовательное извлечение данных из файлов. По мере продвижения этого процесса пользователю выводятся информационные сообщения о том, что обработка каждого файла произведена успешно (показано на рисунке 4).

Алгоритм работы программы.

1. Ввод пользователем исходных данных: анализируемый период, полное название района, порядковый номер этого района среди всех районов соответствующей области и их общее число.

2. Извлечение остальных исходных данных из соответствующих файлов: на основании введенного пользователем анализируемого периода производится последовательное чтение файлов, содержащих исходные данные с помощью средств библиотеки «орепрухл» языка программирования Python. Необходимая для этого иерархия папок описана ранее. Чтение каждого из файлов происходит следующим образом:

2.1. Создается булева переменная *barier* и инициализируется значением *False*.

2.2. С первой строки (индекс в файле – 1) *xlsx*-файла осуществляется поиск в первом столбце (индекс в файле – *A*) одного из ключевых слов: «продовольственных», «питания», «кооперации». В случае если такое совпадение есть, необходимо обязательное присутствие слова «районам». Если и в этом случае условие выполнилось, то переменной *barier* присваиваем значение *True* и переходим к этапу 2.3.

2.3. Производим итерирование строк файла начиная со строки, следующей за строкой, в которой было выполнено данное условие п. 2.2 и до (*all_rajon* + 5)-й строки, где *all_rajon* – общее количество районов области (значение, введенное пользователем на 1-м этапе алгоритма). Если текущая ячейка содержит название района (то есть значение, введенное пользователем на 1-м этапе алгоритма), то в буферную переменную заносим содержимое соседней справа ячейки. Далее значение этой буфер-

ной переменной добавляем в словарь, являющийся, в свою очередь, словарем словаря *data*. Первым ключом словаря *data* является строка, представляющая собой год, а вторым ключом (то есть ключом, необходимым для получения словаря по первому ключу) – период, данные за который извлекаются на данном этапе алгоритма. Переменной *barier* присваиваем значение *False* и повторяем этап 2.2 до 250-й строки. В случае если программа достигла 250-й строки файла, осуществляется переход к этапу 2.4 данного алгоритма.

2.4. В случае когда программа прочла все файлы, данные которых необходимы для дальнейшего анализа, переходим к 3-му этапу алгоритма. Иначе возвращаемся на этап 2.1.

3. Извлеченные данные обрабатываются в соответствии с методикой расчета [16, с. 94].

4. С помощью средств библиотеки «*xlsxwriter*» языка программирования Python производим сохранение данных (исходных и выходных, графически и таблично) в файл формата *xlsx* в соответствии с его предусмотренной структурой, в каталог, в котором находится сам исполняемый файл программы.

5. Завершение работы программы.

Примечание. При выполнении этапов 2.2–2.3, в случае если в результате считывания данных ячейки *Ax*, где *x* – номер текущей строки, программе возвращается значение *None*, запускается цикл, последовательно перебирающий ячейки *Bx*, *Cx*, ..., *AZx* до тех пор, пока в одной из них не окажется отличное от значения *None* значение.

После результатов извлечения файлов и их обработки (рисунок 9) следует учесть: в случае если в каком-то файле найдена какая-либо ошибка из перечня, приведенного ниже, но при этом извлечение данных по району произведено успешно, пользователю сообщается о необходимости проверки содержимого файла после получения выходных данных в итоговом файле во избежание ошибки в расчетах (рисунок 5).

В ситуации когда в одном из статистических бюллетеней необходимых таблиц для извлечения данных оказалось меньше, чем в предыдущих статистических бюллетенях, пользователю выводится сообщение следующего характера (рисунок 6).

После завершения работы программы в папке, в которой размещен ее исполняемый файл, формируется *xlsx*-файл, содержащий извлеченные данные, а также итоговый результат – «Совокупные посетители дестинации Докшицкого района, чел.». Данные суммарного объема товарооборота и оборота общественного питания Докшицкого района показаны на рисунке 7.

ВНИМАНИЕ! ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕКОРРЕКТНОСТИ ДАННЫХ ПРОВЕРЬТЕ ФАЙЛ 18/январь-июль18.xlsx

Обработка файла 18/январь-июль18.xlsx завершена успешно

ВНИМАНИЕ! ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕКОРРЕКТНОСТИ ДАННЫХ ПРОВЕРЬТЕ ФАЙЛ 18/январь-август18.xlsx

Обработка файла 18/январь-август18.xlsx завершена успешно

Обработка файла 18/январь-сентябрь18.xlsx завершена успешно

ВНИМАНИЕ! ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕКОРРЕКТНОСТИ ДАННЫХ ПРОВЕРЬТЕ ФАЙЛ 18/январь-октябрь18.xlsx

Обработка файла 18/январь-октябрь18.xlsx завершена успешно

ВНИМАНИЕ! ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕКОРРЕКТНОСТИ ДАННЫХ ПРОВЕРЬТЕ ФАЙЛ 18/январь-ноябрь18.xlsx

ВНИМАНИЕ! ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕКОРРЕКТНОСТИ ДАННЫХ ПРОВЕРЬТЕ ФАЙЛ 18/январь-ноябрь18.xlsx

Рисунок 5 – Вывод протокола обработки файлов

Проверьте файл "20\январь-сентябрь", поскольку чего-то может не хватать для корректных расчетов!

Проверьте файл "20\январь-октябрь", поскольку чего-то может не хватать для корректных расчетов!

Проверьте файл "20\январь-ноябрь", поскольку чего-то может не хватать для корректных расчетов!

Проверьте файл "20\январь-декабрь", поскольку чего-то может не хватать для корректных расчетов!

Рисунок 6 – Предупреждение программы об изменении структуры файлов с данными

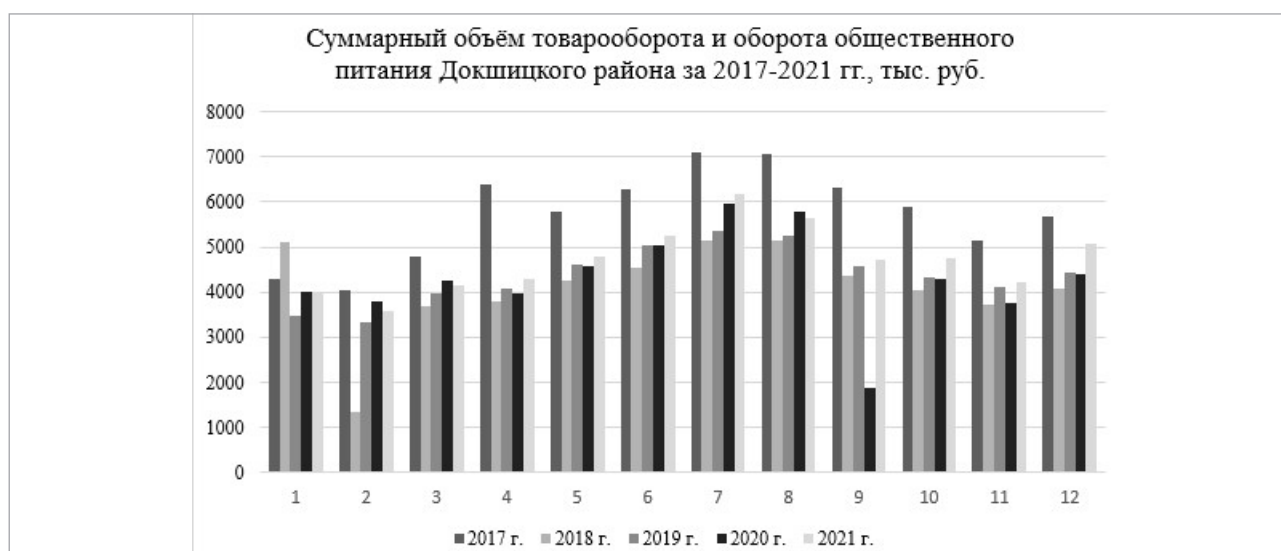

Рисунок 7 – Эмпирические данные исследования

B29														
	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	
28														
29		2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.								
30		Численность населения, чел. на начало года												
31		23 389	23 093	22 731	22 355	21 823								
32														
33	2017 г.	184,2234	173,3635	204,5662	272,8505	246,6972				269,5113	252,2853	220,5139	242,1053	
34	Дней/мес	31	28	31	30	31	30	31	31	30	31	30	31	
35	Ср.вес/осен	5,942689	6,191555	6,598911	9,095016	7,957973				8,98371	8,138234	7,350464	7,809847	
36	Ср.вес/осен	7,157229								8,070564				
37	Средн	7,613896												
38							5342443	5520524	5520524					
39	чел						939 857	1577 976	1546 476					
40		2017					4 115	6 685	6 552					

Рисунок 8 – Результат расчетов посетителей дестинации в высокий туристический сезон

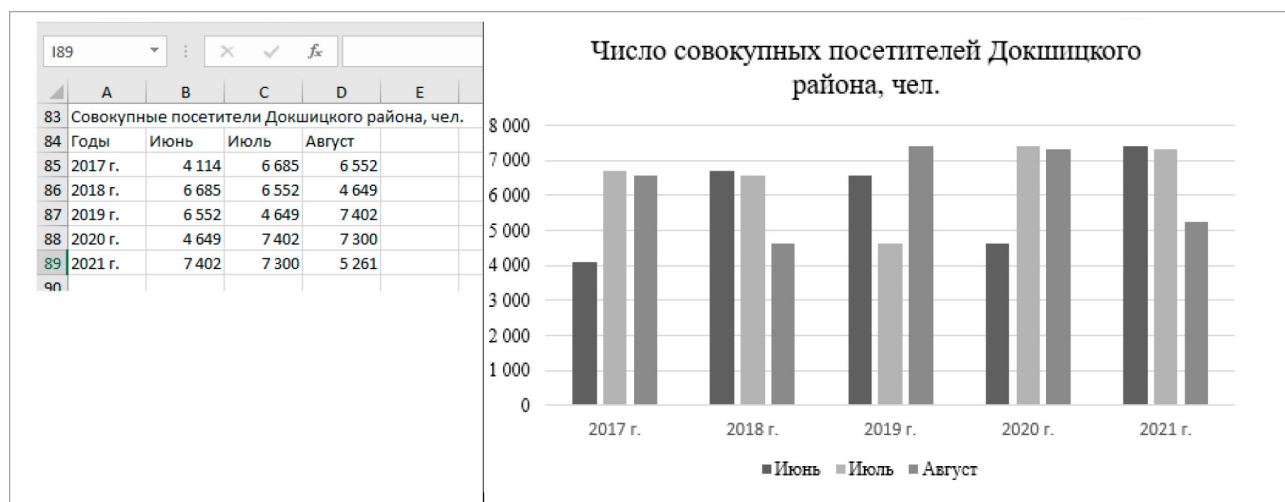

Рисунок 9 – Результат расчета совокупных посетителей дестинации Докшицкого района и их динамика в летние месяцы за период 2017–2021 годов

Источник: составлено авторами на основе расчетов программы.

Рисунок 7 демонстрирует повышенный спрос на продовольственные товары и посещение объектов питания посетителями дестинации Докшицкого района в летние месяцы.

На примере данных за 2017 год на рисунке 8 программой представлены следующие результаты расчета совокупных посетителей дестинации Докшицкого района.

Таким образом, количество посетителей в высокий туристический сезон в Докшицком районе показано на рисунке 9.

Данные рисунка 9 позволяют увидеть возрастающую тенденцию совокупных посетителей с августа 2019 года. В июне 2020 года в связи с ограничительными мерами посещение объектов питания и проведение выпускных вечеров школьников не были рекомендованы (число посетителей 4649 человек). Учитывая общую численность населения дестинации Докшицкого района в пределах 21 тысячи человек, нами установлено, что дополнительно 30% посетителей пребывают на данной территории в высокий туристический сезон, что не учитывается в статистических формах отчетности туристических организаций. Летние месяцы 2021 года демонстрируют прирост совокупных посетителей в пределах 7 тысяч человек, что хоть и косвенно, но характеризует уровень привлекательности дестинации для совокупного потока посетителей.

Заключение. Таким образом, въездные и внутренние туристические потоки региональной дестинации способствуют образованию социально-экономических эффектов в ней. Напротив, статистические данные согласно отчетности позво-

ляют учитывать только организованные туристические потоки, а это лишь часть посетителей района. Более того, предложенный нами способ оценки совокупных посетителей с помощью проектирования алгоритмов обработки данных и их реализации на языке программирования Python позволил оценить степень привлекательности дестинации для туризма, установить количество гостей Докшицкого района, сократить трудоемкость исследования. Наличие разработанного программного продукта позволяет проводить расчет посетителей в различных районах Витебской области и выявлять степень социально-экономического эффекта функционирования туристической дестинации, давать основу для принятия управленческих решений. Результаты оценки совокупного потока посетителей туристической дестинации Докшицкого района позволяют обоснованно говорить о непосредственном влиянии темпа изменения количества туристических посещений на степень социально-экономического развития туристической дестинации и коррелируют с показателями объема розничного товарооборота и оборота объектов общественного питания. Цифровые технологии набирают популярность как инструменты для расчетов экономических показателей. Применение языка программирования Python и разработанной с его помощью программы обработки статистической информации позволит разработать информационную систему по эффективной автоматизации сбора, хранения, обработки и поиска данных. Подобная информационная система может способствовать своевременному принятию управленческих решений. Результаты, полученные

в исследовании, могут быть использованы при разработке программы развития туризма в районе, а также могут найти применение при обосновании плана розничного товарооборота торговли и общественного питания в высокий туристический сезон, создания соответствующей инфраструктуры, учитывая механизм взаимодействия взаимосвязанных показателей.

Исследование проводится в рамках темы НИР «Финансово-экономическое и организационное обеспечение формирования и использования инвестиционного, инновационного и человеческого потенциалов социально-экономических систем: национальный и региональный аспекты», № гос. рег. 20213684.

Литература

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г., № 292 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292>. – Дата доступа: 09.09.2022.
2. Национальная стратегия развития туризма в Республике Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belarustourism.by/news/>. – Дата доступа: 09.09.2022.
3. О Государственной программе «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 58 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа <https://pravo.by://normativka.by/lib/document/500299987>. – Дата доступа: 01.02.2022.
4. Тарасенок, А.И. Оценка конкурентоспособности национальной туристической дестинации Республики Беларусь / А.И. Тарасенок // Белорус. экон. журн. – 2018. – № 2. – С. 139–151.
5. Бондаренко, В.М. Современное состояние нормативно-правового регулирования выезда и въезда в Республику Беларусь иностранных граждан с целью туризма и практические аспекты его реализации / В.М. Бондаренко // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2021. – № 3(73). – С. 37–41.
6. О туризме [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2021 г., № 129-З: принят Палатой представителей 4 окт. 2021 г.: одобрен Советом Респ. 28 окт. 2021 г. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=h12100129&p1=1>. – Дата доступа: 26.08.2022.
7. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь, 2022 [Электронный ресурс]: буклет // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/statisticheskie-izdaniya/index_54360/. – Дата доступа: 10.09.2022.
8. Янкевич, Е.М. Методика оценки социально-экономических эффектов туристической региональной дестинации / Е.М. Янкевич // Вестн. БГЭУ. – 2021. – № 4. – С. 40–49.
9. Развитие туризма, деятельность туристических организаций, коллективных средств размещения Республики Беларусь за 2020 год [Электронный ресурс]: стат. бюл. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.09.2022.
10. Стратегия устойчивого развития Витебской области на 2016–2025 годы [Электронный ресурс]: проект. – Витебск, 2015. – Режим доступа: <https://docplayer.com/44311405-Strategiya-ustoychivogo-razvitiya-vitebskoy-oblasti.html>. – Дата доступа: 15.08.2022.
11. Фатеев, В.С. Приоритеты государственной региональной политики в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / В.С. Фатеев // Науч. труды Белорус. гос. экон. ун-та / [редкол.: В.Н. Шимов (гл. ред.) и др.]; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск, 2019. – Вып. 12. – С. 430–437.
12. Карпович, А.О. Интенсивность туристических потоков как фактор формирования социально-экономических эффектов / А.О. Карпович // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов, Витебск, 22 апр. 2022 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – С. 579–580.
13. Огурцова, А.Ю. Оценка привлекательности регионов Витебской области для туризма / А.Ю. Огурцова // XVI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 21 окт. 2022 г.: в 2 т. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – Т. 2. – С. 295–397.
14. Регионы Республики Беларусь, 2021 [Электронный ресурс]: стат. сб.: [в 2 т.] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2021. – Т. 1: Социально-экономические показатели. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41220/. – Дата доступа: 14.09.2022.
15. Итоги переписи населения Республики Беларусь за 2019 год: стат. сб. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь / Минск, 2021. – Т. 2. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/e2c/jrupn3rl7trtmxepj6vmh07qy6u5o09i.pdf>. Дата доступа: 20.10.2022.
16. Янкевич, Е.М. Методика оценки неорганизованных посетителей туристической дестинации / Е.М. Янкевич // Вестн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2022. – № 1. – С. 92–102.
17. Карпович, А.О. Способы обработки экономической информации посредством применения языка программирования PYTHON / А.О. Карпович // XVI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 21 окт. 2022 г.: в 2 т. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – Т. 1. – С. 31–32.
18. Convert WORD to EXCEL online & free [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online2pdf.com/convert-word-to-excel>. – Дата доступа: 10.10.2022.
19. Openpyxl – A Python library to read/write Excel 2010 xlsx/xlsm files [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openpyxl.readthedocs.io/en/stable/>. – Дата доступа: 10.10.2022.
20. Creating Excel files with Python and XlsxWriter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xlsxwriter.readthedocs.io/>. – Дата доступа: 15.10.2022.

Поступила в редакцию 24.10.2022

Методы оценки человеческого капитала организаций

Павлыш Э.В.¹, Грибко Л.В.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

В статье раскрыты подходы к оценке человеческого капитала организаций как фактора инновационного развития на микро-, мезо- и макроуровне. Рассмотрены и систематизированы существующие методики оценки человеческого капитала. Выработаны критерии и осуществлена классификация методик исходя из приоритетных признаков оценки.

Цель работы – систематизация существующих методов оценки стоимости человеческого капитала организации и характеристика возможностей их практического применения.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области методов оценки человеческого капитала организаций, статистические данные по теме исследования. Используемые методы: обобщение, индукция, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Для оценки стоимости человеческого капитала в современных условиях применяется ряд показателей, к основным категориям которых относятся показатели состава организации, характеристика социальной инфраструктуры, коллективные характеристики и профессиональные качества. В работе были рассмотрены методики оценки человеческого капитала через будущий доход его носителя, методика оценки индивидуальной стоимости работника, затратный и поэтапный подходы, метод оценки потенциала работника, оценка кадрового потенциала организации, методика поэтапной оценки формирования человеческого капитала В.В. Богатырёвой и некоторые другие. Анализ существующих методик позволил выделить четыре основных критерия для их группировки: на основе затрат, на основе доходов, на основе индивидуальных качеств работника и на основе показателей рынка.

Заключение. Все существующие методы оценки человеческого капитала, несмотря на общие классификационные признаки, абсолютно разные и имеют свои особенности, преимущества и недостатки. Применение существующих методик на практике вызывает определенные сложности, а общепринятого подхода к оценке до сих пор не существует, что обусловлено отсутствием единого определения и универсальной структуры человеческого капитала. Перспективным направлением исследования является разработка унифицированных методических рекомендаций к определению стоимости человеческого капитала организации.

Ключевые слова: человеческий капитал, профессиональные качества, кадровый потенциал, затратный подход, показатели рынка.

Methods of Evaluation of the Human Capital of Organizations

Pavlysh E.V.¹, Gribko L.V.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Education Establishment "Belarusian State Economic University"

The article discusses approaches to evaluation of the human capital of organizations as a factor of innovative development at the micro, meso and macro levels. Existing methods for assessing human capital are considered and systematized. Criteria have been developed and methods have been classified based on the priority characteristics of the assessment.

The purpose of the work is to systematize the existing methods for assessing the value of the human capital of an organization and to characterize the possibilities of their practical application.

Material and methods. Scientific works of domestic and foreign scientists in the field of methods for assessing the human capital of organizations, statistical data on the research topic. Research methods: generalization, induction, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. To assess the value of human capital in modern conditions, a number of indicators are used, the main categories of which include indicators of the composition of the organization, characteristics of social infrastructure, collective characteristics and professional qualities. The paper considered methods for assessing human capital through the future income of its carrier, a method for assessing the individual value of an employee, cost and element-by-element approach, a method for assessing a potential of an employee and of an organization, a method for a stage-by-stage assessment of the formation of human capital V.V. Bogatyreva and some others. An analysis of existing methods made it possible to identify four main criteria for their grouping: based on costs, based on income, based on the individual qualities of the employee and based on market indicators.

Conclusions. All existing methods for assessing human capital, despite the general classification features, are completely different and have their own characteristics, advantages and disadvantages. The application of existing methods in practice causes certain difficulties, and there is still no generally accepted approach to assessment, due to the lack of a single definition and universal structure of human capital. A promising area of research is the development of unified guidelines for determining the value of the human capital of an organization.

Key words: human capital, professional qualities, personnel potential, cost approach, market indicators.

На современном этапе развития национальные экономические системы испытывают серьезное давление со стороны внешних и внутренних угроз, вызванных системной трансформацией социально-экономических отношений под воздействием цифровых технологий, геополитической нестабильностью, ростом конкуренции на целевых рынках. В этих условиях именно человеческий капитал играет ключевую роль в обеспечении социально-экономического развития страны на инновационной основе и, следовательно, влияет на темпы экономического роста и определяет уровень конкурентоспособности на микро-, мезо- и макроуровне. Отечественными и зарубежными учеными доказан тот факт, что человеческий капитал в большей степени влияет на финансовые результаты, нежели физический, поэтому всестороннее исследование данной категории вызывает повышенный интерес.

Трудовые ресурсы высокой квалификации, способные творчески мыслить и принимать нестандартные решения, являются главным фактором развития и эффективного управления производством. Вместе с тем формирование стратегии развития человеческого капитала организации невозможно без его количественной характеристики. Исходя из вышеизложенного, целью данной статьи является систематизация существующих методов оценки стоимости человеческого капитала организации и характеристика возможностей их практического применения.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области методов оценки человеческого капитала организаций, а также статистические данные по теме исследования. Используемые методы: обобщение, индукция, общенаучные методы анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение. Определение стоимости человеческого капитала организации играет важную роль в ее развитии (рисунок 1).

Для оценки стоимости человеческого капитала в современных условиях используется ряд показателей, основные категории которых, в частности, отражены в работе Т.В. Кокуйцевой и А.В. Невеорова и графически упорядочены авторами данной статьи на рисунке 2.

По мнению Г. Беккера и Б. Чисуика, для владельцев человеческого капитала «общий заработок любого лица после окончания его инвестирования в человеческий капитал равен сумме доходов на эти инвестиции и заработков от его начального человеческого капитала» [цит. по: 1, с. 5].

И. Фишер предложил методику, основанную на оценке человеческого капитала через будущий доход его носителя. Использование человеческого капитала рассматривается как получение процента от универсальной формы любого дохода (например, заработной платы, ренты, прибыли и т.д.). Таким образом, дисконтируемая сумма будущих доходов и есть величина человеческого капитала [цит. по: 2, л. 37].

Дисконтирование осуществляется по формуле:

$$D_c = D_t / (1 + i)^T, \quad (1)$$

где D_c – величина дохода на сегодняшний день,

D_t – будущая величина дохода,

i – текущая процентная ставка,

t – число лет [3].

Ученые Мичиганского университета разработали методику оценки индивидуальной стоимости работника, в основу которой положены условная и реализуемая стоимости. Данная методика предполагает, что ценность отдельного работника равна ожидаемому объему услуг, который он предоставит и реализует за время работы на предприятии.

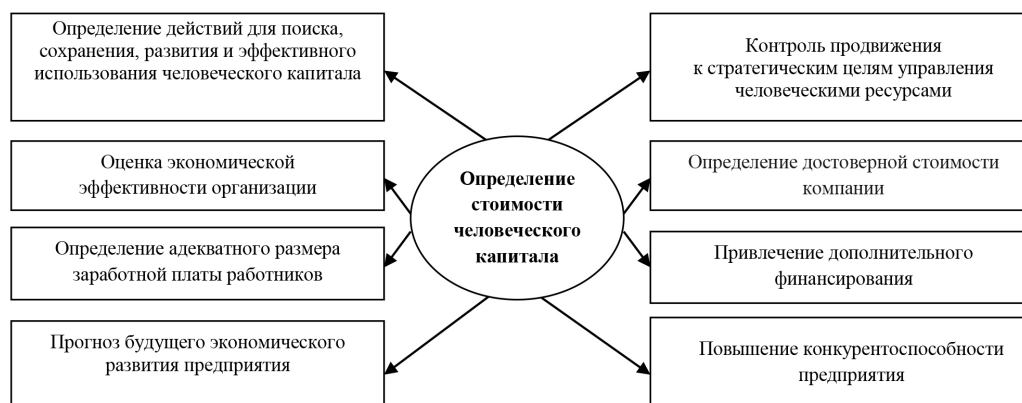

Рисунок 1 – Роль определения стоимости человеческого капитала в развитии организаций
Примечание: разработка авторов на основе специально изученной литературы.

Ожидаемая реализуемая стоимость, выраженная ожиданием руководства относительно части доходов, реализованной до предполагаемого ухода сотрудника, определяется ценностью работника с учетом ожидаемого количества времени работы на предприятии и включает в себя следующие элементы: ожидаемую условную стоимость и вероятность продолжения работы на предприятии.

$$PC = UC \times P(O), \quad (2)$$

$$P(T) = 1 - P(O), \quad (3)$$

$$АИТ = UC - PC = PC \times P(T), \quad (4)$$

где UC и PC – ожидаемые условная и реализуемая стоимости;

$P(O)$ – вероятность того, что работник останется работать в организации через некоторый промежуток времени;

$P(T)$ – вероятность ухода работника из организации или показатель текучести;

АИТ – альтернативные издержки текучести.

На основании данного метода работник с наибольшим потенциалом не всегда будет наиболее полезен компании, поскольку стоимость человеческих ресурсов представляет собой вероятностную величину. Это объясняется тем, что невозможно достоверно определить срок работы сотрудника, т.к. он зависит от многих факторов, которые определить практически невозможно. Поэтому данный метод оценки человеческого капитала помогает лишь примерно спрогнозировать индивидуальную стоимость работника [4].

Затратный подход нашел отражение в работах К.Н. Чигоряева, Н.А. Скопинцева и В.В. Ульященко.

Главным преимуществом данного подхода является то, что стоимостная оценка человеческого капитала может быть интегрирована с оценкой других источников, таких как основной и оборотный капитал.

Для оценки человеческого капитала с помощью затратного подхода необходимо все затраты на человеческий капитал разделить на три группы:

– фонд оплаты труда – все выплаты работникам, в том числе заработная плата, премии, надбавки и т.д.;

– затраты на интеллектуальный капитал – затраты на обучение, переподготовку, участие в семинарах, затраты на научно-исследовательскую работу, специальную литературу, периодические издания и т.д.;

– затраты на «капитал здоровья» – затраты, связанные с охраной здоровья, улучшением жилищных условий работников, организацией спортивных мероприятий и т.д.

Так как каждый элемент затрат имеет определенную отдачу, также ввели весовые коэффициенты отдачи для каждого вида затрат. Значения данных коэффициентов определяются на основании величины отдачи каждого элемента в человеческий капитал организации, при этом необходимо учитывать такие факторы, как этап жизненного цикла предприятия, направление его работы, уровень наукоемкости продукции, «размер» предприятия и т.д. Кроме того, средний возраст работников предприятия влияет на «капитал здоровья», а средний уровень образования – на интеллектуальный капитал.

Рисунок 2 – Основные показатели, применяемые для оценки человеческого капитала организации

Примечание: разработка авторов на основе [5, с. 31].

Таким образом, формула для количественного определения человеческого капитала была представлена в следующем виде:

$$HC = \beta_1 A + \beta_2 a_1 B + \beta_3 a_2 C, \quad (5)$$

где HC – человеческий капитал организации;

A – фонд оплаты труда предприятия;

B – затраты предприятия на интеллектуальный капитал;

C – затраты предприятия на «капитал здоровья»;

β_1 – отдача от затрат на фонд оплаты труда;

β_2 – отдача от затрат на интеллектуальный капитал;

β_3 – отдача от затрат на «капитал здоровья»;

a_1 – параметры, отображающие зависимость отдачи затрат от уровня образования;

a_2 – параметры, отображающие зависимость отдачи затрат от возраста [6, с. 55].

В экономической литературе также встречается другой метод оценки на основе подсчета затрат на человеческий капитал, который может быть осуществлен двумя способами: прямым и косвенным. Косвенный метод предполагает отношение рыночной стоимости организации к затратам на создание организации и его деятельность с нормальной прибылью (стоимость замещения данной организации). Для этого применяется показатель q – коэффициент Д. Тобина.

Если $q < 1$ и организация стоит дешевле, чем ее замещение, то организация имеет низкий кадровый потенциал, соответственно, является инвестиционно непривлекательной. Если $q > 1$, то организация инвестиционно привлекательна в силу высокого уровня человеческого капитала.

Прямой метод предполагает подсчет всех затрат, которые необходимы для создания человеческого капитала организации. К таким затратам относятся расходы на все виды оплаты труда персонала и связанные с ними налоги, расходы на повышение квалификации, улучшение условий труда и т.д.

Таким образом, номинальная годовая величина человеческого капитала организации может быть рассчитана по следующей формуле:

$$K_n = C_n \times (\Phi_o + \Phi_m + Z_d + Z_o) / \text{Чф}, \quad (6)$$

где Φ_o – фактическое либо плановое значение годового фонда оплаты труда всего персонала;

Φ_m – фактическое либо плановое значение годового фонда стимулирования труда всего персонала;

Z_d – годовые затраты на оплату труда и поощрение работников из других источников финансирования;

Z_o – годовые затраты на все виды обучения работников;

Чф – фактическая среднегодовая численность всех сотрудников организации [7, с. 20].

Н.Ф. Чеботарёв предложил следующий метод. Для оценки человеческого капитала необходимо оценить каждый его структурный элемент в отдельности. Среди элементов он выделил:

- интеллектуальный капитал;
- структурный капитал;
- социальный капитал;
- клиентский (рыночный) капитал.

Интеллектуальный капитал оценивается в три этапа:

1) определяются фактические затраты на создание, приобретение, введение в действие и использование объектов интеллектуальной собственности;

2) рассчитывается коэффициент, учитывающий степень морального старения нематериального актива;

3) определяется остаточная стоимость объекта нематериального актива.

Также при оценке стоимости нематериального актива можно применить метод затратного подхода – выигрыш в себестоимости. С помощью данного метода стоимость нематериального актива можно измерить экономией на затратах в результате его использования.

Структурный капитал может быть оценен на основе вклада организационного ресурса в добавленную стоимость.

Социальный капитал представляет собой количественные и качественные характеристики социальных взаимодействий. Уровень развития социального капитала определяется через доверие, гражданскую активность, партнерство и социальные связи.

Клиентский капитал представляет собой часть Гудвилла предприятия и определяется доходом от продаж продукции постоянным клиентам [8, с. 268].

В. Алавердян предложил методику оценки стоимости кадрового потенциала коммерческого предприятия. Под стоимостью кадрового потенциала предприятия понимается совокупная оценочная стоимость всех работников предприятия.

Оценочная стоимость работника рассчитывается следующим образом:

$$S = 3П \times Г_{кп}, \quad (7)$$

где S – оценочная стоимость работника;

3П – заработная плата работнику;

$Г_{кп}$ – коэффициент Гудвилла кадрового потенциала работника – отображает реальную, рыночную, индивидуальную стоимость работника

не как сотрудника организации, а как человека с определенными навыками и умениями [9].

В.В. Царев и А.Ю. Евстратов для оценки человеческого капитала предприятия предложили определить дисконтированную стоимостную оценку потенциала индивидуального работника за время получения профессионального образования и работы на предприятии по следующей формуле:

$$C = (K + K1) + Д + П + И, \quad (8)$$

где C – дисконтированная стоимостная оценка потенциала индивидуального работника за время получения профессионального образования и работы на предприятии;

K – приравненные к капитальным дисконтированные затраты денежных средств, потраченные за все время профессионального обучения;

$K1$ – приравненные к капитальным дисконтированные затраты денежных средств, израсходованные на учебно-методические пособия, оплату общежития, канцелярию и т.д.;

$Д$ – полученные работником в течение какого-либо времени работы в организации, совокупные дисконтированные доходы;

$П$ – доля дисконтированной валовой прибыли за год, которую создал работник;

$И$ – инвестиции, направленные на повышение квалификации сотрудника предприятия [3].

В.В. Богатырёва для оценки человеческого капитала предложила использовать методику теории нечетких множеств. Несмотря на то, что для характеристики человека требуется намного больше факторов, чем для описания материального ресурса, в качестве узловых точек были обобщенно предложены следующие факторы:

- «образование»;
- «производительность труда»;
- «своевременность выполнения задания»;
- «точность выполнения задания»;
- «творческий подход при выполнении задания»;
- «стаж работы в рассматриваемой отрасли»;
- «повышение уровня профессиональной подготовки»;
- «применение полученных знаний на практике»;
- «желание обучаться»;
- «желание обучать»;
- «стаж работы всего»;
- «возраст»;
- «рекомендации».

Стадии формирования человеческого капитала включают: приобретение, содержание, развитие, сохранение, поэтому В.В. Богатырёва предлагает учитывать формирование человеческого капитала

по каждой стадии. Исходя из этого, была разработана методика оценки человеческого капитала, которая базируется на применении основ теории нечетких множеств. Таким образом, стоимость человеческого капитала равна сумме результатов оценки вышеперечисленных факторов.

Человеческий капитал на стадии приобретения определяется накопленной стоимостью человеческого ресурса, которая представляет собой сумму стоимости образования и накопленной стоимости за время трудовой деятельности. При расчете таких факторов, как «образование», «стаж работы в рассматриваемой отрасли», «стаж работы всего», «возраст», «рекомендации», рассчитывается стоимость данного этапа. Причем человеческий капитал на данной стадии формируется при помощи всего объема приобретенных человеческих ресурсов принимаемого работника.

На этапе содержания стоимость человеческого капитала равна приросту стоимости человеческого ресурса, который ведет к увеличению дохода организации. На данной стадии оцениваются такие факторы, как «производительность труда», «своевременность выполнения задания» и «точность выполнения задания», при этом уже накопленная стоимость может измениться как в большую сторону, так и в меньшую, а стоимость человеческого ресурса будет увеличиваться главным образом за счет величины оплаты труда.

На стадии развития, также как и на предыдущей стадии, стоимость человеческого капитала будет определена приростом стоимости человеческого ресурса и оцениваются следующие факторы: «повышение уровня профессиональной подготовки», «применение полученных знаний на практике», «желание обучаться», «желание обучать», «творческий подход при выполнении задания». Расходы организаций на повышение квалификации сотрудника, также как и оплата труда на стадии содержания, будут увеличивать стоимость человеческого ресурса. Однако данные вложения могут как принести доход нанимателю, так и остаться только расходами организации.

На стадии сохранения увеличение человеческого капитала возможно только для работников, которые внесли весомый вклад в развитие организации. Чем больше расходы на сохранение, тем выше стоимость человеческого капитала работника [10, с. 50–51].

Также необходимо рассмотреть метод конкурентной оценки стоимости человеческого капитала, в основе которого лежит совокупная оценка издержек и возможных потерь при увольнении

сотрудника из организации. При использовании данного метода должны быть рассчитаны следующие показатели:

- все затраты на работников, которые осуществляет главный конкурент;
- индивидуальная премия работнику, которая будет выплачена конкурентами за переход в их организацию;
- расходы на поиск нового сотрудника (на место ушедшего в другую организацию);
- издержки, понесенные из-за временного отсутствия работника на время поиска и обучения нового сотрудника;
- ущерб от потери уникальных производственных навыков и умений, накопленного опыта и потенциала, которые работник унесет в другую организацию;
- потенциальная потеря части своего рынка и укрепление позиций конкурента;
- изменение организационных эффектов синергии и эмерджентности (увеличение взаимного влияния и появления качественно новых характеристик) социальной группы, членом которой был работник [11, с. 45–46].

В основе метода первоначальных и восстановительных издержек на персонал лежат издержки фирмы на приобретение и замену сотрудников.

К первоначальным издержкам относятся затраты на подбор, приобретение и предварительное обучение сотрудников, к восстановительным – сегодняшние затраты, направленные на замену специалиста, способного более эффективно выполнять аналогичные задачи. К восстановительным относятся издержки приобретения нового сотрудника, его адаптация и обучение, а также издержки, связанные с уходом предыдущего сотрудника. Кроме того, восстановительные издержки разделяются на два вида в зависимости от объекта, к которому они относятся, а именно: позиционные (относятся к рабочему месту, позиции в организации, а не к самому работнику) и личностные (учитывают воз-

можные потери организации от недоиспользования потенциальных возможностей ушедшего работника на другом рабочем месте). Так как определить личностные издержки достаточно сложно, чаще используют позиционные [12, с. 46].

К основным методам в экономической литературе также относят метод, базирующийся на оценке стоимости человеческого капитала в процессе испытаний в бизнес-окружении. Данная оценка может быть рассчитана следующими способами:

- по определенным результатам, полученным работником. В данном случае рассчитывается прибыль, которую конкретный работник принес организации, либо оценивается рост стоимости активов организации, включая интеллектуальные. Такая оценка популярна в бизнесе, однако часто бывает ошибочной;
- посредством современных информационных технологий. Данный способ опирается на оценку результатов деятельности менеджера в максимально приближенных к реальности условиях работы [13, с. 68].

Использование метода конкурентной перспективной стоимости человеческого капитала предоставляет возможность учитывать динамику стоимости человеческого капитала в перспективе. Такую оценку целесообразно использовать в организациях, которые разрабатывают крупномасштабные и долгосрочные проекты [11, с. 46].

Сравнительный подход к оценке человеческого капитала предполагает сравнение объекта оценки с конкурентами. Для сравнения выбирается организация, схожая по экономическим, материальным, техническим и другим показателям, позволяющим определить его стоимость. Главным образом сравниваются продажи. Сравнительный подход предполагает использование информации об аналогичных сделках. Однако при оценке интеллектуальных активов этот метод фактически невозможно применить, поскольку почти невоз-

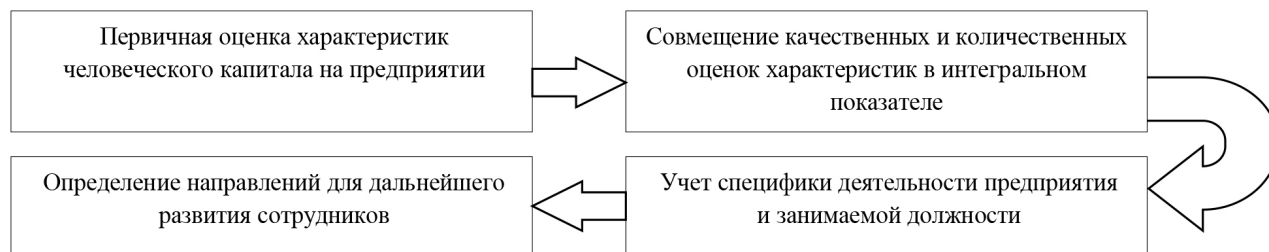

Рисунок 3 – Задачи, стоящие перед предприятием при оценке человеческого капитала

Примечание: разработка авторов на основе [15, с. 72].

Таблица 1 – Классификация, преимущества и недостатки методов оценки человеческого капитала

ПРИЗНАК ОЦЕНКИ	МЕТОД ОЦЕНКИ	ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ
На основе доходов	Подход Г. Беккера и Б. Чисуика	– Учитываются только инвестиции индивида
	Метод дисконтируемой суммы денежных доходов	– Учитываются только будущие доходы носителей, и не учитываются образование, здоровье и т.д.
	Методика оценки индивидуальной стоимости работника	– Позволяет лишь примерно спрогнозировать индивидуальную стоимость работника
	На основе испытаний в бизнес-окружении по результатам, полученным работником	+ Простой в понимании – Часто оценка бывает ошибочной
На основе показателей индивида и стоимости отдельных элементов	На основе испытаний в бизнес-окружении по оценке компетенций работника	– Возможен риск реальных убытков
	Методика теории нечетких множеств	– Значения некоторых факторов являются не полностью известными
	Оценка структурных элементов в отдельности	+ Позволяет подробно рассмотреть человеческий капитал – Усложнен расчет определенных показателей, часть которых рассчитывается косвенно
	Методика оценки стоимости кадрового потенциала	– Отображает реальную, рыночную, индивидуальную стоимость работника не как сотрудника организации, а как человека с определенными навыками и умениями
На основе затрат	Затратный подход	+ Относительная простота расчетов, стоимостная оценка величины человеческого капитала может быть интегрирована с оценками других источников – Отсутствие прямой зависимости между объемом инвестиций в здравоохранение и «капиталом здоровья»
	Метод подсчета затрат	+ Простота способа – Неполная оценка реальной величины человеческого капитала, часть которой может не использоваться в конкретной организации
	Метод конкурентной оценки	+ Учитывается потеря уникального опыта работника и сложнейшей системы взаимодействия сотрудника с другим персоналом – Величина человеческого капитала высококвалифицированных работников организации в области топ-менеджмента, инновационных и интеллектуальных процессах, информационных системах получается далекой от реальности
	Метод первоначальных и восстановительных издержек	– Учитывает расходы организации, связанные не с содержанием персонала, а с его приобретением и заменой
	Метод конкурентной перспективной стоимости	– Избирательность применения, неравномерность получения результатов и доходов сотрудников, есть вероятность оттока персонала, связанного с большими экономическими и другими потерями
	Метод определения дисконтированной стоимостной оценки потенциала индивидуального работника	+ Учитывается отдача от инвестиций в ЧК в виде доли прибыли, созданной человеком – Не учитываются инвестиции в здоровье и мотивацию работника
На основе показателей рынка	Финансовый метод	+ Относительная простота расчета – Рыночная стоимость подвержена существенным изменениям
	Сравнительный метод	– Почти не применим на практике.

Примечание: разработка авторов на основе [2, с. 43; 5; 6, с. 54; 7, с. 21; 10, с. 50; 12, с. 48].

можно найти аналогичные организации, т.к. каждая является уникальной [14, с. 63].

Финансовый метод оценки определяет величину человеческого капитала как разность между общей рыночной стоимостью компании и стоимостью ее материальных и нематериальных активов. Данный метод, несмотря на относительную простоту расчета стоимости человеческого капитала, не лишен недостатков. Так, рыночная стоимость компании зависит от спекулятивных настроений на фондовом рынке, соответственно, подвержена существенным изменениям. Также расчет стоимости части нематериальных активов, а именно информационного, структурного и клиентского капитала, не имеет единой общепринятой методологии [12, с. 48].

Таким образом, оценка человеческого капитала – достаточно сложный и трудоемкий процесс, который включает в себя решение следующих задач (рисунок 3).

Изучив и проанализировав методы оценки человеческого капитала, их можно классифицировать следующим образом:

- методы на основе затрат;
- методы на основе доходов;
- методы на основе показателей индивида и стоимости отдельных элементов;
- методы на основе показателей рынка.

Заключение. Изложенный в работе материал свидетельствует о том, что все методы оценки человеческого капитала, несмотря на общие классификационные признаки, абсолютно разные и имеют свои особенности. Общепринятой методики до сих пор не существует. Главным образом, это обусловлено отсутствием единого определения для данной категории, а также универсального подхода к выявлению элементов структуры человеческого капитала.

Исследование методов оценки человеческого капитала осуществлялось многими учеными и практиками, однако все рассмотренные нами методы оценки имеют не только преимущества, но и недостатки, а применение их на практике вызывает определенные сложности. В первую очередь это связано с невозможностью достоверной оценки человеческих способностей. В связи с вышеизложенным, перспективным направлением исследования представляется разработка методических рекомендаций к определению стоимости человеческого капитала.

Литература

1. Тугускина, Г.Н. Оценка стоимости человеческого капитала предприятий / Г.Н. Тугускина // Кадровик. – 2009. – № 11. – С. 4–13.
2. Худякова, Е.Г. Оценка человеческого капитала и эффективности его использования в интересах инновационного развития предприятия: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Е.Г. Худякова. – Уфа, 2019. – 169 л.
3. Чесебиев, А.А. Виды инвестиций в человеческий капитал и методы оценки его эффективности / А.А. Чесебиев // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. 5, Экономика. – 2016. – № 3. – С. 33–38.
4. Тугускина, Г.Н. Методика оценки человеческого капитала предприятий [Электронный ресурс] / Г.Н. Тугускина. – Режим доступа: <https://www.top-personal.ru/issue.html?1936>. – Дата доступа: 03.07.2022.
5. Кокуйцева, Т.В. Человеческий капитал: основные теоретические подходы к анализу и оценке / Т.В. Кокуйцева, А.В. Неверов // Друкеровс. вестн. – 2020. – № 3. – С. 19–36.
6. Чигорьев, К.Н. Оценка стоимости человеческого капитала на основе произведенных затрат / К.Н. Чигорьев, Н.А. Скопинцева, В.В. Ульященко // Изв. Томс. политехн. ун-та. Инжиниринг георесурсов. – 2008. – № 6. – С. 54–56.
7. Кастрюлина, Ю.М. Анализ методов оценки величины человеческого капитала хозяйствующих субъектов / Ю.М. Кастрюлина // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер. «Экономика и экологический менеджмент». – 2013. – № 1. – С. 19–24.
8. Чеботарёв, Н.Ф. Оценка конкурентоспособности предприятия: человеческий капитал / Н.Ф. Чеботарёв // Аудит и финансовый анализ. – 2005. – № 4. – С. 262–272.
9. Алавердян, В.В. Оценка стоимости «кадрового потенциала» предприятия [Электронный ресурс] / В.В. Алавердян. – Режим доступа: <https://www.management.com.ua/hrm/hrm056.html>. – Дата доступа: 03.07.2022.
10. Богатырёва, В.В. Теоретико-методологические основы взаимосвязи финансовых ресурсов и человеческого капитала организации / В.В. Богатырёва // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 5. – С. 48–52.
11. Методы оценки стоимости человеческого капитала организации / М.А. Пархомчук [и др.] // Вестн. Курс. с./х. акад. – 2011. – № 6. – С. 45–46.
12. Краковская, И.Н. Измерение и оценка человеческого капитала организации: подходы и проблемы / И.Н. Краковская // Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № 19. – С. 41–50.
13. Добровинский, А.П. Оценка человеческого капитала в деятельности коммерческих организаций / А.П. Добровинский, Ю.В. Демьяненко // Изв. Томс. политехн. ун-та. Инжиниринг георесурсов. – 2011. – № 6. – С. 64–69.
14. Арабян, К.К. Методика оценки человеческого капитала / К.К. Арабян // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2010. – № 8. – С. 61–66.
15. Ришко, Ю.Б. Методы оценки человеческого капитала в организации / Ю.Б. Ришко, Е.М. Малахова // Вестн. Омск. гос. аграр. ун-та. – 2014. – № 4. – С. 71–78.

Поступила в редакцию 21.11.2022

Связь невербальных компонентов социально-перцептивных образов с жизнеспособностью у матерей

Стреленко А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена одной из актуальных проблем психологии – проблеме образа ребенка в сознании матерей. В работе определяется связь невербальных компонентов социально-перцептивных образов с жизнеспособностью у биологических, будущих и приемных матерей.

Цель работы – определение связи невербальных компонентов социально-перцептивных образов с жизнеспособностью у матерей.

Материал и методы. Материалом послужили труды зарубежных, российских ученых, посвященные проблемам исследования социально-перцептивных образов. Для достижения сформулированной цели были использованы: систематизация и концептуализация научных идей, сравнительный анализ. Исследуемую выборку составили биологические матери ($N=88$) в возрасте от 22 до 50 лет ($M=36,3$; $SD=6,6$), будущие матери ($N=110$) в возрасте от 19 до 46 лет ($M=23,6$; $SD=4$) и приемные матери ($N=88$) в возрасте от 27 лет до 71 года ($M=49,9$; $SD=7,6$).

В исследовании использовались психодиагностические методики: «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)», невербальная часть (В.Л. Ситников), тест «Жизнеспособность взрослого человека», предложенный А.В. Махначом. Методы математической статистики: методы описательной статистики, коэффициент d Сомерса. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23 for Windows.

Результаты и их обсуждение. Проведенный количественный анализ по определению взаимосвязей невербальных компонентов социально-перцептивных образов матерей с их жизнеспособностью показал, что большее количество таких связей устанавливается в группах биологических и будущих матерей. В отличие от них в группе приемных матерей количество подобных связей вдвое меньше, и этот факт указывает на то, что у приемных матерей отражение социально-перцептивных образов в большей степени будет находиться под контролем сознания, тогда как у биологических и будущих матерей подобные образы будут менее контролируемы им.

Заключение. Выявленные связи невербальных образов приемных детей с жизнеспособностью в группе приемных матерей показывают на значимость детей, образы которых связываются со смыслом жизни и определяют ее ценность. Установленная связь невербальных образов воображаемых детей с жизнеспособностью будущих матерей указывает на важность стать эффективной в социальной роли матери, однако такая же связь определяет и неуверенность, страх быть безрезультативной в подобной социальной роли. Связь невербальных образов родных детей с жизнеспособностью у биологических матерей не определяется.

Ключевые слова: социально-перцептивные образы, Я-образ, образ ребенка, биологические матери, приемные матери, будущие матери, жизнеспособность.

Relation of Nonverbal Components of Mother Social-Perceptual Images with Vitality

Strelenko A.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article is devoted to one of the topical problems of psychology – the problem of the image of the child in the minds of mothers. The paper determines the connection of non-verbal components of social-perceptual images with vitality of biological, expectant and foster mothers.

The purpose is to determine the connection between non-verbal components of mother social-perceptual images and vitality.

Material and methods. *The material used was works of foreign, Russian and domestic scientists devoted to the research problems of social-perceptual images. To achieve the formulated goal systematization and conceptualization of scientific ideas as well as comparative analysis were used. The study sample consisted of biological mothers (N=88), aged 22 to 50 (M=36,3; SD=6,6), expectant mothers (N=110), aged 19 to 46 (M=23,6; SD=4) and foster mothers (N=88), aged 27 to 71 (M=49,9; SD=7,6).*

In the study psychodiagnostic methods were used: "SOCH(I) – structure of the image of the person (hierarchical)", nonverbal part (V.L. Sitnikov), the test "Adult vitality" proposed by A.V. Makhnach. Methods of mathematical statistics were methods of descriptive statistics, Somers'D. Statistical processing was performed using IBM SPSS Statistics 23 for Windows.

Findings and their discussion. *A quantitative analysis of the relationships between non-verbal components of mother social-perceptual images and their vitality showed that a greater number of such relationships were established in the groups of biological and expectant mothers. In contrast, in the group of foster mothers the number of such connections is half as much, and this fact indicates that the reflection of foster mother social-perceptual images will be more under the control of consciousness, whereas biological and expectant mother images will be less controlled by it.*

Conclusion. *The identified links between non-verbal images of foster children and resilience in the group of foster mothers show the importance of children whose images are associated with the meaning of life and determine its value. The established connection of non-verbal images of expectant mother imaginary children with the vitality shows the importance of becoming effective in the social role of mother, but the same connection also determines the insecurity, the fear of being ineffective in such a social role. The relationship of nonverbal images of birth children to biological mother vitality is not determined.*

Key words: *social-perceptual images, I-image, child image, biological mothers, foster mothers, expectant mothers, vitality.*

Известно, что категория образа выступает предметом изучения различных наук, в том числе и психологии. В самой психологии понятие образа используется в нескольких значениях. Оно включает в себя субъекта, других людей, пространственную среду, а также временную последовательность событий. С точки зрения теории познания образ – это форма отражения объективной реальности, не представляющая моментального снимка объекта. По мнению А.А. Бодалева, образ человека представляет собой совокупность элементов, находящихся в определенном соотношении с совокупностью элементов, составляющих облик отражаемого человека [1, с. 138].

В психологической науке отмечается разделение в подходах по изучению проблемы образа человека. Так, в трудах Д.А. Леонтьева была отмечена суть имеющейся конфронтации между двумя подходами к человеку – естественнонаучным и гуманитарным [2, с. 11].

С точки зрения гуманитарной парадигмы социально-перцептивные образы – это отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого сообщества. Сами образы могут отражать наиболее существенные характеристики, а также несущественные, ситуативные, случайные [3, с. 21]. К таким

образам можно отнести образы субъектов. Действительно, самоидентификация проявляется в образах Я, причем такие образы человек может описать как с помощью знаков, так и отразить посредством простых геометрических символов: квадрата, треугольника, прямоугольника, круга, зигзага, об этом в своей статье пишет В.М. Привалова [4]. Она также отмечает, что биохимические и психофизиологические закономерности, которые свойственны биологической природе человека, обусловили и создаваемую человеком среду обитания как свою вторую, но уже социальную природу – культуру. Культура как закономерный путь самоорганизации сознания человека содержит все основные закономерности, которые свойственны его антропологической природе, в том числе – самовоспроизводство человека в культуре и искусстве в символорождающей функции его сознания. В доказательство своего предположения автор ссылается на математиков В.В. Налимова и Ж.А. Дрогалину, которые рассматривают «семантический мир» человека как мир бессознательного, раскрывающийся в сознании человека с помощью образов [4].

К социально-перцептивным образам, помимо Я-образов, относятся образы других людей и вместе с ними образы детей. По мнению В.Л. Ситни-

кова, под образом ребенка понимается целостная совокупность житейских и научных представлений о ребенке, комплекс социальных установок на ребенка, формирующихся в сознании человека и актуализирующихся в процессе изучения ребенка и взаимодействия с ним [5, с. 56–57].

Проблема отражения образов детей становится интересной в связи с результатами исследований, которые показывают, что образы детей в сознании различных групп людей (педагогов, отцов, матерей, других детей) значительно отличаются друг от друга [3, с. 59–77; 6, с. 104–119; 7; 8, с. 295–300]. В этой связи мы предполагаем, что образы приемных детей у приемных матерей могут отличаться от образов родных детей у биологических матерей, от образов воображаемых детей у будущих матерей, и такие отличия связаны с индивидуальным восприятием другого. Процесс такого восприятия обусловлен особенностями отражения других и теми взаимоотношениями, которые складываются между людьми. По мнению В.Л. Ситникова, в родительских представлениях о своих детях содержатся глобальные и дифференцированные образы ребенка, которые имеют культурно-историческую основу, а также включают в себя особенности когнитивного образа ребенка согласно позиции, которую занимают родители по отношению к нему [5].

Культурно-историческая особенность ценности семьи как в России, так и в Беларуси определяется ее устойчивостью. По мнению специалистов, находясь в ранге наиболее важных позиций, ценность семьи в 2017 году перемещалась на самую верхнюю строчку и при этом не меняла значение индекса [9, с. 154]. На современном этапе в определении ценностей касается белорусской молодежи первые позиции занимают работа и семья, что свидетельствует о стремлении реализовать себя и в профессиональном, и в личностно-семейном плане [9, с. 158].

Однако на фоне явно определяемой базовой ценности, к которой относится семья, белорусы столкнулись с серьезным противоречием, связанным, с одной стороны, с увеличением числа разводов, а с другой – с уменьшением количества браков. Подобное положение вещей способствовало возникновению одной из актуальных общественных проблем – жизнеспособность семьи и ее связь с социальной проблемой непонимания, которая указывается как доминирующая причина разрыва семейных отношений. Такое положение вещей не может не вызывать опасений по поводу семей, кото-

рые берут на воспитание детей-сирот не только в нашей стране, но и в других странах [10; 11]. Зачастую такие дети имеют поведенческие и эмоциональные расстройства вследствие нарушенной привязанности, испытывают трудности психологической адаптации к новой семье. Понимание детей-сирот, умение устанавливать с ними позитивное взаимодействие увеличивают ресурсный потенциал приемной семьи, который является важным ее показателем и предиктором [12].

Цель работы – определение связи невербальных компонентов социально-перцептивных образов с жизнеспособностью у матерей.

Материал и методы. Исследуемую выборку составили биологические матери (N=88) в возрасте от 22 до 50 лет (M=36,3; SD=6,6), будущие матери (N=110) в возрасте от 19 до 46 лет (M=23,6; SD=4) и приемные матери (N=88) в возрасте от 27 лет до 71 года (M=49,9; SD=7,6). Исследование проводилось после непосредственно установленного эмоционального контакта и анонимно.

В работе были использованы теоретические и эмпирические методы. В частности, невербальная часть методики «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)», разработанная В.Л. Ситниковым [5, с. 130–132]. Как ранее уже было сказано, в основу ее анализа положена интерпретация результатов ранжированного выбора из пяти фигур: квадрата (1), треугольника (2), прямоугольника (3), круга (4), ломаной линии – зигзага (5) [13]. Также нами был использован тест «Жизнеспособность взрослого человека», предложенный А.В. Махначом [14]. Методы математической статистики: методы описательной статистики, коэффициент d Сомерса. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23 for Windows.

Результаты и их обсуждение. Основной гипотезой стало предположение о имеющихся взаимосвязях невербальных компонентов социально-перцептивных образов с жизнеспособностью у матерей. Связи выявлялись с помощью коэффициента d Сомерса. Полученные результаты были представлены в таблицах 1–3.

На основании проведенного количественного анализа в группе биологических матерей было установлено 11 связей, из них 5 – положительные, 6 – отрицательные (таблица 1).

Как видно из таблицы 1, между переменными Я-образа и переменными жизнеспособности определяются 3 связи, из них 2 – положительные, 1 – отрицательная. Так, положительная связь

Таблица 1 – Показатели связи невербальных компонентов образов и жизнеспособности биологических матерей (n=88)

Образы	№ выбора фигуры	Самоэффективность	Настойчивость	Внутренний локус контроля	Совладание и адаптация	Духовность	Семейные и социальные взаимосвязи
Я-образ	1	0,065	-0,111	-0,135	0,058	0,036	0,014
	2	0,077	0,115	0,160*	0,185*	-0,068	-0,063
	3	0,005	0,012	-0,031	-0,086	0,021	0,113
	4	-0,018	-0,005	0,061	-0,034	0,061	-0,142*
	5	-0,143	-0,065	-0,065	-0,125	-0,026	0,115
Образ абстрактного ребенка	1	0,041	0,081	0,073	-0,066	-0,111	-0,061
	2	0,156*	-0,001	0,108	0,131	0,051	0,065
	3	-0,159*	-0,052	-0,029	-0,022	-0,066	0,068
	4	-0,002	-0,038	-0,109	0,075	0,032	-0,047
	5	-0,071	-0,005	-0,057	-0,140	0,099	0,021
Образ родного ребенка	1	-0,005	0,037	0,049	-0,088	-0,112	-0,062
	2	0,025	0,058	-0,018	0,096	0,013	0,035
	3	-0,047	-0,013	0,018	-0,038	0,099	-0,077
	4	0,054	0,053	0,051	0,073	-0,030	0,148
	5	-0,036	-0,127	-0,079	-0,086	0,016	-0,114
Образ ребенка в будущем	1	0,127	0,116	0,080	0,032	0,085	-0,003
	2	0,100	0,258*	0,141	0,205*	-0,170*	0,034
	3	-0,123	-0,149*	-0,105	-0,105	0,014	0,013
	4	-0,130	-0,077	-0,069	0,029	-0,020	0,042
	5	0,026	-0,146*	-0,049	-0,183*	0,118	-0,017

Примечание: * связь значима на уровне 0,05.

устанавливается между выбором второй геометрической фигуры (треугольник) и внутренним локусом контроля ($p \leq 0,05$), между выбором второй геометрической фигуры (треугольник) и совладанием и адаптацией ($p \leq 0,05$). Отрицательная связь выявляется между выбором четвертой геометрической фигуры (круг) и семейными и социальными взаимосвязями ($p \leq 0,05$).

Между переменными образов абстрактного ребенка и переменными жизнеспособности были выявлены 2 связи, из них 1 – положительная, 1 – отрицательная. Причем выбор второй геометрической фигуры (треугольник) и выбор третьей геометрической фигуры (прямоугольник) сопрягаются с самоэффективностью ($p \leq 0,05$).

Как видно из таблицы 1, связь между образами родного ребенка и жизнеспособностью биологических матерей не определяется.

Однако уже при сравнении показателей образов родного ребенка в будущем с жизнеспособностью выявляется 6 связей, из них 2 – положи-

тельные, 4 – отрицательные. Так, положительная связь устанавливается между выбором второй геометрической фигуры (треугольник) и настойчивостью ($p \leq 0,05$), между выбором второй геометрической фигуры (треугольник) и совладанием и адаптацией ($p \leq 0,05$). Отрицательные связи отмечаются между выбором третьей геометрической фигуры (прямоугольник), а также пятой геометрической фигуры (зигзаг) и настойчивостью ($p \leq 0,05$), между выбором пятой геометрической фигуры (зигзаг) и совладанием и адаптацией ($p \leq 0,05$), между выбором второй геометрической фигуры (треугольник) и духовностью ($p \leq 0,05$).

Соответственно, в группе биологических матерей отмечаются связи трех образов (Я-образ, образ абстрактного ребенка, образ родного ребенка в будущем) с показателями жизнеспособности, а именно с самоэффективностью, настойчивостью, внутренним локусом контроля, совладанием и адаптацией, духовностью, а также семейными и социальными взаимосвязями.

Таблица 2 – Показатели связи невербальных компонентов образов и жизнеспособности будущих матерей (n=110)

Образы	№ выбора фигуры	Самоэффективность	Настойчивость	Внутренний локус контроля	Совладание и адаптация	Духовность	Семейные и социальные взаимосвязи
Я-образ	1	0,053	0,000	-0,033	-0,052	-0,071	0,141*
	2	-0,038	-0,048	-0,045	-0,049	-0,045	-0,038
	3	-0,018	-0,039	-0,060	-0,103	-0,077	-0,011
	4	-0,112	0,000	-0,032	0,004	-0,001	0,049
	5	0,090	0,095	0,146*	0,173*	0,130	0,152*
Образ абстрактного ребенка	1	0,032	-0,091	-0,038	-0,026	-0,031	0,090
	2	0,034	-0,023	-0,025	0,013	-0,009	-0,172*
	3	0,038	0,160*	0,077	0,048	-0,019	0,056
	4	-0,036	0,020	0,036	0,107	0,064	-0,009
	5	-0,077	-0,035	-0,052	-0,152*	-0,075	0,008
Образ вообразимого ребенка	1	-0,152*	-0,100	-0,194*	0,013	0,025	0,070
	2	-0,015	0,051	-0,023	-0,058	0,011	-0,122
	3	-0,043	-0,093	-0,036	-0,006	-0,011	-0,072
	4	0,145*	0,106	0,131	0,018	0,067	-0,001
	5	0,018	-0,043	0,037	-0,019	-0,083	0,142*
Образ ребенка в будущем	1	0,009	0,100	-0,081	-0,004	0,002	-0,015
	2	0,036	-0,034	-0,008	0,112	0,024	-0,070
	3	-0,020	0,057	0,041	-0,010	-0,057	-0,024
	4	-0,050	-0,078	-0,029	-0,137*	-0,003	0,035
	5	-0,001	-0,081	0,048	0,012	0,048	0,077

Примечание: * связь значима на уровне 0,05.

Следует отметить, что такая же тенденция наблюдается и в группе будущих матерей. В сравнении с группой биологических матерей, в показателях будущих мам отмечается практически аналогичное количество выявленных связей, всего 12. Причем такие связи определяются практически по всем шкалам жизнеспособности, за исключением духовности (таблица 2).

Как видно из таблицы 2, между переменными Я-образов и переменными жизнеспособности будущих матерей устанавливаются 4 положительные связи. Такие связи определяются между выбором пятой фигуры (зигзаг) и внутренним локусом контроля ($p \leq 0,05$), между выбором пятой фигуры (зигзаг) и совладанием и адаптацией ($p \leq 0,05$), между выбором первой фигуры (квадрат) и семейными и социальными взаимосвязями ($p \leq 0,05$), между выбором пятой фигуры (зигзаг) и семейными и социальными взаимосвязями ($p \leq 0,05$).

Между переменными образов абстрактного ребенка и переменными жизнеспособности

были выявлены 3 связи, из них 1 – положительная, 2 – отрицательные. Так, положительная связь определяется между выбором третьей геометрической фигуры (прямоугольник) и настойчивостью ($p \leq 0,05$). Отрицательные связи устанавливаются между выбором пятой фигуры (зигзаг) и совладанием и адаптацией ($p \leq 0,05$), а также между выбором второй геометрической фигуры (треугольник) и семейными и социальными взаимосвязями ($p \leq 0,05$).

Что касается вообразимых детских образов и жизнеспособности, то в отношении них отмечаются 4 связи, из них 2 – положительные, 2 – отрицательные. Положительные связи устанавливаются между выбором четвертой фигуры (круг) и самооэффективностью ($p \leq 0,05$), между выбором пятой фигуры (зигзаг) и семейными и социальными взаимосвязями ($p \leq 0,05$). Отрицательная связь определяется между выбором первой фигуры (квадрат) и самооэффективностью ($p \leq 0,05$), между выбором первой фигуры (квадрат) и внутренним локусом контроля ($p \leq 0,05$).

Таблица 3 – Показатели связи невербальных компонентов образов и жизнеспособности приемных матерей (n=88)

Образы	№ выбора фигуры	Самоеффек- тивность	Настойчи- вость	Внутренний локус кон- троля	Совладание и адаптация	Духовность	Семейные и социаль- ные взаимосвязи
Я-образ	1	0,111	0,054	0,157*	0,049	0,091	0,001
	2	-0,098	-0,096	-0,248*	0,007	0,068	0,012
	3	0,006	0,028	0,122	-0,046	-0,017	-0,016
	4	-0,044	-0,045	-0,102	0,043	0,002	-0,010
	5	0,025	-0,023	-0,043	-0,045	-0,032	-0,030
Образ абстрактного ребенка	1	-0,130	-0,070	-0,099	-0,024	-0,047	-0,082
	2	0,039	-0,054	-0,016	0,029	0,074	0,002
	3	-0,048	-0,042	-0,058	0,016	0,030	0,052
	4	0,094	0,015	0,061	0,049	0,039	0,132
	5	-0,124	-0,092	-0,094	-0,220*	-0,086	-0,173*
Образ прием- ного ребенка	1	-0,003	-0,067	0,049	0,025	-0,138	0,000
	2	0,029	0,021	-0,057	0,058	0,153*	0,110
	3	0,063	-0,016	0,087	0,078	0,020	0,004
	4	0,046	0,080	-0,088	0,020	-0,038	-0,001
	5	-0,120	-0,082	-0,054	-0,148	0,064	-0,083
Образ ребенка в будущем	1	-0,018	-0,022	-0,079	-0,009	0,088	-0,085
	2	-0,097	-0,048	-0,071	-0,066	0,076	-0,016
	3	0,034	-0,027	0,108	0,113	-0,032	-0,072
	4	0,036	0,063	-0,022	-0,021	0,001	0,213*
	5	0,099	-0,010	0,011	-0,008	0,029	-0,023

Примечание: * связь значима на уровне 0,05.

В отношении образов ребенка в будущем определяется 1 отрицательная связь между выбором четвертой фигуры (круг) и совладанием и адаптацией ($p \leq 0,05$).

По итогу проведенного анализа можно сказать, что выбор геометрических фигур аналогично биологическим матерям у будущих матерей связан с их жизнеспособностью. Характерной особенностью их выборов является связь с Я-образами, а у биологических матерей в аналогичном сравнении – определяется связь с образами их родных детей в будущем.

Относительно группы приемных матерей можно отметить существенные особенности при анализе связей невербальных социально-перцептивных образов и жизнеспособности (таблица 3).

Как видно из таблицы 3, между переменными Я-образов и переменными жизнеспособности приемных матерей устанавливаются 2 связи. Положительная связь определяется между выбором первой фигуры (квадрат) и внутрен-

ним локусом контроля ($p \leq 0,05$). Отрицательная связь выявляется между выбором второй фигуры (треугольник) и внутренним локусом контроля ($p \leq 0,05$).

В отношении образов абстрактного ребенка с жизнеспособностью определяются 2 отрицательные связи между выбором пятой фигуры (зигзаг) и совладанием и адаптацией ($p \leq 0,05$), а также между выбором пятой фигуры (зигзаг) и семейными и социальными взаимосвязями ($p \leq 0,05$).

В части связей образов приемного ребенка с жизнеспособностью устанавливается 1 положительная связь между выбором второй фигуры (треугольник) и духовностью ($p \leq 0,05$).

По поводу связи образов приемного ребенка в будущем и жизнеспособности определяется также 1 положительная связь между выбором четвертой фигуры (круг) и семейными и социальными ценностями ($p \leq 0,05$).

Вследствие проведенного анализа можно выделить некоторые особенности. Так, в сравнении

с биологическими и будущими матерями, в группе приемных матерей выявляется вдвое меньше связей социально-перцептивных образов с их жизнеспособностью. Всего 6 связей, из них 3 – положительные и 3 – отрицательные.

Проведенный количественный анализ по определению взаимосвязей невербальных компонентов социально-перцептивных образов матерей с их жизнеспособностью показал, что большее количество таких связей устанавливается в группах биологических и будущих матерей. В отличие от них в группе приемных матерей количество подобных связей вдвое меньше, и этот факт скорее будет указывать на то, что у приемных матерей отражение социально-перцептивных образов в большей мере будет находиться под контролем сознания, тогда как у биологических и будущих матерей подобные образы будут менее контролируемы им.

Что касается связей материнских Я-образов с показателями их жизнеспособности, то у биологических и будущих матерей отмечается подобие в связях невербальных компонентов их Я-образов с такими показателями жизнеспособности, как внутренний локус контроля, совладание и адаптация, семейные и социальные взаимосвязи. В отличие от биологических и будущих матерей, у приемных подобная связь отмечается лишь по внутреннему локусу контроля, причем как с положительной, так и с отрицательной связью. Соответственно, независимо от формы семейного устройства связь невербальных компонентов Я-образов матерей, с внутренним локусом контроля показывает на малоосознаваемую природу такого феномена. Действительно, считается, что внутренний локус контроля – достаточно устойчивое свойство личности, не меняющееся со временем и не поддающееся коррекции. В методике А.В. Махнача шкала внутреннего локуса контроля связана с восприятием человека возможности влиять на окружение и ход жизни в будущем, с его верой в то, что он инициатор и ответственен посредством своих действий за все, происходящее в его жизни; оптимистичностью по поводу его способности находить позитивные решения для самих себя и других [14, л. 200].

Относительно образов абстрактного ребенка важно отметить их большее подобие в группах будущих матерей и приемных матерей. В частности, такая тенденция отмечается по результатам связей геометрических образов с совладанием и адаптацией, семейными и социальными взаимосвязями. По-видимому, по сравнению с био-

логическими матерями, у будущих и приемных матерей когнитивные и поведенческие стратегии, используемые для управления потребностями в неблагоприятных условиях, а вместе с ними и способность индивида использовать семью, социальную и любую внешнюю систему поддержки для лучшего совладания со стрессом будут больше соотноситься с образами абстрактных детей.

В отношении описываемых психометрических образов родных, воображаемых и приемных детей в исследуемых выборках и их связей с жизнеспособностью важно отметить их отсутствие в выборке биологических матерей, наличие одной положительной связи в выборке приемных родителей и четырех связей в выборке будущих родителей. В отличие от будущих матерей, у приемных образ ребенка соотносится с показателями духовности, что, по мнению А.В. Махнача, может рассматриваться как внутренний регулятор отношений к событиям вокруг человека, как план его жизнедеятельности, снижающий уровень неудовлетворенности собой и делающий более осмысленным существование в мире [14, л. 201–202]. Что касается группы будущих матерей, то у них отмечаются связи невербального образа воображаемого ребенка с самоофективностью, внутренним локусом контроля, семейными и социальными взаимосвязями. По-видимому, будущие матери бессознательно представляют воображаемого ребенка как объект своей будущей эффективности (положительная связь), например, в роли матери, или как предмет своей неуверенности и малой эффективности в этой роли (отрицательная связь). Отрицательную связь внутреннего локуса контроля, т.е. интернальности с выбором психометрического образа, вероятно, можно рассматривать посредством повышения значения экстернальности, и в этой связи будущими матерями их воображаемый ребенок может восприниматься как причина сложных жизненных ситуаций или помеха. Но вместе с тем воображаемого ребенка будущие матери воспринимают как члена своей будущей (настоящей) семьи и представляют его образ как поддержку для лучшего совладания со стрессом.

Касаясь связей невербальных образов родных, воображаемых и приемных детей в будущем с жизнеспособностью следует отметить их большее количество в выборке биологических матерей и наличие по одной связи в группах будущих и приемных матерей. Так, биологические матери невербальный образ родного ребенка в будущем связывают с увеличением (положительная связь)

или уменьшением (отрицательная связь) настойчивости, которая А.В. Махначом рассматривается как упорство, живучесть, определяющая самодисциплину человека и его желание продолжить сопротивление за восстановление равновесия после воздействия неблагоприятных событий [14, л. 199–200]. Вместе с тем невербальный образ родного ребенка в будущем у биологических матерей находит отражение в связи с жизнеспособностью по совладанию и адаптации, причем наличие отрицательной и положительной связей показывает полярность в сторону пассивной адаптации или активного совладания. Наличие отрицательной связи невербального детского образа в будущем с духовностью, вероятно, можно рассматривать как потерю смысла жизни или снижение уровня удовлетворенности собой в роли матери. Действительно, в связи со взрослением и самостоятельной жизнью взрослых детей матери могут небезосновательно испытывать психологический стресс.

В части подобных связей у будущих матерей можно отметить ее наличие в отношении совладания и адаптации. Причем ее отрицательный вектор скорее можно рассматривать в сторону адаптации, т.е. процесса приспособления к изменяющимся или неблагоприятным обстоятельствам и увеличения вероятности использования не столько когнитивных и поведенческих, а сколько применения эмоционально-ориентированных и направленных на решение проблем стратегий.

По вопросу аналогичных связей у приемных матерей следует обозначить ее обнаружение в отношении семейных и социальных взаимосвязей. По-видимому, невербальный образ приемного ребенка в будущем для приемных матерей будет иметь важное значение для поддержания межличностных связей, являющихся значимым источником их эмоциональной поддержки.

Заключение. Таким образом, на основании проведенного количественного и качественного анализа по определению связей невербальных социально-перцептивных образов с жизнеспособностью у матерей с различными формами семейного типа можно отметить некоторые общие выводы.

Во-первых, у приемных матерей отражение социально-перцептивных образов в большей степени будет находиться под контролем сознания, тогда как у биологических и будущих матерей подобные образы будут менее контролируемы ими, а как следствие, будут более адекватными.

Во-вторых, независимо от формы семейного устройства связь невербальных компонентов Я-образов матерей с внутренним локусом контроля показывает на мало осознаваемую природу такого феномена.

В-третьих, по сравнению с группой биологических матерей, в группах будущих и приемных матерей связи невербальных образов абстрактного ребенка с жизнеспособностью будут соотноситься с совладанием и адаптацией, а также семейными и социальными связями.

В-четвертых, связь невербальных образов родных детей с жизнеспособностью биологических матерей не выявлена; связь невербальных образов приемных детей с жизнеспособностью приемных матерей показывает на значимость детских образов, которые связываются со смыслом жизни и определяют ее ценность; связь невербальных образов воображаемых детей с жизнеспособностью будущих матерей показывает на важность стать эффективной в социальной роли матери, однако такая же связь определяет и неуверенность, страх быть не эффективной или мало эффективной в подобной социальной роли.

В-пятых, по сравнению с будущими и приемными матерями у биологических матерей в отношении связей невербальных образов детей в будущем с жизнеспособностью определяется их большее количество. Такая особенность, по нашему мнению, может рассматриваться как вероятность уменьшения сознательного контроля таких образов.

Литература

1. Бодалев, А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.
2. Леонтьев, Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке / Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 1989. – № 3. – С. 11–22.
3. Ситников, В.Л. Социально-психологические образы и профессиональное педагогическое сознание / В.Л. Ситников // Социально-психологическая перцепция в системе образования: монография / под общ. и науч. ред. В.Л. Ситникова; науч. ред. Л.А. Регуш. – СПб.: ЭЛВИ-Принт, 2016. – С. 5–20.
4. Привалова, В.М. Самоидентификация в культуре. Эмпирическое исследование / В.М. Привалова // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2015. – Т. 17, № 1(3). – С. 747–754.
5. Ситников, В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых / В.Л. Ситников. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
6. Кедич, С.И. Кросскультурные особенности социально-педагогической перцепции / С.И. Кедич, Н.В. Парнюк, В.Л. Ситников // Социально-психологическая перцепция в системе образования: монография / под общ. и науч. ред. В.Л. Ситникова; науч. ред. Л.А. Регуш. – СПб.: ЭЛВИ-Принт, 2016. – С. 104–119.

-
7. Разумова, А.В. Адекватность образа ребенка у родителей с разными стилями семейного воспитания и личностными особенностями: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / А.В. Разумова; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 24 с.
8. Ситников, В.Л. Образ ребенка в сознании родителей / В.Л. Ситников // Развитие ребенка в семье: монография / В.Л. Ситников. – СПб.: Соц.-гуманитар. знание, 2017. – С. 295–300. – (Сер. «Семья и дети в современном мире»).
9. Россия и Беларусь в начале XXI века: общество и экономика в зеркале социологии / под ред. А.А. Шабуновой и С.А. Шавеля; ФГБУН ВолНЦ РАН, ИС НАНБ, ИЭ НАНБ. – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. – 191 с.
10. Mosimege, K.B. The psychological experiences of foster mothers of adolescent children [Elektronic resource] / K.B. Mosimege, F. Snyders // Journal of Psychology in Africa. – 2018. – Vol. 28, № 2. – Mode of access: <https://doi.org/10.1080/14330237.2018.1455305>. – Date of access: 10.02.2022.
11. Mosimege, K.B. The psychological experiences of foster mothers in fostering adolescents, PhD Thesis, University of Pretoria / K.B. Mosimege. – Pretoria, 2017. – Mode of access: <http://hdl.handle.net/2263/60397> – Date of access: 03.03.2022.
12. Invariant and Variant Sociopsychological Characteristics of Successful Foster Mothers / V.N. Oslon [et al.] // Psychological Science and Education. – 2021. – Vol. 26, № 6. – Mode of access: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260612>. – Date of access: 10.02.2022.
13. Ситников, В.Л. Применение методики СОЧ(И) при проведении судебно-психологических экспертиз в рамках семейного кодекса / В.Л. Ситников, А.А. Стреленко, В.Ф. Енгальчев // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 2. – С. 77–87.
14. Махнач, А.В. Жизнеспособность замещающей семьи как малой социальной группы: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / А.В. Махнач. – М., 2019. – 434 л.
- Поступила в редакцию 05.05.2022*
-
-

Терминологическое поле исследования психологических механизмов формирования социальной идентичности личности в традициях патриотической культуры

Богомаз С.Л., Ильин Е.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются аспекты психологических механизмов формирования социальной идентичности личности в условиях гражданско-патриотического воспитания молодого человека.

Цель работы – операционализировать содержание терминологического поля феномена «социальная идентичность личности» в различных психологических традициях.

Материал и методы. Материалом послужили труды известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, педагогов, касающиеся заявленной проблемы. В работе были использованы методы научного психологического исследования теоретического уровня: систематизация, философско-психологический анализ и синтез, концептуализация научных идей.

Результаты и их обсуждение. В статье представлен обзор теоретических подходов к механизмам формирования социальной идентичности личности: психоаналитический, социологический, бихевиоральный, когнитивный, деятельностный, что свидетельствует о многомерности данного феномена в психологической науке.

Заключение. Теоретические основы социальной идентичности сквозь призму современной психологии представлены в следующих подходах: психоаналитическом, социологическом, бихевиоризме, когнитивизме, деятельностном. Данные подходы включают вопросы теоретико-методологической основы в исследовании различных аспектов личности. Проведенные нами исследования основаны на анализе психологической классики, в которой представлены те или иные аспекты исследуемой проблемы.

Ключевые слова: социальная идентичность, механизмы формирования личности, идентификация, социальная роль, патриотизм.

Terminological Field of the Research of Psychological Mechanisms of Shaping Social Identity of a Person in Traditions of Patriotic Culture

Bogomaz, S.L., Ilyin E.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article deals with aspects of the psychological mechanisms of shaping social sensitivity of the individual in the conditions of civil and patriotic education of a young person.

The purpose of the work is to operationalize the content of the terminological field of the phenomenon of "personal social identity" in various psychological traditions.

Material and methods. The material was works of outstanding foreign and domestic psychologists, teachers which concern the stated problem. The study used methods of scientific and psychological research of the theoretical level: systematization, philosophical and psychological analysis and synthesis, conceptualization of scientific ideas.

Findings and their discussion. The article presents an overview of theoretical approaches to the mechanism of shaping a person's social identity: psychoanalytic, sociological, behavioral, cognitive, activity, which manifests itself in the multidimensionality of this phenomenon in psychological science.

Conclusion. The theoretical foundations of social identity through the prism of modern psychology are presented in the following approaches: psychoanalytic, sociological, behaviorism, cognitivism, activity. These approaches include issues of theoretical and methodological basis in the study of various aspects of personality. Our studies are based on the analysis of psychological classics, which present certain aspects of the problem under study.

Key words: social identity, personality shaping mechanisms, identification, social role, patriotism.

Развитие личности относится к процессу, посредством которого с течением времени появляются организованные модели мышления и поведения, составляющие уникальную личность человека. Многие факторы влияют на личность, включая генетику и окружающую среду, то, как

нас воспитывали, а также социальные переменные (S. Bhoite, L. Shindle, 2019).

Отметим, что проблема идентичности личности начинает активно разрабатываться во второй половине XX века в рамках философии, истории, культурологии, социологии и психологии [1–3].

Возможно, наиболее важно то, что постоянное взаимодействие различных факторов продолжает формировать личность. Личность включает в себя не только врожденные черты, но и развитие когнитивных и поведенческих моделей, влияющих на то, как мы думаем и действуем [2; 3].

Наибольший вклад в изучение феномена социальной идентичности личности внесли такие зарубежные и отечественные ученые: Е.Н. Erikson, М. Sherif, Н. Tajfel, Е. Fromm, Т. Parsons, Р.Л. Berger, Т. Luckmann, Р. Bourdieu, А. Giddens, Дж. Г. Мид, У. Джемс [1–10], В.С. Агеев, Т.С. Баранова, Л.А. Гащенко, И.В. Лескова, А.А. Налчаджян, А.В. Русецкий, А.К. Толмасова, В.А. Ядов [11–17].

В.А. Ядов отмечает, что «социальная идентичность есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям – таким как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом... Чувство принадлежности к социальной общности призвано выполнять важные социальные и социально-психологические функции обеспечивает подчинение индивида социальной группе, но, вместе с тем – групповую защиту и критерий оценки и самооценки» [16, с. 159].

Социальная идентичность обеспечивает основу для объяснения межгруппового поведения и межгруппового общения на основе присущей людям ценности членства в социальных группах и их желания рассматривать свои конкретные социальные группы. Социальная идентичность человека показывает, кем он является с точки зрения групп, к которым он принадлежит [11; 15; 17]. Группы социальной идентичности обычно определяются некоторыми физическими, социальными и психическими характеристиками людей.

Цель работы – операционализировать терминологическое поле психологических механизмов формирования социальной идентичности личности в социокультурной среде согласно традициям патриотической культуры.

Материал и методы. Материалом послужили труды известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, исследователей-педагогов, касающиеся заявленной проблемы. В работе были использованы методы научного психологического исследования теоретического уровня: систематизация, философско-психологический анализ и синтез, концептуализация научных идей.

Методологической основой исследования являются различные подходы к рассмотрению фе-

номена социальной идентичности личности: психоаналитический (Э. Эриксон, Э. Фромм, Т. Адорно, Дж. Доллард, Л. Берковитц, Петер де Приз и др.), социологический (Т. Парсонс, Дж. Г. Мид, П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё, Э. Гидденс), бихевиоризм (М. Шериф, Д. Кэмпбелл и др.), когнитивистский (Г. Тэджфел, Дж. Тернер и др.) и деятельностный (В. Агеев, А. Толмасова и др.).

Кроме того, применялись сравнение и обобщение, в том числе обработка и интерпретация библиографического списка, представленного в научной электронной библиотеке диссертаций и авторефератов Российской Федерации (DisserCat – электронная библиотека диссертаций), электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» [18].

Результаты и их обсуждение. Социально-идентификационные процессы лежат в основе организации более или менее устойчивых социальных интересов, т.е. являются механизмами формирования гражданского общества [13; 15].

Психоаналитический подход к идентификации личности, представленный работами У. Джемса [10], Э. Фромма [4] и др., объясняет данный процесс возникновением внутренних противоречий как условий развития личности. У. Джемс, проанализировав процесс осмысления личностью своей самотождественности, своих границ и места в мире, показал, что человек размышляет о себе в двух плоскостях одного целостного образования (self): личной, создавая личностную самотождественность, и остальной, в рамках которой формируется многообразие социальных «Я» [10]. В своих работах У. Джемс утверждал, что человек должен выбрать собственное направление развития, цели, обуславливающие формирование его личности на протяжении развития.

Исследователи Дж. Доллард и Л. Берковитц считают, что групповая предубежденность – это продукт нормального функционирования человеческого сознания. Человек в межгрупповом взаимодействии непременно сравнивает себя с другими. Если при сравнении он обнаруживает меньше преимуществ в наличии определенных благ, то начинает чувствовать фрустрацию, которая может привести к агрессивному поведению [13].

Э. Эриксон считал, что ощущение идентичности формируется как результат кризиса идентичности на пятой стадии развития «эго». Развитие идентичности заключается в синтезе идентификаций, который происходит в процессе социализации. Постепенно возникают идентификации не с отдельными людьми, а с малыми и большими общностями, которые также должны быть ин-

тегрированными в систему идентичности [1]. Понимание социального мира включает в себя самих себя и определяется на основе групп, в которые индивид входит. В целом люди склонны определять себя на основе своих социальных категорий чаще, чем на основе личных и индивидуальных характеристик.

Социальная категоризация часто приводит к подчеркиванию сходства между людьми в одной группе и различий между людьми в разных группах. Люди могут принадлежать к разным социальным категориям, но одна или несколько из них будут более или менее важными – все это зависит от социальных обстоятельств человека.

Группы социальной идентичности также часто лежат в основе неравной власти или привилегий. Понимание нюансов социальной идентичности является важным шагом в любой организационной деятельности, направленной на обеспечение справедливости, разнообразия и инклюзивности. Линза социальной идентичности может помочь нам определить ситуации, когда действия и решения могут быть основаны на бессознательных предубеждениях.

Э. Фромм считал одной из центральных экзистенциальных потребностей человека потребность в идентичности: люди переживают внутреннюю потребность тождественности с самим собой, благодаря которой они чувствуют собственную несхожесть с другими [4]. Общество и культура определяют, когда и как различия между людьми становятся социальной идентичностью. Например, цвет глаз не считается социальной идентичностью в большинстве современных социальных групп, в отличие от цвета кожи. Поскольку социальная идентичность зависит от норм, то, что считается данной категорией, а что нет, может меняться со временем и в разных культурах.

В наблюдаемых явлениях обнаруживаются другие причины человеческого поведения в групповом взаимодействии. Например, Петер де Приз в своей «стратегической теории» социальной идентичности определяет, что каждый акт идентификации имеет определенные цели: понять мир, найти союзников и т.д. Вышеупомянутые цели и пути их достижения автор называет «проектами», благодаря которым человек может получить желаемую стабильность [13].

Социологический подход к исследованию идентичности личности Т. Парсонса [5], Дж. Г. Мида [9], П. Бергера [6], Т. Лукмана [7], П. Бурдьё [8] отражает детерминированность развития исследуемого фено-

мена фактором общества. Сущность этого подхода заключается в понимании идентичности личности с позиции освоения ею ценностей и норм окружающего общества, т.е. она обусловлена воздействием определенной нормативной, институциональной и культурной системы [15]. Белорусские исследователи А.В. Русецкий и Л.А. Гащенко отмечают: «Психологи же ценностные ориентации трактуют как сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы отношений личности и определяющий общий подход человека к миру, к себе, который придает смысл и личностным позициям, поведению, поступкам» [14, с. 24].

Социальная идентификация представляет собой ключевой источник социальной мотивации у людей, предоставляя не только материальные ресурсы и возможности для социального взаимодействия, но и психологические преимущества, такие как чувство собственного достоинства и чувство принадлежности. Мотивационные факторы, включая, помимо прочего, членство в группе, в целом формируют эмпатию людей по отношению к другим. Например, в своей монографии белорусские исследователи А.В. Русецкий и Л.А. Гащенко подчеркивают следующее: «По вопросу передачи социального опыта как более сложного механизма исторической памяти существует два подхода. Один – представлен концепцией К. Юнга, которая опирается на коллективное бессознательное, архетипы как модели поведения, передаваемые бессознательным путем из поколения в поколение. Другой – марксистский подход – обуславливает отечественную позицию в социальной психологии. Суть последней заключается в том, что трансляция социального опыта осуществляется как опосредствованно (через процессы опредмечивания и распрепредмечивания), так и непосредственно, путем прямой передачи опыта от поколения к поколению, в котором образовательные социальные институты, идеологи, субъекты воспитательного процесса в целом отвечают за то, какие ценности, образцы, идеалы для подражания они предлагают личности, социальной группе, этносу и самому обществу» [14, с. 149].

Открытое обсуждение ценностей может определить тенденции, которые часто являются предпосылками нового направления гражданского образования молодежи. Молодежь привлекают общества, которые уже имеют относительно сильную приверженность гражданской активно-

сти и сформированные навыки политического участия. Студенческое самоуправление, например, обычно привлекает молодежь, которая уже имеет осознанное стремление к лидерству. Благодаря активному участию студентов в жизни гражданского общества, происходит их личностное становление как молодежных лидеров [19].

Социальная идентичность определенно важна, потому что, будучи людьми, мы делим себя и друг друга на группы. Эта категоризация часто закладывает основу для предубеждений, стереотипов и фаворитизма. Это также часто служит катализатором мотивации и действий (например, мы можем чувствовать себя призванными мобилизоваться, высказываться или организовываться на основе социальной идентичности).

Социальные установки и поведение, такие как патриотизм, являются продуктами сложного взаимодействия между рациональным и иррациональным, сознательным и бессознательным, частным и общественным факторами: «Принимаемая гражданственность и патриотизм за основу в формировании личности и профессиональной культуры, ... процесс гражданско-патриотического воспитания можно определить как целенаправленную, систематическую и комплексную деятельность по формированию у студентов чувства патриотизма, готовности к выполнению гражданского долга и важнейших социальных обязанностей, определенных их профессиональной и личностной (нравственной) культуры» [20, с. 137]. Патриотизм устанавливает «мы», которое удовлетворяет зависимость связи и принадлежности и предлагает образ сильной и справедливой власти, по отношению к которой мы можем чувствовать себя в безопасности. Одним из положительных эффектов патриотизма является его способность объединять людей, которые в противном случае могли бы сосредоточиться больше на своих различиях, чем на общих чертах.

Повышенное чувство незащищенности вызывает более сильную потребность привязываться к концептуальным ярлыкам, чтобы укрепить наши связи идентичности. Мы также обретаем безопасность благодаря принадлежности к группе. Понимание, что мы являемся членами определенной группы с общими убеждениями и условностями, смягчает наше чувство разделения. Отечественные исследователи А.В. Русецкий и Л.А. Гашенко отмечают: «Существует насущная потребность в комплексном изучении аксиологической проблематики, которая неслучайно является предметом внимания не только философии, но также

психологии, социальной психологии, социологии, педагогики, прогностики, теории управления и др. В последнее время в гуманитарных науках делаются конкретные шаги по формированию междисциплинарного подхода к ценностям, основная проблема которого заключается в выработке общего, единичного определения и контекста употребления данного понятия для интеграции различных точек зрения в единую научно-обоснованную теорию ценностей» [14, с. 18].

Чувство групповой идентичности усиливается за счет восприятия себя в оппозиции к другим группам. Наличие соперников и врагов помогает нам определить себя более четко и сильно. Это также помогает укрепить групповую идентичность, предоставляя общие цели с единомышленниками.

Представители бихевиоризма изучали особенности группового и межгруппового поведения. М. Шериф, например, в своей программе исследований межгруппового взаимодействия и влияния функциональной взаимозависимости между группами показал, как дружественные взаимоотношения становятся враждебными в результате искусственно внедренного фактора межгрупповой конкуренции. Несовместимые групповые цели могут порождать конкурентное взаимодействие, которое ведет к групповой дискриминации и, наконец, к межгрупповому конфликту.

Анализируя теорию М. Шерифа, Дж. Тернер отмечает, что общие «высшие» цели должны считаться именно таковыми до того, как группа начнет действовать в направлении их достижения. Ученый считает, что даже когда общие цели будут осознаны участниками, это не приведет автоматически к решению межгруппового конфликта, а будет зависеть именно от того, насколько взаимодействие будет способствовать созданию единой группы, которая будет включать в себя все предыдущие группы [11].

Д. Кэмпбелл вывел теорию межгруппового конфликта на основании выводов М. Шерифа и назвал ее «теорией конфликта реальных групп». Он определил, что реальный конфликт интересов между группами обуславливает отношения конкуренции и ожидания реальной угрозы со стороны другой группы. А реальная угроза обуславливает следующее: враждебность отдельных членов группы к источнику угрозы; увеличение внутригрупповой солидарности; более полное осознание индивидом своей групповой принадлежности; увеличение устойчивости периода группового членства; уменьшение степени отклонения индивидов

Рисунок – Авторская модификация концепции социальной идентичности

от выполнения групповых норм; увеличение меры наказания за нарушение этих норм, даже к исключению нарушителя из группы [2].

Таким образом, бихевиористы вывели проблему межгрупповых конфликтов на социальный уровень и рассматривали ее не как функцию взаимодействия отдельных индивидов, а как функцию межгрупповых отношений.

Представителем когнитивистского направления Г. Тэджфелом проводились целенаправленные исследования по проблеме социальной идентификации, которые положили основу теории социальной идентичности. Исследователь сделал попытку продемонстрировать, что социальная идентификация человека влияет на его поведение относительно отношения к разнообразным группам; что осознаваемая принадлежность к группе способна изменить социальное поведение личности, наложить ограничение или, наоборот, предоставить свободу действий [3].

Как отмечено выше, эмпирические основы теории начали складываться еще в работах М. Шерифа, Д. Кэмпбелла и других. Г. Тэджфел организовал «минимальный групповой эксперимент», с помощью которого определились детерминанты внутригруппового фаворитизма, то есть эффекта преимущества. По выводу Г. Тэджфела, достаточной почвой межгруппового конфликта может быть несовпадение целей, при этом необязательным является конфликт интересов (как это

очевидно из результатов исследований М. Шерифа). Г. Тэджфел доказал этот постулат с помощью ряда экспериментов, в которых он пытался исключить все факторы возникновения межгруппового конфликта, кроме факта группового членства. В результате наблюдалось ярко выраженное преимущество членов своей группы при других одинаковых условиях [12].

Как показали результаты исследований, разделение людей на группы всегда вызывало конкуренцию. Было определено, что когнитивные процессы лежат в основе регуляции межгруппового взаимодействия. Теория базировалась на трех процессах: социальной категоризации, социальной идентификации и социальном сравнении.

Дж. Тернер сделал попытку переосмыслить теорию социальной идентичности как теорию межгруппового поведения в когнитивную теорию психологии группы. Переходу способствовала гипотеза о самостереотипизации. Автор выявил, что в определенных ситуациях социальная идентичность может достичь уровня, на котором практически исключается личностная идентичность. Основой этого служит явление категоризации: функционирование социальной категоризации в представлениях о себе предопределяет самостереотипизацию, которая является тесно связанной с деперсонализацией человека, поскольку он воспринимает себя в это время в тех же категориях,

что и других членов группы. Эта когнитивная дефиниция себя, которая заключается в переходе от уникальных черт и индивидуальных особенностей к членству в социальной категории и к стереотипам, и опосредствует поведение группы [11].

Представитель деятельностного подхода Г. Андреева, как и В. Агеев, определяет идентификацию в качестве одного из механизмов социального восприятия. Социальная идентичность представляет собой способ организации для данного индивида его представлений о себе и о группе, к которой он принадлежит; деятельность, которую индивид осуществляет с личной позиции в социальной структуре, определяющей его идентичность, чем то, что он думает о месте в этой структуре» [17].

Представленная совместная межгрупповая деятельность не сводится только к непосредственному взаимодействию (как это было в экспериментах М. Шерифа). Межгрупповые отношения и, в частности, представления о «других группах» могут возникать и при отсутствии непосредственного взаимодействия между группами, как, например, в случае отношений между большими группами. Здесь в качестве опосредующего фактора выступает более широкая система социальных условий, общественно-историческая деятельность данных групп.

Межгрупповая деятельность может выступать как в форме непосредственного взаимодействия различных групп, так и в своих крайне опосредованных безличных формах, например, через обмен ценностями культуры, фольклора и т.п. Примеров такого рода отношений можно найти очень много в области международной жизни, когда образ «другого» (другой страны, другого народа) формируется вовсе не обязательно в ходе непосредственного взаимодействия, но на основе впечатлений, почерпнутых из художественной литературы, средств массовой информации и т.п. Как сама природа межгруппового восприятия, так и зависимость его от характера культуры обуславливает особо важную роль стереотипов в этом процессе. Восприятие чужой группы через стереотип – явление широко распространенное.

Среди социально-психологических феноменов в исследованиях межгруппового взаимодействия особую роль В.С. Агеев отводит фаворитизму (благоприятствование членам собственной группы в противовес членам другой проявляется как во внешнем поведении, так и в процессах соци-

ального восприятия). Выяснено, что фаворитизм тем выше, чем важнее для группы критерии группового сравнения, более сравнимыми являются ингруппа и аутгруппа, больше сходство взглядов членов группы, меньше уверенности в легитимности группы, при этом принадлежность к меньшинству увеличивает фаворитизм.

Столь пристальное внимание к определению содержания социальной идентичности обусловлено тем, что в сознании молодежи она представлена скорее как некоторая абстракция, затрагивающая лишь некоторые сферы интересов молодых людей. Нашей целью является демонстрация социальной идентичности личности в изучении того или иного подхода, раскрывающего данный феномен в различных плоскостях, представленная на приводимой ниже авторской модификации концепции социальной идентичности, изображенной на рисунке.

Заключение. Таким образом, анализ по заявленной проблеме позволил нам сделать некоторые выводы. Теоретические основы социальной идентичности сквозь призму современной психологии представлены в следующих подходах: психоаналитическом, социологическом, бихевиоризме, когнитивизме, деятельностном. Данные подходы включают вопросы теоретико-методологической основы в изучении различных аспектов личности. Проведенные нами исследования основаны на анализе психологической классики, в которой представлены те или иные аспекты рассматриваемой проблемы. В условиях высокого уровня современных социокультурных трансформаций психологические механизмы в формировании социальной идентичности личности в ценностях патриотической культуры приобретают все более востребованный характер и требуют дальнейшего изучения. В качестве перспектив исследования следует изучить систему современной парадигмы постмодернистской психологии.

Литература

1. Erikson, E.H. Identity: Youth and Crisis / E.H. Erikson. – New York, 1968. – 336 p.
2. Sherif, M. In common predicament: Social Psychology of intergroup Conflict and Cooperation / M. Sherif. – Boston: Houghton Mifflin, 1966. – 192 p.
3. Tajfel, H. Differentiation Between Social Groups / H. Tajfel. – New York: Academic Press, 1978. – 490 p.
4. Fromm, E. The Crisis of Psychoanalysis / E. Fromm. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1970. – 161 p.
5. Parsons, T. Social Systems and the Evolution of Action Theory / T. Parsons. – New York: Free Press, 1977. – 420 p.
6. Berger, P.L. The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion / P.L. Berger. – Garden City, New York: Doubleday and Company, 1968. – 230 p.

7. Luckmann, T. Life-world and social realities / T. Luckmann. – London: Heinemann Educational Books, 1983. – 229 p.
8. Bourdieu, P. Social theory for a changing society / P. Bourdieu, J.M. Coleman. – New York: Russell Sage foundation, 1991. – 387 p.
9. Мид, Дж.Г. Избранное: сб. переводов / Дж.Г. Мид; РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований; сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2009. – 290 с.
10. Джемс, У. Психология / У. Джемс; под ред. Л.А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
11. Агеев, В.С. Теория социальной идентичности и ее эмпирические верификации / В.С. Агеев, А.К. Толмасова // Психология самосознания: хрестоматия по социал. психологии личности / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2003. – С. 624–641.
12. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В.С. Агеев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 240 с.
13. Баранова, Т.С. Теоретические модели социальной идентификации личности / Т.С. Баранова // Психология самосознания: хрестоматия по социал. психологии личности / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2003. – С. 603–612.
14. Русецкий, А.В. Созидательный и гуманистический потенциал белорусской национальной идеи: монография / А.В. Русецкий, Л.А. Гащенко. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2018. – 203 с.
15. Лескова, И.В. Социокультурная идентичность: теоретические и прикладные аспекты / И.В. Лескова // Социальная политика и социология. – 2007. – № 3. – С. 35–39.
16. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности / В.А. Ядов // Мир России. – 1995. – № 3–4. – С. 158–181.
17. Теории личности в западноевропейской и американской психологии: Психология личности: [хрестоматия / ред.-сост. и авт. предисл. Д.Я. Райгородский]. – Самара: Изд. дом «Бахрах», 1996. – 478 с.
18. Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/>. – Дата доступа: 15.09.2022.
19. Ильин, Е.А. Гражданско-патриотическое воспитание молодежи как фактор национального прогресса / Е.А. Ильин // Студент года-2022: сб. ст. междунар. учеб.-исслед. конкурса: в 4 ч. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2022. – Ч. 3. – С. 77–86.
20. Ильин, Е.А. Теоретические основы изучения проблемы гражданско-патриотического воспитания будущих специалистов социальной сферы в вузе / Е.А. Ильин // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер: сб. науч. ст. / под общ. ред. Е.Л. Михайловой. – Витебск, 2022. – С. 135–140.

Поступила в редакцию 19.09.2022

Роль личностной тревожности в выборе копинг-стратегий поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья

Оленина О.Е.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В данной работе рассматриваются результаты исследования роли личностной тревожности в использовании неадаптивных копинг-стратегий поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья.

Цель статьи – изучение роли личностной тревожности как фактора в использовании неадаптивных стратегий поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья.

Материал и методы. В исследовании был использован метод опроса на основании следующих методик: шкала личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера–Ю.Л. Ханина, опросник «Способы совладающего поведения Р. Лазаруса».

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования дают основание говорить о том, что несмотря на значительное количество исследований, посвященных психологическим особенностям людей с ограниченными возможностями здоровья, в спектре интересующих все еще остается масса нерешенных проблем, в том числе касаемых специфики совладающего поведения данной категории личностей.

Заключение. Полученные результаты помогают определить направление дальнейшего исследования возможных копинг-ресурсов у людей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: тревожность, личностная тревожность, свойство, устойчивое образование, копинг, стратегия, совладающее поведение, инвалидность, ограниченные возможности, личность.

The Role of Personality Anxiety of People with Disabilities in Choosing Behavior Coping Strategies

Olenina O.E.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

This paper discusses the results of a study of the role of personality anxiety in the use of maladaptive coping strategies of behavior by people with disabilities.

The purpose of the article is to study the role of personal anxiety as a factor in the use of maladaptive behavior strategies by people with disabilities.

Material and methods. The survey method was used in the study based on the following methods: the scale of personal anxiety of C.D. Spielberger–Y.L. Khanin, the questionnaire "Methods of coping behavior of R. Lazarus".

Findings and their discussion. The research findings give reason to say that despite a significant number of studies devoted to the psychological characteristics of people with disabilities, there are still a lot of unresolved problems in the spectrum of interest, including those related to the specifics of coping behavior of this category of individuals.

Conclusion. The obtained results help to determine the direction of further research of possible coping resources of people with disabilities.

Key words: anxiety, personal anxiety, property, sustainable education, coping, strategy, coping behavior, disability, limited opportunities, personality.

В психологической терминологии неадаптивные варианты копинг-поведения подразумевают под собой понятие, основой для описательной характеристики которого могут служить эмоционально окрашенные реакции в виде состояния безнадежности, злости, подчинения, подсознательное блокирование проживания иных чувств, а также переживание чувства вины, транслируемое на себя и других людей [1; 2]. Есть предположение о том, что лица с врожденными и приобретенными инвалидизирующими заболеваниями адаптированы к ним, хотя и используют

разнообразные стратегии преодоления, могут совмещать их, выбирать наиболее эффективные, однако наличие тревожности может привести к тому, что копинг-стратегии совладания со стрессом могут смениться на неадаптивные. Сами психологические возможности личности, имеющей инвалидность, с одной стороны, могут быть ограничены самим заболеванием, а с другой – могут приумножаться в результате аккумуляции активизации ресурсов [3; 4]. Лица с врожденными или приобретенными инвалидизирующими заболеваниями часто ограничены в своих копинг-ре-

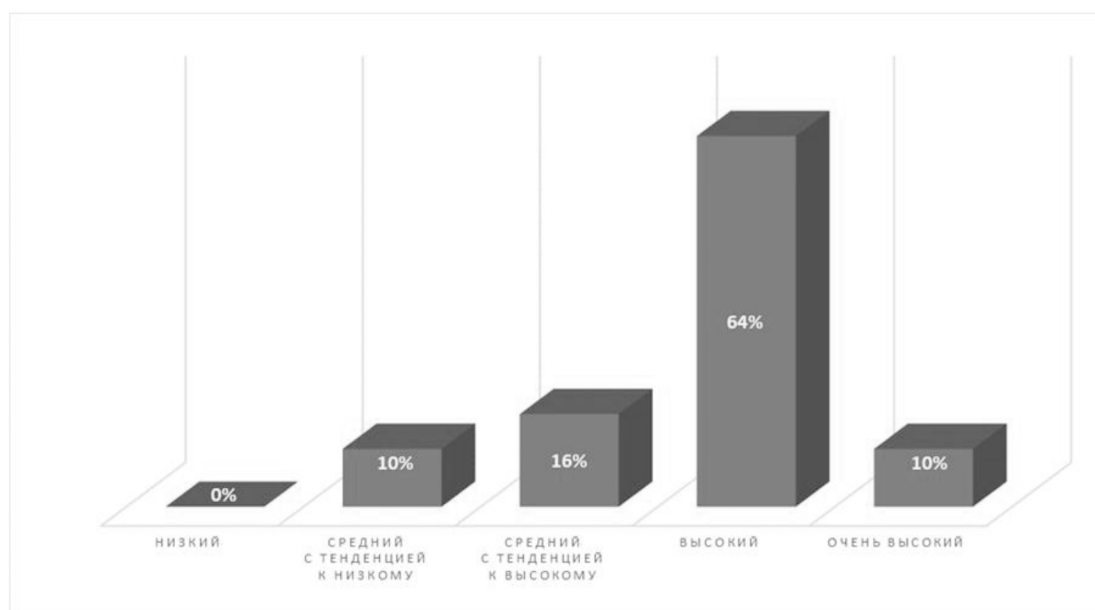

Рисунок – Результаты диагностики личностной тревожности у людей с ограниченными возможностями здоровья

сурсах в результате сильного травмирующего воздействия экстремальной ситуации, связанной с утратой здоровья. Создание условий для развития эффективных стратегий преодоления у лиц с инвалидностью становится главной целью психологической помощи данной категории людей.

Цель статьи – изучение роли личностной тревожности как фактора в использовании неадаптивных стратегий поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья.

Материал и методы. Исследование было проведено в городе Витебске в 2022 году. На участие в нем дали свое согласие 19 человек в возрасте от 19 до 37 лет, имеющих разные формы инвалидности. Основной характер врожденного либо приобретенного заболевания, приведшее к инвалидности, был связан с дисфункцией опорно-двигательного аппарата, травмы шейного и спинного отделов, а также с ампутированием конечностей ног и рук. Для осуществления исследования использовались следующие методы: диагностические методы, методы количественной и качественной обработки эмпирических данных, включая методы математической статистики. В связи с наличием определенных сложностей в организации и проведении диагностики испытуемых при личной встрече исследование проводилось при помощи сети Интернет в виде специально разработанных электронных бланков используемых методик с предоставлением

соответствующей к ним инструкции и обеспечением принципа конфиденциальности данных респондентов.

Результаты и их обсуждение. Исследование осуществлялось в несколько этапов:

подготовительный – определение выборки, конкретной группы людей, принимающих участие в исследовании;

эмпирический – подбор эмпирического инструментария и проведение тестирования испытуемых;

обработка данных эмпирического исследования – качественный анализ данных, статистические расчеты, анализ и интерпретация результатов;

завершающий – оформление полученных результатов (построение диаграмм, таблиц); формулировка выводов.

Эмпирический этап был начат с диагностики испытуемых с помощью методики Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина [5] (рисунок).

Результаты данной диагностики показали, что низкий уровень личностной тревожности не был выявлен ни у одного из испытуемых нами респондентов – 0%; средний с тенденцией к низкому уровень тревожности проявляется у 10% испытуемых; аналогичная ситуация наблюдается и с очень высоким уровнем личностной тревожности – он выявлен также у 10%; средний уровень личностной тревожности с тенденцией к высокому отмечается у 16% испытуемых; и, наконец,

Таблица – Результаты диагностики копинг-стратегий поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья по методике Лазаруса

Название копинга	Высокий уровень напряженности	Средний уровень напряженности	Низкий уровень напряженности
Конфронтационный копинг	26%	48%	26%
Дистанцирование	42%	32%	26%
Самоконтроль	32%	53%	15%
Поиск социальной поддержки	42%	32%	26%
Принятие ответственности	26%	53%	21%
Бегство–избегание	15%	37%	48%
Планирование решения проблемы	21%	26%	53%
Положительная переоценка	15%	32%	53%

наибольшее количество людей с ограниченными возможностями здоровья, по результатам методики, испытывают высокий уровень личностной тревожности – 64% испытуемых. В данном случае этот уровень является доминирующим среди диагностируемой выборки соответственно.

Диагностика копинг-стратегий поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья при помощи методики Лазаруса [6; 7] показала результаты, которые представлены ниже (таблица).

В таблице представлены результаты, согласно которым высокие и средние показатели получены по следующим шкалам: Дистанцирование, Поиск социальной поддержки, Конфронтационный копинг, Самоконтроль, Принятие ответственности.

Дистанцирование предусматривает субъективное уменьшение значимости, уровня вмешательства эмоциональной проблемы, для людей с этим копингом характерны рациональные приемы, передача внимания, удержание, юмор и оскорбление и т.д. Наоборот, эта стратегия способна предотвратить интенсивные эмоциональные реакции на депрессии. Однако существует вероятность того, что собственные ощущения и возможности действенного решения трудностей могут обесцениться.

Стратегия поиска социальной поддержки предполагает попытку решить проблему с помощью внешних социальных ресурсов, поиска ин-

формационной, эмоциональной и действенной поддержки. Для нее характерна ориентация на общение с окружающими, стремление к вниманию, помощи и состраданию. Конфронтационный копинг предполагает определенное враждебное и готовое рискнуть. Если применять умеренно, этот тип копинга способен помочь в решении трудностей, придать энергию, инициативу для решения проблем. Такие данные свидетельствуют о слабом развитии умения отстаивать свои интересы и вести себя в условиях стресса. Самоконтроль означает, что нужно приложить усилия в целях регулирования своих чувств и действий.

Стратегия принятия ответственности предполагает признание субъектом своей роли в создании проблемы и ответственности за решение задачи.

Стоит обратить внимание и на низкие показатели по следующим шкалам: Бегство–избегание, Планирование решения проблем и Положительная переоценка. Бегство–избегание – это реакция на типы уклонения. При таком подходе можно наблюдать инфантильное поведение в ситуациях, когда проблемы не игнорируются, отсутствует ответственность, пассивная вспышка раздражения, употребляют алкоголь и так далее. Большинство исследователей считают, что данная стратегия является неадаптивной. Это свидетельствует о низком приспособлении к стрессовым ситуациям, и поэтому можно часто использовать не игнори-

рование внешних факторов, вызывающих внутренний стресс.

Стратегия по планированию решения проблем предполагает анализ ситуации и планирование своих действий в соответствии с вашим прошлым опытом и имеющимися ресурсами. Наконец, стратегия положительной переоценки предусматривает попытку преодоления негативных переживаний в этом вопросе путем позитивной переоценки, считааемых стимулом для роста личности. Для нее характерно сосредоточенное внимание на личной, философской трактовке проблемных ситуаций и включение в широкий контекст человеческой работы по саморазвитию.

В результате полученных данных можно сказать, что респонденты являются социально уязвимыми группами, которые нуждаются в регулировании своих чувств и поступков и находятся в поисках эмоционального и действенного содействия окружающим. Возможно, внутреннее мотивирование способно построить позитивный ответ на стрессовые факторы в окружающей реальности, но, видимо, внутренний ресурс копинга достаточно развит, что может помочь убрать подсознательную потребность в помощи от подсознательного потребления помощи. Также стоит учитывать еще один важный факт – тяжесть болезни, которая привела к определенному этапу инвалидности, и характер ее возникновения может стать еще одним из их главных причин, которые вызывают определенные трудности в социально-адаптационном характере людей, имеющих инвалидность.

Для определения наличия связи между личностной тревожностью и неадаптивными копинг-стратегиями поведения (по методике Лазаруса), выбранными испытуемыми, нами был использован корреляционный анализ полученных данных. В ходе данного анализа было выявлено, что между интересующими нас переменными существует определенная связь:

- прямая взаимосвязь между *личностной тревожностью* и *конфронтационным копингом* ($r = 0,637$ при значимой корреляции на уровне 0,05). Здесь мы наблюдаем недостаточную целенаправленность, рациональное обоснование поведения в ситуации с проблемой;

- прямая взаимосвязь между *личностной тревожностью* и *дистанцированием* ($r = 0,796$ при значимой корреляции на уровне 0,01). Вероятность оскорбления собственных эмоций, недооценки значения и возможности действенного решения проблемных задач;

- обратная взаимосвязь *личностная тревожность–самоконтроль* ($r = -0,624$ при значимой корреляции на уровне 0,05). На основе этой связи могут возникать некоторые трудности, связанные с выражением чувств, потребностей, побуждений из-за проблемной ситуации, присутствие сверхконтрольного поведения;

- обратная взаимосвязь между *личностной тревожностью* и *принятием ответственности* ($r = -0,772$ при значимой корреляции на уровне 0,01). Можно рассматривать как возможность незаконной самокритики, принятия чрезвычайных ответственностей;

- прямая взаимосвязь между *личностной тревожностью* и *бегством–избеганием* ($r = 0,518$ при значимой корреляции на уровне 0,05). Эта связь, скорее, характеризуется невозможностью решить проблему, вероятностью накопления проблем, кратковременным эффектом предпринятых действий, способствующих снижению эмоционального дискомфорта;

- обратная взаимосвязь между *личностной тревожностью* и *планированием решения проблемы* ($r = -0,794$ при значимой корреляции на уровне 0,01). Связь, в которой можно отметить вероятность недостаточного рационализма, недостаточного эмоционального состояния, интуитивности и спонтанности в поведении;

- обратная взаимосвязь между *личностной тревожностью* и *положительной переоценкой* ($r = -0,822$ при значимой корреляции на уровне 0,01). Возможность недооценить личностью возможности действенного решения проблемы. Тревожность может препятствовать переоценке проблемы с положительной характеристикой.

Исходя из этого, наличие выявленных связей между диагностируемыми уровнями личностной тревожности и выбранными копинг-стратегиями поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья может свидетельствовать о том, что основой проблематики данных результатов могут служить затруднения в личностной, мотивационно-потребностной сферах, а также затруднения в адаптационном процессе в условиях окружающей среды людей с врожденной или приобретенной формой инвалидности. Личностные внутренние ресурсы данной категории людей подобным образом могут быть изучены в дальнейших научных исследованиях.

Заключение. Стоит констатировать, что наличие инвалидности не является ограничивающим фактором на дальнейшем пути развития личности, а напротив, прикладывает необходимые

усилия для создания необходимых условий для благоприятного осуществления данного процесса. Таким образом, для подготовки оказания психологической помощи для подобной категории лиц обязательной выступает роль сформированности соответствующих для этого копинговых стратегий. Результаты исследования позволяют нам говорить о том, что независимо от количества других исследований, посвященных теме психологических особенностей людей с ограниченными возможностями здоровья, связанных с тревожностью и копинговыми стратегиями поведения, в центре актуальных остаются вопросы по данной проблеме, что дает право на их будущее продолжение рассмотрения. Все эти вопросы подвергаются дальнейшему научному изучению, а результаты нашего исследования дают основание для положительной мотивации в решении данного вопроса.

Литература

1. Богомаз, С.Л. Влияние тревожности на стратегии поведения личности с ограниченными возможностями здоровья / С.Л. Богомаз, О.Е. Оленина // Психологический Vademecum: Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход: сб. науч. ст. / под ред. С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи, С.Ф. Пашковича. – Витебск, 2019. – С. 85–91.
2. Богомаз, С.Л. Тревожность как стратегия поведения личности с ограниченными возможностями здоровья / С.Л. Богомаз, О.Е. Оленина // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 3. – С. 78–81.
3. Леонтьев, А.Д. Развитие личности в норме и затрудненных условиях / А.Д. Леонтьев // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10, № 3. – С. 97–106.
4. Буркина, М.Ю. Особенности тревожности студентов бакалавриата педагогического профиля [Электронный ресурс] / М.Ю. Буркина // International Journal of Medicine and Psychology = Международный журнал медицины и психологии. – 2020. – Т. 3, № 1. – Режим доступа: <https://ijmp.ru/archives/10045>. – Дата доступа: 21.02.2022.
5. Спилбергер, Ч.Д. Шкала личностной и ситуативной тревожности / Ч.Д. Спилбергер // Психологическая диагностика. – 2011. – № 3. – 141 с.
6. Набиуллина, Р.Р. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция): учеб. пособие / Р.Р. Набиуллина, И.В. Тухтарова. – Казань: Казан. гос. мед. акад., 2003 – 99 с.
7. Крюкова, Т.Л. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк // Журн. практ. психолога. – 2007. – № 3. – С. 93–112.

Поступила в редакцию 30.03.2022

Предикторы конструктивного взаимодействия у детей младшего школьного возраста

Круглова Н.В.

Белорусский государственный университет

Статья посвящена изучению конструктивного взаимодействия у детей младшего школьного возраста. Рассмотрены теоретические подходы к пониманию конструктивного взаимодействия у различных авторов, приведены его характеристики и особенности с учетом взаимодействия у детей младшего школьного возраста, на основании чего предлагается авторское определение конструктивного взаимодействия, которое уточняет существующие определения с учетом полученных автором результатов исследования.

Цель данной статьи – выявление предикторов конструктивного взаимодействия у детей младшего школьного возраста.

Материал и методы. Для выявления предикторов конструктивного взаимодействия был проведен эксперимент, в котором были организованы специальные условия взаимодействия детей друг с другом с использованием головоломки Танграм. Дети были объединены в тройки, где было проанализировано взаимодействие ребенка с принятым и отверженным сверстником.

Результаты и их обсуждение. В результате проведения эксперимента были выявлены основные прогностические показатели конструктивного взаимодействия у детей младшего школьного возраста. Таковыми показателями стали: коллективистическая направленность коммуникации, альтруизм к принятому и отверженному сверстнику, мотивация совместной деятельности и результат деятельности. Не являются прогностическими показателями конструктивного взаимодействия следующие характеристики: помогающая направленность коммуникации, помогающее поведение и мотивация помогающего поведения, эгоизм, стратегия деятельности, конструктивная стратегия принятия общего решения. Кроме того, были выявлены половые различия в предикторах конструктивного взаимодействия: для мальчиков большей силой влияния обладает альтруизм к отверженному сверстнику, а для девочек – альтруизм к принятому.

Заключение. Выявленные предикторы конструктивного взаимодействия обладают высокой степенью прогностичности – 98% у мальчиков и 99% у девочек. Полученные в результате эксперимента выводы согласуются с проведенными ранее исследованиями, уточняя и дополняя их.

Ключевые слова: конструктивное взаимодействие, дети младшего школьного возраста, коллективистическая направленность коммуникации, альтруизм к принятому и отверженному сверстнику, мотивация совместной деятельности, результат деятельности.

Predictors of Young Schoolchildren Constructive Interaction

Kruglova N.V.

Belarusian State University

The article is concerned with the study of constructive interaction of young schoolchildren. Theoretical approaches to the understanding of constructive interaction by various authors are considered, its characteristics and features are given, taking into account young schoolchildren. On the basis of it, the author's definition of constructive interaction is given, which clarifies the existing definitions, taking into account the research results obtained by the author.

The purpose of this article is to identify predictors of young schoolchildren constructive interaction.

Material and methods. To identify predictors of constructive interaction, an experiment was conducted in which special conditions were organized for the interaction of children with each other using the Tangram puzzle. The children were united in triplets, where the interaction of the child with the accepted and rejected peers was analyzed.

Findings and their discussion. As a result of the experiment, the main prognostic indicators of young schoolchildren constructive interaction identified. Such indicators were: the collectivistic orientation of communication, altruism towards the accepted and rejected peers, the motivation for joint activities and the result of the activity. The following characteristics are not predictive indicators of constructive interaction: helping orientation of communication, helping behavior and motivation of helping behavior; selfishness, activity strategy, constructive strategy for making a common decision. In addition, gender differences were revealed in the predictors of constructive interaction: for boys, altruism towards a rejected peer has greater power of influence, and for girls, altruism towards an accepted one.

Conclusion. The identified predictors of constructive interaction have a high degree of predictability – 98% boys and 99% girls. The conclusions obtained as a result of the experiment are consistent with previous studies, clarifying and supplementing them.

Key words: constructive interaction, young schoolchildren, collectivistic orientation of communication, altruism towards accepted and rejected peers, motivation for joint activity, result of activity.

Изучение конструктивного взаимодействия у детей в последние годы приобретает все больший интерес в связи с тем, что происходит транс-

формация процесса коммуникации в современном обществе. У детей наблюдается тенденция выстраивать взаимодействие посредством циф-

ровых средств коммуникации (гаджетов), а не с помощью системы «человек–человек». Таким образом, можно отметить, что у детей затрудняется развитие коммуникативных навыков в естественной среде, у них постепенно может утрачиваться навык живого общения со сверстниками и снижаться способность к речевой коммуникации, вследствие чего возникают сложности в сфере эмоционального интеллекта. Это в свою очередь создает препятствие для развития естественного процесса межличностной коммуникации и построения конструктивных форм взаимодействия в детских группах.

Для решения этой проблемы в школьных учебных заведениях уделяется особое внимание социализации детей и формированию у них коммуникативных навыков. Психологи и педагоги отмечают, что групповое взаимодействие детей способствует лучшему усвоению знаний и полноценному развитию личности ребенка и его социализации. Однако возникает вопрос, всякое ли взаимодействие детей можно считать таковым. В связи с этим возрастает актуальность изучения различных форм межличностного взаимодействия детей, а именно – конструктивного взаимодействия, которое в общем понимании предполагает благоприятное воздействие на развитие и становление личности.

Цель данной статьи – выявление предикторов конструктивного взаимодействия у детей младшего школьного возраста.

Материал и методы. С целью выявления предикторов конструктивного взаимодействия было проведено эмпирическое исследование [1]. Для эксперимента были организованы специальные условия совместной деятельности детей с помощью головоломки Танграм [2].

В ходе эксперимента были изучены следующие характеристики конструктивного взаимодействия, выявленные ранее [1]:

- мотивация помогающего поведения;
- альтруизм;
- мотивация деятельности;
- коммуникация.

При обработке данных детям были присвоены условные обозначения: Р1 (ребенок 1) был основным актором, Р2 (ребенок 2) – принятый актором по результатам социометрии и Р3 (ребенок 3) – отверженный им.

Эксперимент проводился с младшими школьниками в возрасте 8–10 лет ($N = 104$). Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью регрессионного анализа в программе SPSS 13.

Результаты и их обсуждение. В понимании большинства авторов конструктивное взаимодействие – это поведение, которое включает в себя конкретность действий, вовлеченность в процесс, ясную и открытую коммуникацию, а также честность и готовность к сотрудничеству. По мнению В.С. Смирнова [3], конструктивное взаимодействие – это такой вид социального взаимодействия, который характеризуется продуктивностью и результативностью совместной деятельности. С точки зрения Г.М. Шигабетдиновой [4], конструктивное взаимодействие можно сравнить с партнерством, поскольку партнерство, в ее понимании, представляет собой тип конструктивного взаимодействия, направленный на достижение общей цели, и подразумевает согласование разных позиций и наличие договоренностей – правил взаимодействия. Л.Д. Столяренко [5] рассматривает конструктивное взаимодействие как кооперацию, которая включает взаимопомощь участников, взаимовлияние и включенность во взаимодействие.

Попытку подробнее описать конструктивное взаимодействие предпринимала О.А. Чебыкина [6], которая выделила ряд характеристик конструктивного взаимодействия и объединила их в 4 основных компонента:

1. Когнитивно-коммуникативный компонент: знание коммуникации, умение излагать мысли, убеждать, аргументировать, анализировать, организовывать и поддерживать диалог, коммуникативно-организационные способности, познавательная активность, самостоятельность.

2. Ценностно-мотивационный компонент: ценностные установки личности, стратегии психологической защиты в общении.

3. Рефлексивный компонент: способность к самоанализу, потребность в саморазвитии, самоактуализации, проявление эмпатии, взаимопонимание, взаимоподдержка, учет мнения другого.

4. Деятельностный компонент: совместная деятельность, согласованность и координация действий, организационные умения.

По мнению ученого, взаимодействие можно считать конструктивным, если оно целенаправленно, построено на основе сотрудничества участников и представляет собой совместную деятельность заинтересованных друг в друге личностей. Она также называет конструктивное взаимодействие рациональным и продуктивным. Участники такого взаимодействия стремятся к продуктивному разрешению возникающих про-

тиворечий. Признаками конструктивного взаимодействия являются целенаправленность, мотивированность, согласованность и организованность.

Таким образом, конструктивное взаимодействие младших школьников можно определить как совместную деятельность двух и более детей, требующую от них достаточно высокого уровня развития коммуникативных навыков, рефлексии и организационных умений, активную и партнерскую позицию каждого участника, мотивированность и стремление к сотрудничеству, а также нацеленность на достижение общего результата. Такая деятельность приводит к взаимным изменениям всех субъектов (участников) этого процесса.

Иными словами, признаком конструктивного взаимодействия в детском возрасте может быть достижение общего результата совместной деятельности. Важным здесь является именно совместная деятельность детей, направленная на достижение результата. Результат также может быть достигнут каждым ребенком в отдельности, но такая ситуация не является ситуацией конструктивного взаимодействия. В связи с этим важно добавить, что конструктивное взаимодействие предполагает умение детей договариваться, прислушиваться к партнеру, разрешать возникающие противоречия, чтобы осуществлять взаимодействие, не выбирая индивидуалистическую стратегию достижения результата.

На основании выделенных и описанных в литературе характеристик и признаков конструктивного взаимодействия было выдвинуто предположение о том, что некоторые из них могут являться прогностическими показателями конструктивного взаимодействия, по которым можно судить о склонности детей проявлять конструктивное взаимодействие с большей вероятностью. В связи с этим далее рассматриваются характеристики конструктивного взаимодействия, которые предположительно могут выступать его предикторами.

В исследованиях взаимосвязи конструктивного взаимодействия и коммуникации последнее описывается как важнейший навык для установления контакта [7–9]. Кроме того, коммуникацией регулируются отношения между участниками взаимодействия. С помощью нее можно договориться о совместной деятельности, согласовать действия участников, разрешить конфликты, найти общее решение для достижения результата совместной деятельности [7; 8]. В некоторых социометрических исследованиях была обнаружена взаимосвязь высокого социометрического статуса и высоких коммуникативных способностей

детей младшего школьного возраста [9]. Иными словами, умение организовать коммуникацию может являться предпосылкой для наличия симпатий и включенности отдельного индивида в деятельность группы, что может стать основой для появления конструктивного взаимодействия в группе детей.

Альтруизм как характеристика конструктивного взаимодействия рассмотрен в исследованиях К. Хилла [10], где была установлена взаимосвязь между частотой выбора сверстника в качестве партнера для взаимодействия и его альтруистическими чертами. Для включенности в социальную деятельность и организацию конструктивного взаимодействия, по мнению Х. Ана и П. Родкина [11], необходим целый ряд навыков, какими должна владеть личность, среди которых не последнее место занимают альтруизм и помогающее поведение.

Рассматривая альтруизм как черту просоциального поведения в целом, стоит упомянуть прогностические показатели просоциального поведения. Изучив предикторы просоциального поведения и взаимодействия, основанного на сотрудничестве, в литературе указывается на то, что третьеклассники с профилями высокой или средней степени саморегуляции и низкой или средней степени отрицательной эмоциональности оценивались как наиболее просоциальные и готовые к сотрудничеству. Дети с профилями, которые имели менее развитую степень саморегуляции и с высокой негативной эмоциональностью (особенно склонностью к гневу), были оценены родителями и учителями как менее склонные к сотрудничеству и просоциальному поведению [12].

Существуют данные, указывающие на ранние проявления альтруистического поведения у детей в возрасте до года и в младшем дошкольном возрасте. На основании этих данных некоторые ученые [13] предпринимали попытки предсказать склонности к альтруистическому поведению в более позднем возрасте. В лонгитюдном исследовании, первый этап которого был проведен с детьми дошкольного возраста, было изучено, как дошкольники относятся к сверстникам, а также насколько они понимают и воспринимают точку зрения других. Через 5–6 лет, когда детям было около 10 лет, была проведена повторная оценка. Однако устойчивость первоначальных результатов была очень слабой.

Помимо этого, имеются другие многолетние исследования. В процессе наблюдения за группой детей, в которой каждый ребенок в течение

нескольких лет жертвовал на блага нуждающихся детей и помогал взрослым по дому, были получены важные данные. Когда этим детям исполнилось по 10–12 лет, было обнаружено, что те, кто имел высокий уровень альтруизма в раннем возрасте, с большей вероятностью проявляли его в более поздний период своей жизни [14].

Ссылаясь на эти исследования, была выдвинута идея о том, что существуют определенная последовательность и стабильность альтруистического поведения детей по мере их взросления. Кроме того, отмечаются достаточно устойчивые характеристики данного поведения, на основании которых можно спрогнозировать вероятность проявления альтруистического поведения в более позднем возрасте [15].

При изучении детей более старшего возраста были выявлены основные предикторы просоциального поведения, которыми стали просоциальные нормы, прагматические ценности и различные аспекты эмпатии (личный дистресс и эмпатия) [16].

Мотивация совместной деятельности свидетельствует о стремлении детей сотрудничать и кооперироваться при выполнении задания. Установлено, что чем она выше, тем больше дети стремятся к совместной деятельности [4]. В связи с этим конструктивное взаимодействие можно сравнить с партнерством, которое представляет собой тип взаимодействия, направленный на достижение общей цели, и подразумевает согласование разных позиций и наличие договоренностей – правил взаимодействия. Конструктивное взаимодействие трактуется Л.Д. Столяренко [5] как кооперация и включает взаимопомощь участников, взаимовлияние и включенность во взаимодействие. По О.А. Чебыкиной [6], конструктивным взаимодействием становится в том случае, если оно целенаправленно, построено на основе сотрудничества участников и представляет собой совместную деятельность заинтересованных друг в друге личностей. Она также называет конструктивное взаимодействие рациональным и продуктивным. Участники такого взаимодействия стремятся к продуктивному разрешению возникающих противоречий. Признаками конструктивного взаимодействия являются целенаправленность, мотивированность, согласованность и организованность.

Изучая особенности диадного взаимодействия детей в возрасте 8–12 лет в процессе решения совместной задачи были получены результаты, свидетельствующие о том, что дети склонны при-

держиваться выбранной стратегии поведения на протяжении всего взаимодействия. Пары детей, начавшие взаимодействие с сотрудничества с самого начала, показали самый высокий уровень сотрудничества и в конце взаимодействия. Наоборот, не сотрудничающие пары оставались такими же до конца взаимодействия. Таким образом, оказалось, что поведение, выбранное в начале взаимодействия, оставалось стабильным на протяжении всего взаимодействия. Это может указывать на то, что дети в этом возрасте уже обладают некоторыми тенденциями в выборе стратегии поведения с партнером, а также на устойчивость мотивации, сохраняющуюся в процессе всей ситуации взаимодействия [17].

Результат деятельности как показатель конструктивного взаимодействия в психологической литературе изучен недостаточно. В.С. Смирнов [3] упоминает о продуктивности и результативности совместной деятельности как показателях конструктивного взаимодействия и отмечает, что конструктивным взаимодействием можно назвать в том случае, если были достигнуты результаты этой деятельности совместными усилиями участников.

В исследовании способности научиться сотрудничеству и просоциальному поведению у детей младшего школьного возраста были получены данные, указывающие на то, что дети, работающие постоянно вместе, учатся сотрудничать и помогать друг другу; они активно пытались вовлечь друг друга в учебную задачу, используя язык, который был более увлекающим (например, частое использование «мы»), и они давали больше объяснений, чтобы помочь друг другу во время совместной работы. Кроме того, эти дети показали значительно лучшие показатели в учебе, что можно расценивать как достижение результата (усвоение знаний) в процессе совместной деятельности. Эти данные указывают на то, что такие характеристики конструктивного взаимодействия, как сотрудничество и просоциальное поведение (альтруизм), способствуют лучшему достижению результата деятельности [18].

Таким образом, проведенный анализ литературы показал, что в доступных источниках существуют различные подходы к описанию конструктивного взаимодействия. Ряд авторов выделяет характеристики конструктивного взаимодействия у детей младшего школьного возраста, однако недостаточно данных, статистически подтверждающих взаимосвязь этих характеристик с конструктивным взаимодействием. В связи с этим

Таблица – Ключевые прогностические показатели конструктивного взаимодействия

Мальчики					
Модель	B	Ст. ошиб.	Beta	T	p-уровень
Конструктивное взаимодействие					
Константа	1,810	0,238		7,593	$\leq 0,0001$
Коллективистическая направленность коммуникации	1,033	0,036	0,599	28,804	$\leq 0,0001$
Альтруизм P1 для P3	1,029	0,040	0,555	25,817	$\leq 0,0001$
Альтруизм P1 для P2	1,045	0,055	0,407	19,034	$\leq 0,0001$
Мотивация совместной деятельности	0,521	0,049	0,218	10,629	$\leq 0,0001$
Результат деятельности	0,184	0,078	0,053	2,355	$\leq 0,023$
КМК= 0,990, КМД= 0,981, F= 483,685, $p \leq 0,0001$					
Девочки					
Модель	B	Ст. ошиб.	Beta	T	p-уровень
Конструктивное взаимодействие					
Константа	1,691	0,213		7,941	$\leq 0,0001$
Коллективистическая направленность коммуникации	1,033	0,031	0,559	33,782	$\leq 0,0001$
Альтруизм P1 для P2	1,072	0,033	0,549	32,529	$\leq 0,0001$
Альтруизм P1 для P3	1,004	0,041	0,417	24,742	$\leq 0,0001$
Мотивация совместной деятельности	0,534	0,037	0,240	14,551	$\leq 0,0001$
Результат деятельности	0,216	0,066	0,055	3,246	$\leq 0,002$
КМК= 0,994, КМД= 0,988, F= 746,653, $p \leq 0,0001$					
Независимо от пола					
Модель	B	Ст. ошиб.	Beta	T	p-уровень
Конструктивное взаимодействие					
Константа	1,765	0,153		11,527	$\leq 0,0001$
Коллективистическая направленность коммуникации	1,031	0,023	0,576	45,262	$\leq 0,0001$
Альтруизм P1 для P3	1,021	0,027	0,484	38,283	$\leq 0,0001$
Альтруизм P1 для P2	1,058	0,028	0,484	37,759	$\leq 0,0001$
Мотивация совместной деятельности	0,531	0,029	0,229	18,256	$\leq 0,0001$
Результат деятельности	0,197	0,049	0,053	4,042	$\leq 0,0001$
КМК= 0,992, КМД= 0,985, F= 1 277,133, $p \leq 0,0001$					

представляется важным проведение эксперимента с целью выявить прогностические показатели поведения, которые могут предсказать вероятность проявления конструктивного взаимодействия у младших школьников во взаимодействии со сверстниками.

В результате исследования было выявлено, что ключевыми прогностическими показателями

конструктивного взаимодействия для мальчиков по силе влияния являются (таблица): коллективистическая направленность коммуникации, альтруизм к отверженному, альтруизм к принятому, мотивация совместной деятельности, результат деятельности. Эти характеристики обладают высокой степенью прогностичности и показывают, что названные предикторы описывают 98% дисперсии.

У девочек прогностические показатели конструктивного взаимодействия расположены в следующей последовательности по силе влияния: коллективистическая направленность коммуникации, альтруизм к принятому, альтруизм к отверженному, мотивация совместной деятельности, результат деятельности. Эти характеристики также обладают высокой степенью прогностичности и показывают, что названные предикторы описывают 99% дисперсии.

Обобщение полученных данных позволило сделать вывод, что независимо от пола наиболее сильными прогностическими показателями положительной направленности являются: коллективистическая направленность коммуникации, альтруизм к отверженному и альтруизм к принятому, мотивация совместной деятельности, результат деятельности. Эти характеристики обладают высокой степенью прогностичности и показывают, что названные предикторы описывают 98% дисперсии.

Регрессионный анализ позволил установить, что *конструктивное взаимодействие у мальчиков характеризуется:*

$KB = 1,810 + 1,033 \times \text{Коллективистическая направленность коммуникации} + 1,029 \times \text{Альтруизм Р1 для РЗ} + 1,045 \times \text{Альтруизм Р1 для Р2} + 0,521 \times \text{Мотивация совместной деятельности} + 0,184 \times \text{Результат деятельности.}$

Конструктивное взаимодействие у девочек характеризуется:

$KB = 1,691 + 1,033 \times \text{Коллективистическая направленность коммуникации} + 1,072 \times \text{Альтруизм Р1 для Р2} + 1,004 \times \text{Альтруизм Р1 для РЗ} + 0,534 \times \text{Мотивация совместной деятельности} + 0,216 \times \text{Результат деятельности.}$

Конструктивное взаимодействие независимо от пола характеризуется:

$KB = 1,765 + 1,031 \times \text{Коллективистическая направленность коммуникации} + 1,021 \times \text{Альтруизм Р1 для РЗ} + 1,058 \times \text{Альтруизм Р1 для Р2} + 0,531 \times \text{Мотивация совместной деятельности} + 0,197 \times \text{Результат деятельности.}$

Полученные результаты отчасти согласуются с проведенными ранее исследованиями. В частности, взаимосвязь коммуникации и конструктивного взаимодействия описана в исследованиях А.В. Поляковой, А.А. Стукас, Дж. Корнуолл [7–9]. Альтруистическое поведение также упоминается, как показатель конструктивного взаимодействия в работах А. Хилла, Х. Ана и П. Родкина [10; 11]. Г.М. Шигабетдинова и О.А. Чебыкина [4; 6] отмечают, что мотивация совместной деятельности

является показателем конструктивного взаимодействия. О том, что результат деятельности есть признак конструктивного взаимодействия, утверждают В.С. Смирнов, А.Ф. Ашман и Р.М. Гиллис [3; 18].

Также стоит подчеркнуть, что прогностическими показателями конструктивного взаимодействия не являются следующие его характеристики: помогающая направленность коммуникации, помогающее поведение и мотивация помогающего поведения, эгоизм, стратегия деятельности, конструктивная стратегия принятия общего решения.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что полученные в ходе эксперимента результаты подтверждают существующие ранее данные и дают возможность на основании описанных характеристик с большой вероятностью прогнозировать, будет ли межличностное взаимодействие детей происходить в конструктивной форме.

Заключение. Проведенное исследование позволило определить предикторы конструктивного взаимодействия у детей младшего школьного возраста, а также выявить гендерные различия этих показателей. На основании полученных результатов были сделаны следующие выводы:

1. Основными прогностическими показателями конструктивного взаимодействия детей младшего школьного возраста являются: коллективистическая направленность коммуникации, альтруизм к принятому и отверженному сверстнику, мотивация совместной деятельности и результат деятельности.

2. Прогностическими показателями конструктивного взаимодействия не являются следующие его характеристики: помогающая направленность коммуникации, помогающее поведение и мотивация помогающего поведения, эгоизм, стратегия деятельности, конструктивная стратегия принятия общего решения.

3. Прогностические показатели конструктивного взаимодействия у мальчиков и девочек отличаются по одному показателю: для мальчиков наибольшей силой в прогнозировании конструктивного взаимодействия обладает альтруизм в отношении отверженного ими сверстника, а для девочек – альтруизм в отношении принятого ими сверстника.

Литература

1. Круглова, Н.В. Социально-психологические закономерности конструктивного взаимодействия со сверстниками у детей младшего школьного возраста: разработка дизайна

эксперимента [Электронный ресурс] / Н.В. Круглова // Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: субъект-субъектная коммуникация как фактор социализации индивида: материалы V Междунар. науч. конф., Минск, 23–24 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И.А. Фурманов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2020. – С. 118–122.

2. Saleem, M. Assessing Helping and Hurting Behaviors Through the Tangram Help/Hurt Task / M. Saleem, A.A. Craig, P.B. Christopher // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2015. – Vol. 41(10). – P. 1345–1362.

3. Смирнов, В.С. Педагогические условия формирования опыта конструктивного взаимодействия у курсантов военного вуза в трудных ситуациях жизнедеятельности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / В.С. Смирнов. – Кострома, 2006. – 175 л.

4. Шигабетдинова, Г.М. Партнерство как конструктивное взаимодействие: теоретическая экспозиция проблемы [Электронный ресурс] / Г.М. Шигабетдинова // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 3-1. – Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33611>. – Дата доступа: 12.07.2021.

5. Столяренко, Л.Д. Психология и педагогика: краткий курс лекций / Л.Д. Столяренко, В.Е. Столяренко. – М.: Юрайт, 2013. – 134 с.

6. Чебыкина, О.А. К вопросу о конструктивном взаимодействии [Электронный ресурс] / О.А. Чебыкина // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2014. – № 8. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstruktivnom-vzaimodeystvii>. – Дата доступа: 01.07.2021.

7. Полякова, А.В. Понятие межличностного взаимодействия в социально-образовательной среде [Электронный ресурс] / А.В. Полякова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mezhlichnostnogo-vzaimodeystviya-v-sotsialno-obrazovatelnoy-srede>. – Дата доступа: 15.10.2020.

8. Stukas, A.A. Altruism and helping behavior / A.A. Stukas, E.G. Clary // *Encyclopedia of human behavior* / V.S. Ramachandran (Ed.). – 2nd ed. – Kiddleington, UK: Academic Press, 2012. – Vol. 1. – P. 100–107.

9. Cornwall, G. What the research says about the academic power of friendship [Elektronic resource] / G. Cornwall // *KQED*. – 2020. – Nov. 18. – Mode of access: <https://www.kqed.org/mindshift/56979/what-the-research-says-about-the-academic-power-of-friendship>. – Date of access: 10.04.2022.

10. Sociometric Status and Sex Differences in Children's Friendship Preferences [Elektronic resource] / A.K. Hill [et al.] //

Institute of Education Sciences. – Mode of access: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED267333.pdf>. – Date of access: 22.12.2021.

11. Ahn, H. Classroom-level predictors of the social status of aggression: friendship centralization, friendship density, teacher-student attunement, and gender [Elektronic resource] / H. Ahn, P.C. Rodkin. – Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8336578/>. – Date of access: 11.04.2022.

12. Predicting Children's Prosocial and Co-operative Behavior from Their Temperamental Profiles: A Person-centered Approach [Elektronic resource] / L. Deborah [et al.] // *Social Development*. – 2014. – Vol. 3, iss. 4. – Mode of access: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/sode.12072>. – Date of access: 11.04.2022.

13. Baumrind, D. Current patterns of parental authority / D. Baumrind // *Developmental Psychology*. – 1971. – Vol. 4, № 1, pt. 2. – P. 1–103.

14. Prosocial development in middle childhood: A longitudinal study / N. Eisenberg [et al.] // *Developmental Psychology*. – 1987. – № 23(5). – P. 712–718.

15. Золотухина, М.С. Развитие альтруизма у детей [Электронный ресурс] / М.С. Золотухина, В.М. Симонов, Е.И. Шибилина // *Детская и педагогическая психология*. – 2020. – Режим доступа: <https://xn--90aennpc.xn--plai>. – Дата доступа: 11.04.2022.

16. Siu, Andrew M.H. Predictors of Prosocial Behavior among Chinese High School Students in Hong Kong [Elektronic resource] / Andrew M.H. Siu, Daniel T.L. Shek, Frank H.Y. Lai // *The Scientific World Journal*. – 2012. – Mode of access: <https://www.hindawi.com/journals/tswj/2012/489156/>. – Date of access: 11.04.2022.

17. Rabaglietti, E. Cooperative and non-cooperative behavior in pairs of children: the reciprocal effects of social interaction in the ongoing construction of a play sequence [Elektronic resource] / E. Rabaglietti, F. Giannotta, S. Ciairano // *Psychology of Relationships*. – Nova Science Publishers, Inc., 2009. – Chapter 22. – Mode of access: <https://core.ac.uk/download/pdf/301863163.pdf>. – Date of access: 10.04.2022.

18. Ashman, A.F. Children's cooperative behavior and interactions in trained and untrained work groups in regular classrooms [Elektronic resource] / A.F. Ashman, R.M. Gillies // *Journal of School Psychology*. – 1997. – Vol. 35, iss. 3. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022440597000071>. – Date of access: 11.04.2022.

Поступила в редакцию 20.04.2022

Богатырёва Валентина Васильевна – ректор ВГУ имени П.М. Машерова, доктор экономических наук, профессор.

Богомаз Сергей Леонидович – заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Бондаренко Екатерина Михайловна – старший преподаватель кафедры экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”».

Бочков Александр Александрович – доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

Бочкова Гульчехра Шарофовна – старший преподаватель кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Гончаров Виталий Викторович – доцент кафедры государственного и международного права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина.

Горячева Светлана Михайловна – доцент кафедры экономики и информационных технологий Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат экономических наук.

Грибко Любовь Васильевна – аспирант кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства УО «БГЭУ».

Гуриценок Павел Валентинович – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Ильин Егор Артемович – стажер младшего научного сотрудника научно-исследовательского сектора ВГУ имени П.М. Машерова, магистрант кафедры психологии.

Капусто Анна Владимировна – доцент кафедры аналитической экономики и эконометрики БГУ, кандидат физико-математических наук, доцент.

Карпович Артем Олегович – студент факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова.

Квасникова Вера Владимировна – доцент кафедры коммерческой деятельности и рынка недвижимости УО «БГЭУ», кандидат экономических наук, доцент.

Костюкова Светлана Николаевна – доцент кафедры экономической безопасности БГУ, кандидат экономических наук, доцент.

Круглова Надежда Валентиновна – аспирант кафедры социальной и организационной психологии БГУ.

Молчанов Константин Алексеевич – старший преподаватель кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», соискатель Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Оленина Оксана Евгеньевна – аспирант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Павлыш Эдуард Владимирович – заведующий кафедрой информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Стреленко Анна Анатольевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент, докторант БГУ.

Чернавина Наталья Алексеевна – старший преподаватель кафедры экономической теории и истории УО «ВГАВМ».

Янкевич Елена Михайловна – старший преподаватель кафедры информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, магистр экономических наук.

Bogatyreva Valentina Vasilyevna – Rector of Vitebsk State P.M. Masherov University, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Bogomaz Sergei Leonidovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Bondarenko Ekaterina Mikhailovna – Senior Lecturer of Vitebsk Branch of International University “MITSO” Department of Economics and Information Technologies.

Bochkov Aleksandr Aleksandrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

Bochkova Gulchekhra Sharofovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Germanic Philology.

Goncharov Vitaly Viktorovich – Assistant Professor of I.T. Trubilin State Agrarian University of Kuban Department of State and International Law.

Goryacheva Svetlana Mikhailovna – Associate Professor of Vitebsk Branch of International University “MITSO” Department of Economics and Information Technologies, PhD (Economics).

Gribko Lyubov Vasilyevna – Postgraduate Student of BSEU Department of Accounting, Analysis and Audit in the National Economy Sectors.

Gurshchenkov Pavel Valentinovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Ilyin Egor Artemovich – Trainee Junior Researcher of Vitebsk State P.M. Masherov University Research Center, Master of Psychology Department.

Kapusto Anna Vladimirovna – Assistant Professor of BSU Department of Analytical Economics and Econometrics, PhD (Physics and Mathematics), Assistant Professor.

Karpovich Artem Olegovich – Student of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Mathematics and Information Technologies.

Kvasnikova Vera Vladimirovna – Assistant Professor of BSEU Department of Commercial Activity and Real Estate Market, PhD (Economics), Assistant Professor.

Kostiukova Svetlana Nikolayevna – Assistant Professor of BSU Department of Economic Security, PhD (Economics), Assistant Professor.

Kruglova Nadezhda Valentinovna – Postgraduate Student of BSU Department of Social and Organization Psychology.

Molchanov Konstantin Alekseyevich – Senior Lecturer of Vitebsk Branch of International University “MITSO” Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines, National Center for Law and Legal Research of the Republic of Belarus Applicant.

Olenina Oksana Evgenyevna – Postgraduate Student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology.

Pavlysh Eduard Vladimirovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, PhD (Economics), Assistant Professor.

Strelenko Anna Anatolyevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Chernavina Natalya Alekseyevna – Senior Lecturer of Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine Department of Economic Theory and History.

Yankevich Elena Mikhailovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, Master of Science (Economics).

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);

- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется

в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
- номер телефона, адрес электронной почты автора;
- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the AntiPlagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 19.12.2022. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 9,42. Тираж 100 экз. Заказ 243.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.